

Анна ЛОФ

Кедровка

Современный любовный роман

Бывают в жизни порой такие повороты, что только держись! И ведь правду говорят, если всё летит к чертям, то вы на переломном моменте вашей судьбы!

Сама того не ожидая, я попала в передрагу. Меня подставил собственный муж. Наделал долгов и смылся, а отвечать мне!

И помощи ждать не от кого, тем более, что я привыкла полагаться только на себя, или...

Тот, кто приходит мне на помощь, совсем не герой, и плату берёт не деньгами.

Суровый, грубый, и пошлый. И прёт напролом, как... ледокол!

Часть первая

1

Автобус припоздал на пару минут. Я уже и без того вся продрогшая, на осеннем ветру, зашла в него, матерясь про себя.

Задолбала эта промозглая погода! Где, блин обещанное бабье лето?

Устлало, опустилась на свободное сидение, расплатилась с подошедшим кондуктором, и уставилась на вечерний город, проплывающий за окном.

В голове, как всегда рой мыслей.

Что приготовить на завтра? Чистая ли у Андрея рубашка? Дома ли Юра? Да куда он блин денется? Вот иногда хочется, чтобы делся, куда-нибудь, хоть куда-нибудь!!!

Настроение, и без того паршивое, совсем сползло ниже плинтуса, как представляю, что опять предстоит ругаться с мужем.

Достала телефон, с намерением заткнуть уши музыкой, и так и замерла.

Напротив сидел, какой-то мужик, бомжеватого вида, весь заросший, с грязной бородой, в каких-то лохмотьях, и просто пристально смотрел на меня. Хмуро и презрительно его холодные серые глаза, встретились с моими.

Я вообще не поняла, что за хрень такая, чего ему надо, блин?

Ещё, бомжи на тебя Юлька не западали!

Явно мой пошарпанный видок, привлёк его.

Просто пипец! Выкину на хрен этот старую куртку, если уж в ней всякие бродяги на меня западают!

Хотя с таким презрением, с каким на меня смотрит, не западают, а ноги вытирают!

Я демонстративно отвернулась, вставила в уши наушники. Под такое настроение, хотелось что-нибудь, потяжелее. В плей-листе нашла SOAD и врубила на полную, аж дух захватило.

Но мысли, не уши, а наедине с собой, вполне так обозначились, что я в свои двадцать пять, так прекрасно и цветуще выгляжу, спасибо ушлёпку мужу, благодаря которому приходится работать на двух работах, что всякие бомжи уже смотрят как на свою.

Краем глаза поглядываю на мужика, ему сейчас не до меня, к нему подошла кондуктор, и судя по выражения лица, что-то назидательно ему говорит. Он отвечает, еле губы разлепляет, хотя где там эти губы, одна борода, да усы, тёмные. Шапка на брови сдвинута, только одни глаза серые сверкают. Сидит надменно, и вальяжно, словно и не бомж, а король, автобуса, блин!

Интересно, что у них там за спор? Делаю музыку тише, на ноль свожу.

— Либо платите, либо выходите! — тут же слышу голос кондуктора. Верещит, потому

что против такого бугая, только голос и поможет. Как против медведя.

В автобусе пусто, почти последний рейс, помочь некому, вот и старается женщина.

— Хуй я куда выйду, — рычит бродяга.

— Тогда платите! — вопит кондуктор. — Почему я должна вас везти бесплатно?

— Бля, — ворчит медведь, — съебись, не отсвечивай!

— Ещё и хамите! — возмущается женщина, покрываясь пятнами.

Мне становится так обидно за неё. Мне вот тоже приходится со всяким хамлом по работе встречаться, прекрасно её понимаю.

Достаю из кошелька свою карту, протягиваю ей.

— Вот возьмите за мужчину, и не портите себе настроение!

Она растерянно смотрит на меня.

— Да ведь дело не в этом, — потерянно бормочет, но карту берёт и проводит поездку, возвращает.

— Хоть бы спасибо сказали девушке, — уже обращается к мужчине, который опять взялся сверлить меня своими ледышками.

Я только хмыкаю.

Нужно мне его спасибо!

И отворачиваюсь опять к окну, снова погружаясь в музыку, и свои тяжёлые мысли.

Он выходит за две остановки до меня, одаривая холодом напоследок, и я вздыхаю с облегчением. Разглядываю его широкую спину, в какой-то телогрейке, и прямо дышу легче, словно с груди камень упал...

И какого хрена ему надо, словно я в чём-то виновата перед ним.

Но, уже выбегая на своей остановке, забываю про него. Сразу захожу в магазин, грузюсь едой, тащусь до дома.

2

В пороге встречает сын, пакеты тяжёлые отбирает, тащит на кухню. Муж хоть бы с дивана привстал.

— Юр, ты уже совсем охамел, хоть бы поднялся! — ворчу я, раздеваясь.

— Андрюха же подошёл, — тянет он, так и не пошевелившись.

— Ему всего девять...

— И что? — тут же взвизгивает мой муж.

Тема у нас эта больная. Я против эксплуатации сына, а его папаша считает, что раз Андрей мальчик, то должен делать теперь всю его работу, причем лет так с семи.

— Я в его годы, всё сам делал!

— Что же ты тогда перестал, хоть что-то делать? Целыми днями только и лежишь на диване? — мне-то палец в рот не клади. Я эту картину, уже второй год наблюдаю. Как попёрли его с тёплого местечка водилы, в лесхозе, так и сидит, на моей шее.

— Блядь, началось! — злиться Юра. — Пришла домой! — с дивана соскакивает. — Ну, если нет работы, что мне теперь сдохнуть!

Старая песня про то, что он никак не может нигде устроится, тоже уже осточертела мне. Здоровый лоб, под два метра ростом, руки как наковальни, и не может никуда устроится.

— Ну, так сдохни, сделай милость, — с остервенением скидываю вещи.

— А тебе, блядь только деньги нужны! — обвиняет меня. — Когда зарабатывал был хороший, а теперь плохой, да?

— Ты гонишь, что ли? — уже не стесняясь, ору на него.

— Я на двух работах впахиваю, а ты сука, лежишь на диване без зазрения совести. Конечно, ты плохой! — натягиваю халат, но от бешенства никак не могу совладать с пуговицами.

— Не впахивай, кто тебя заставляет, — хмыкает это скот.

— А оплачивать, коммуналку, продукты, школу ты будешь? — кричу уже ему вдогонку, потому что он скрывается в туалете.

Всё разговор закончен.

Блин, где же были мои мозги, когда я в восемнадцать за него замуж выскакивала?

Да вон мои мозги, в кухне копошатся. Я подхожу, обнимаю Андрейку, целую светлую макушку. В шестнадцать залетела, от этого ловеласа, любила, наперекор всем пошла родителям, школе, обществу. Из армии ждала, с ребёнком на руках. Счастья не было предела, думала что навсегда и навечно, и только так. Пока не разбилось наше счастье о быт. А вернее когда работаешь безвылазно, в одного, и не видишь в ответ ни капли помощи, тут никакое счастье не выдержит.

Сил нет, никаких. Говорила мне мама, что сперва образование надо получить, а уж потом замуж бежать. Права была, ох как права была. Я теперь, только и могу что официанткой, да посудомойкой работать, ничего стоящего не могу найти. Даже для продавца не гожусь, там тоже образование нужно. А этот гад лежит и в ус не дует. И какое, на хрен счастье?

— Мам, я всё разложил, ты давай в душ, и спать, утром, поем хлопья! — Андрейка тоже меня обнимает.

Вот благословение, благодать моя. Мой сын. Во всём помогает. Учится хорошо. На соревнованиях только первые места. Ради него в лепёшку расшибусь, и плевать на Юру, ради такого сына, готова вытерпеть всё.

— Спасибо, моё сокровище, — глажу впалые щёчки, и заглядываю в такие же, как у меня зелёные глаза, и лохмачу такие же светлые волосы. Моя копия.

— Не переживай, скоро мне будет четырнадцать, пойду на работу, — изрекает моё чадо.

— Андрей ну какая работа, тебе учиться надо, посмотри на меня, — я устало падаю на стул. — Образование самое главное.

— Мам, почему ты его не бросишь? — вдруг спрашивает Андрей.

Я воздухом давлюсь. Мой девятилетний сын, спрашивает, почему я не брошу его отца. И это просто край.

— Андрей, это сложный вопрос...

— Мам, что сложного, если тебе с ним плохо, зачем он тебе нужен? — говорит сын.

И я даже не знаю, что ответить на эту логику. Он теперь совершенно не воспринимает отца. Слыша все наши ссоры, и взаимные упрёки, он просто перестал его уважать. Он всегда с ним вежлив, но холоден.

И это в девять лет! А папашу, по-моему, это совсем не волнует, что он теряет своего сына. А ведь я отчасти виновата в этом. Нужно вести себя сдержано, не ругаться при сыне, не выяснять отношения. Но силы мои на исходе, особенно, когда притащишься с работы, а он как с утра лежал, так и лежит.

— Я подумаю, над этим, — обещаю сыну.

— Класс наш, на каникулы едет в столицу, — переключается сын, — а я решил остаться, надо потренироваться, скоро Всероссийский кубок.

Вот в этом весь мой сын. Чтобы я совестью не мучилась, он сразу отказывается от поездки, вроде, как и не нужна она ему.

— А ты хочешь? — спрашиваю, разминая, усталую шею.

— Нет, — слишком поспешно отвечает, понимаю, что очень хочет.

— Когда надо деньги сдать?

— Мам?

— Андрюш, просто скажи!

— Послезавтра, но там такая сумма... — а у самого глаза блестят.

— Спишусь завтра с вашей классной, выясню всё, — улыбаюсь я.

Есть у меня заначка, придётся растребушить. Ради такого ребёнка не жалко.

Иду в ванную. Скидываю с себя халат и задерживаю взгляд на себе в зеркале. Тут же этого бомжа вспоминаю. Ну чего бы ему на меня не ластится. Я прямо как все их боевые подруги. Бледная, с синяками под глазами, косметики ноль, не успеваю, с утра, мне лучше лишних полчаса поспать.

Распускаю волосы. Корни болят от сильно скрученной шишки. Они уже вымахали до поясицы, я и не заметила. Каждый день повторяю один и тот же ритуал, собрала и в шишку скрутила. Вот так незаметно они и отросли. Помассировала пальцами голову, и снова на себя смотрю.

Когда-то Юрка меня ведьмой звал. Глаза мои глубокие и яркие, зелёные его поразили. Любил когда я с распущенными волосами ходила. Зароется пятернёй и гладит, елозит как кот. Носом уткнётся, аромат вдохнёт. От одного запах балдел. Потом я их обрезала, и вот гляди-ка снова отросли. Я прикрыла глаза, вспоминая сладкие годы, когда я мечтала стать танцовщицей. Лёгкие, непринужденные. Летала словно бабочка. А потом со мной случился Юра. Закружил уже вихрь, и как время пролетело, не заметила. Особенно последние два года, когда я медленно, но непреклонно начинала ненавидеть его. За малодушие. За тунеядство. За пустой взгляд. Ведь клялся в вечной любви...

Ладно, Юльчик соберись.

Я открыла глаза и снова посмотрела на себя в зеркало.

Лицо ещё гладкое, хоть и усталое, небольшая еле намечающаяся морщинка между бровей. Надо меньше хмуриться.

Губы обветренные. Меньше кусать и не забывать про бальзам.

Вот бомж зараза, заставил, прямо таки переосмыслить своё существование.

Я посмотрела вниз. На грудь в дешевом лифчике. И даже, честно говоря, немного малом, она постоянно норовила выпасть из середины. Есть, слава Богу, чему выпадать.

Есть у меня в запасе, красивый комплект, вот чего я его храню? Послезавтра на работу надену.

Потом критично осмотрела талию и бёдра. Да ненормированное питание, и постоянные перекусы сухпаем сказались. Талия не так тонка, и бедра шире.

Да ну и хрен со всем этим!

Всё что нас не убивает, делает нас сильнее!

И старее, подсказало противное подсознание.

Завтра заплачу за экскурсия сына.

Куртку правда придётся ещё поносить, ну да ладно. Зато обязательно покрашусь, когда пойду на работу, чтобы бомжи не глазели.

И вообще сейчас проведу кардинальные изменения. Я выпотрошила из пачки новый

станок, критично оглядев ноги. А то вот так божж пригласит меня на ужин, а я не готова.

О чём я думаю?

3

На следующий день, списалась с классной Андрея, договорилась про экскурсию. Вся заначка в прах. Ну и ладно!

Юрка с утра умотал, куда-то. Он так всегда делал, когда я на выходном. Говорил, что я ломаю ему мозг, поэтому сваливал из дома.

Вот прав, Андрей, надо нам расходиться.

Что это за жизнь такая? Что вместе, что порознь!

Родители, правда, начнут сокрушаться, и сыпать «мыжеваспредупрежали». Но жить так не возможно.

Потом забылась, врубив музыку, и навела порядок в доме, и приготовила тонну еды.

А что? Выходной, всё по схеме. К вечеру рухнула в кресло, с чувством выполненного долга.

Андрейка, уже убежал на тренировку, Юры так и не было, не то чтобы я переживала, но всё же.

Неужели на работу устроился? Вот это будет поворот.

Но отца мы так сегодня и не дождались.

Также не было его утром. Андрей уже в школу умотал.

Ладно, не маленький мальчик, успокаивала я себя. Но беспокойство все же, захватывало меня. Я даже забыла, что обещала себе, накрасится, и как всегда по привычке, скрутила волосы в жгут и сложила в шишку, потом посмотрела на себя в зеркало.

Блин!

Глянула на время, вроде успеваю. Ладно, ничего выдающегося. Тон чтобы выровнять цвет лица. Тушь. Ресницы сразу запорхали, и глаза стали на пол лица. Чуть румян, уже не такая бледная. Ну и конечно, бальзам. Губы приятно заблестели. А вместо шишки этой, сделаю высокий хвост. Вот теперь посмотрим, какие божжи на меня польстятся.

Выходила я из дома очень довольная собой. Вышагивала, ловила солнышко. А потом меня почти с ног до головы обрызгала проезжающая машина. Вот такое гадство! Еле оттёрла салфетками, мою многострадальную куртку, и уже не так пафосно продолжила путь до работы.

Ресторан «Графин» был особым местом. Он притягивал разный контингент. Здесь с двенадцати до четырёх дня, в бизнес-ланч, могли обедать менеджеры среднего звена, и студенты. Здесь часто собирались весёлые компании молодых и не очень людей, и даже романтик был не чужд этому месту.

А еще «Графин» был притяжением всяких подозрительных типов. Происходило это ближе к вечеру, когда обстановка становилось томной, а музыка, более блатной, и не было здесь уже того утреннего и дневного задора. Теперь за столами сидели страшные дядьки, с разукрашенными деваками, и решали вопросы, тёрли темы, и просто отдыхали.

Ночные смены никто из нас не любил, ну разве Машка. Ну, она подседа на одного из «серьёзных людей», и всё строила ему глазки. Честно я её не понимала, но не осуждала, не моё дело. Но работать ночью я не любила, если только не на второй своей работе. Посудомойкой.

Тогда можно было врубить в наушниках Don Diablo [1], и ловить кайф, намывть горы тарелок, ложек, и прочих приборов, пританцовывая. И никто к тебе не лез.

В зале же нужно быть юркой. И заказ выполнить, и чтобы не полапали ночные посетители, и ещё и чаевые оставили.

Меня, правда особо и не лапали. Я сразу такие поползновения пресекала. Просто по рукам лупила, и на «чё ты», и «не ломайся», не велась, слала в далёкий и пеший. Пару раз, правда, чуть не нарвалась, приходилось помощи просить у парней из охраны. А так, в принципе, уже приноровилась. Рожу кирпичом, меньше улыбочек. Блузочка на все пуговички. Юбка ниже колен. И на меня особо и не обращали внимания.

Сегодня смена была дневной, и ночная посудомойкой. Зарплата получалась неплохая. Так что новая куртка не за горами.

— Что за праздник? — встречает меня Ленка. — Неужели Юре дала?

— Ну, вот ещё, — фыркаю я в ответ коллеге и по совместительству приятельнице, — просто на меня уже бомжи засматриваются, решила исправить, чтобы за свою не принимали.

Ленка откровенно ржет, над моей историей, пока мы переодеваемся. Ей хорошо, она красотка. Темноволосая миниатюрная, кареглазая, свободная. Мужиками крутит, как хочет, сейчас вот с тремя встречается, как успеваешь, причём один из ночной смены.

— Молодец Юлёк, так держать, а то совсем ты со своим Юриком, про себя забыла, — поддерживает она меня.

Я поправляю форму перед зеркалом. Намного неудобно, и с непривычки, давят стринги, от нового комплекта, зато бюстгальтер сидит шикарно. Грудь высокая, на месте, не надо поправлять ежеминутно съезжающие бретельки.

— Так, — в подсобку входит администратор Марго, придирчиво осматривает нас, делает замечания, мне тоже перепадает.

— Кузнецова, волосы собери, нечего ими над тарелками трясти! — ворчит она.

Марго вообще хорошая тётка, не жестит понапрасну, всегда лояльна к просьбам, но и порядок тоже любит. Да и для своих сорока выглядит неплохо. Такая ухоженная блондинка. Пышненькая, но её это совершенно не портит, а придаёт даже некий шарм. Поговаривают, что у неё роман с Ашотом Гургеновичем, хозяином ресторана. Но это только поговаривают, точно никто не знает, тем более что Марго замужем.

— И ещё, Кузнецова, было бы не плохо, если бы ты так выглядела, всё время, — кивает мне одобрительно.

— Постараюсь, — отзываюсь я и выхожу в зал.

День пролетает легко и быстро. После обеда созваниваемся с Андреем. Сын рассказывает новости. Спрашиваю про Юру, говорит, что не было. Напоминаю, что сегодня я в ночную, чтобы не терял, и звонил если что. Мальчик у меня самостоятельный. На соревнования без меня, с семи лет ездит, так что он молодец.

Перед ночной сменой, немного отдыхаю, удаётся даже подремать с часок. Потом начинается. Потянулись первые посетители, поёрла посуда. Я переодеваюсь в свою одежду, натягиваю клеёнчатый фартук, и перчатки, наушники в уши, и поехало.

К двенадцати небольшой перекур. Я пью кофе, болтая с Машкой. Её серьёзный дяденька не пришёл, она в расстройстве. Я молчу, и только слушаю. Не говорю, что это и так было понятно, что все они тут хозяева жизни, а мы для них, так игрушки, и надеяться среди этого контингента, на серьёзные отношения, надо быть либо идиоткой, либо очень наивной. Машка по ходу идиотка, потому что верит в любовь бандита к ней.

После перекура возвращаюсь в помывочную. Там уже гора. Снова всё заново. Ноги уже

откровенно ноют, поясница тоже. Голова болит. Середина смены только, надо собраться.

— Юль! — тянет меня за плечо Серёга, один из охранников.

Я оборачиваюсь, и, скинув перчатки, вытаскиваю наушники из ушей.

— Ух, ты! — говорит он, по-моему, совсем не то, что собирался. — Ты сегодня классно выглядишь.

Я улыбаюсь.

Вот так тебе бомж! Шах и мат. Я ещё могу нормальных мужиков привлекать. Вообще Серёга мне нравился. Он был высокий, плечистый, в прошлом военный. Ёжик коротких волос, и темный прищур глаз, сводили с ума не только меня. Но, блин Серёга был женат, и я не могла перейти эту черту, даже, после того как у нас Юрой всё стало хреново, хотя он был по ходу не против, и не раз переходил её с другими девчонками. И быть одной из его шалав, как-то не хотелось совсем. Поэтому я иногда просто ограничивалась невинным флиртом, и слала его подальше, если он намекал на продолжение. Из всего этого, сложились вполне неплохие дружеские отношения.

— Там тебя кое-кто спрашивает, — замялся Серёга.

— Кто? — удивляет больше его поведение.

— Кликуха у него Шмель, очень опасный типок. Ты не в курсе, что он от тебя хочет? — Серёга подозрительно на меня посмотрел.

— Какой ещё Шмель, Сереж? — я в недоумении смотрю на охранника.

— Иди сюда, — он протягивает руку, хватая меня за рукав, и тянет к выходу. Я безропотно иду за ним. Из кухни мы выглядываем, в зал. Серёга кивком указывает на мужчину стоящего возле бара. Низкорослый коренастый, и рыжий.

— Знаком тебе? — снова интересуется Серёга.

— Серёж, говорю же, не знаю я его, — разглядываю мужчину, который опрокидывает в себя рюмку водки.

— Просит тебя выйти к нему, говорит, к тебе базар имеется, — передаёт Серёжа слова Шмеля.

— Ну надо, выйду, — пожимаю плечами, и снимаю фартук. Мало ли кто это. Пока не спрошу, не узнаю.

— Ты если что, зови, — Серёга останавливает меня на выходе, — не нравится он мне.

— Хорошо, — улыбаюсь ему.

— И это Юль, может как-нибудь... — снова за руку хватает.

— Иди на хрен, Соколов, — шлю ему всё ту же милую улыбку, и выхожу в зал.

[1] Don Diablo — нидерландский диджей и музыкальный продюсер в жанре электронной музыки.

4

Подхожу к бару.

Мужчина, словно чувствует моё приближение, поворачивается. Жесткий, холодный взгляд, просто безжизненный упирается в меня, и я спотыкаюсь, и останавливаюсь, не доходя пары шагов.

— Вы искали меня? — стараюсь говорить твердо, но он просто выкашивает меня своим ужасными глазами.

Он подходит ко мне сам, и чувствую, как от него веет потом, вперемежку с туалетной водой, такой сладкой и отвратной, что дышать рядом с ним невозможно.

— Слушай сюда, цыпа, — скрежещет его голос, противный настолько, что спорит с

ароматом его туалетной воды.

— Твой муженёк, проиграл в картишки, деньги которые взял у меня. Надо бы долг вернуть.

— Вы о Юре говорите? — сперва вообще не врубилась, о чем он вообще.

— О Юре, о Юре, — кивает он, и ещё ближе подходит, а я отодвигаюсь, — о мудаке, твоём муженьке. Взял пятьсот, должен лям. Пропал со всех радаров, где его искать?

— Послушайте, — я пытаюсь максимально быстро обработать полученную информацию, но бандит перебивает меня, опасно сверкая глазами.

— Это ты послушай, цыпа, — надвигается на меня, — от меня не сбежать. Нет муженька, ты плати.

— Вы в своём уме! — выхожу я из себя. — Вы что считаете, что я здесь миллионы зарабатываю, официанткой и посудомойкой! Я не знаю где он. Со вчерашнего дня дома не появлялся!

— Да мне по хуй, где ты деньги возьмёшь, хоть на панель иди...

— Да пошёл ты, — я показываю ему средний палец, — нужно было смотреть, кому деньги даёшь, дядя.

— Ах ты, сука, дерзкая, — краснеет Шмель, и кивает кому-то за моей спиной. Я так пятилась, что незаметно допятилась, до входа в коридор с подсобными помещениями. Я оборачиваюсь, как раз в тот момент, когда ко мне подходят два бугая.

— Хотел тебе отсрочку неделю дать, да видимо не хватает тебе мотивации, — снова скрипит Шмель.

А я только способна удивиться, что такой как Шмель, знает слово «мотивация», да бросить взгляд туда, где стоял Серега, когда меня скручивают и тащат в темноту коридора. Я даже сперва не сопротивляюсь, не могу поверить, что это правда. А когда меня вталкивают, в одно из помещений, здесь, кажется, отдыхают уборщицы, я разворачиваюсь к мужчинам, что надвигаются на меня, и бесстрашно на них смотрю.

— Вы что серьёзно, втроём будете меня бить?

— Вдвоём, — поправляет Шмель, и кивает на своих ухмыляющихся амбалов, — и не только бить.

— Возможно, тебе понравится, — хмыкает один из них, надвигаясь на меня.

— Нет, не понравится, — второй так же угрожающе идёт за ним.

— Так, сильно не калечить, просто маленькое внушение, — командует Шмель и скрывается за дверью.

А я прижимаюсь к стене, и затравлено смотрю на своих мучителей.

— Вам что, бабы просто так не дают? — голос дрожит. — Или у вас комплексы? Может писюны маленькие?

«Сука, Юля, молчи!» — орёт внутренний голос. — «Моли о пощаде!»

«Хрен тебе», — отвечаю я ему, и ощетиливаюсь, готовая защищаться да последнего. Буду рвать и кусать.

— Щас заценишь, — ухмыляется один из амбалов, — когда засажу тебе, сама скажешь!

— Смотри- ка, боевая! — смеётся второй.

Они подходят с двух сторон, и мой рывок вперёд, пресекают быстро и жестко. Впечатывают в стену, да так что у меня в глазах темнеет, и я сползаю по стеночке.

— Куда ты, сучка? — на горло ложиться железный хват и вздёргивает вверх.

— Твари, — хриплю я, — только так и можете?

— Заткнись, — рычит держащий меня парень, и отвешивает оплеуху.

Такое ощущение, что он меня кувалдой приложил. Искры из глаз посыпались. Я всхлипываю, и подношу руки к лицу. По верхней губе из носа струится кровь.

— Ну, чё там у нас? — лениво спрашивает второй, и задирает мою футболку.

— О! Дойки класс! — сразу же ощущаю грубые прикосновения, что жмут мою грудь. Потом и вовсе рвут мой бюстгальтер. И этот треск, меня словно из ступора выводит. Я начинаю биться и извиваться в руках бандита, норовя попасть куда побольнее. Матерю их, на чём свет стоит. Но это опять быстро и жестко пресекают. Просто бьют наотмашь по лицу, и я падаю на пол, даже в ушах звенит, и сознание только чудом держится. Как издали, слышу их смех. Потом ощущаю, как меня вздергивают вверх, и укладывают животом на стол, и сдирают джинсы.

— Охуеть, да тут такая задница! — гогочет один из извергов, и лупит меня по ягодицам.

Я вскрикиваю, от хлестких ударов, и всё ещё пытаюсь вывернуться из хватки. Но меня крепко держат, придавив к столу, так что и дышать тяжело.

— Отпустите, — хриплю, из последних сил.

— Отпустим, — обещает стоящий впереди, и тычется своей шириной мне в рот, недвусмысленно намекая на минет.

— Ну, давай рискни! — не сдаюсь я, и плотоядно оскаливаюсь.

— Вот же сучка, — отстраняется он, — не-е, на хуй надо!

Второй снова ржёт, и рвет мои трусы.

— Тут такая жопа, на двоих хватит, — выдаёт он, утешая друга.

Я снова взвиваюсь, и мне удаётся вывернуться, и я неуклюже падаю на пол, больно ударяюсь боком, но всё равно, начинаю отползать к стенке.

— Ну, чё ты выёбываешься? — скалится амбал, и подхватывает меня под мышки, поднимает вверх. — Мы же всё равно своё получим!

— Да пошли вы, твари! — шиплю я, из последних сил. Меня снова сжимают. На этот раз один скручивает руки за спиной, а второй стоит спереди, с ухмыляющейся рожей.

— Какая смелая малышка! — говорит он, и оттирает с моего лица, всё ещё струящуюся кровь из носа. — Давай так! Отсосёшь нам с другом, по очереди, и мы тебя не тронем!

Позади раздаётся довольное фырканье. Видимо, второй тоже согласен.

А у меня внутри такая ярость нарастет. Два здоровых лба, измываются над маленькой мной, ну ладно пусть не совсем маленькой, но все же я слабее их, во много раз. И от этого внутри такой протест назревает. Я смело смотрю в тупую рожу, недомужчины, стоящего впереди.

— Давай так! — еле губы опухшие разлепляю. — Отсосите друг у друга, и идите в жопу, сволочи!

Внутренний голос просто вопит от страха, инстинкты на пределе. То, что за свою дерзость я отхвачу, я это понимаю, но сдаваться не в моих правилах.

Сзади раздаётся рык, и мои и без того скрученные руки, сжимают так, что я начинаю кричать и падаю на колени. Такое ощущение, что мне их выломали. Передний тип, перестаёт улыбаться, оскаливается и заносит руку для удара, и я понимаю, что возможно этот удар станет для меня последним. И тут внезапно открывается дверь. В затуманенном от боли и страха сознании, мелькает мысль, что возможно, это Серёга пришел ко мне на помощь.

Но на пороге стоит совершенно другой мужчина.

Мои мучители оглядываются. Я тоже вскидываю взгляд. В дверном проёме, этой убогой каморки, стоит высокий мужчина. Широкие плечи чуть ли не задевают косяки. Синие джинсы, тёмная футболка, и кожаная куртка. Вьющиеся темные, отросшие волосы. Лицо жёсткое, словно из камня высеченное, особенно сейчас, когда он угрюмо взирает на всех нас, своими холодными серыми глазами, из под густых бровей.

Глаза!

И в моей памяти сразу же всплывает бомж из автобуса. Не может быть, чтобы это был он. Но это он. Такой холодный и презрительный взгляд не забудешь. Губы сжаты в линию в обрамлении тёмной щетины, словно он сейчас плюнет, развернётся и уйдёт. И я впиваюсь в него умоляющим взглядом, хотя не понятно, кого следует бояться больше, моих насильников, или его.

— Чё творите, ребятня? — спрашивает он, и складывает руки в карманы, словно он просто проходил мимо и интересуется ради праздного любопытства. Голос при этом царапает напряжением. В низком, хриплом тембре чувствуется неприязнь.

— Слушай, мужик, иди отсюда, — кидает передний амбал, и настороженно смотрит на него.

— Уверен? — спрашивает мужчина, немного качнувшись, и в полоску света попадет его суровое лицо. Он слегка склоняет голову, хищно рассматривая, парней.

— Извини, Ямал, — вдруг произносит второй гад, что стоит за моей спиной, и отпускает мои руки. Я тут же со стоном притягиваю их, и верчу плечами, продолжая пристально смотреть за громилкой. — Если ли есть какие-то вопросы, перетри со Шмельём, это он нам девку заказал.

— Перетру, — кивает Ямал, — её не трогать! — отдаёт приказ и выходит.

Хрен знает, что значит его покровительство, и зачем ему это надо. Но бугаи тут же, теряют ко мне интерес, так и оставляют на полу, а сами отходят к двери.

— Это что, Ямал? — спрашивает первый.

— Да, он откинулся пару дней назад, — отвечает второй.

— Бля, я его не узнал, — досадует первый.

Я отползаю к стенке, встаю, и стараюсь привести в порядок одежду, утереть с лица кровь футболкой, натягиваю джинсы.

— Эй, ты, что Ямала знаешь? — видимо это обращение ко мне.

Я вскидываю взгляд, и презрительно кривлю губы.

— Да, — почти не вру, — и вам кранты!

Вижу, как в глазах обоих мелькает досада, и страх. Прямо упиваюсь этим их чувством, что они попали.

— Ну, блядь, Шмель, сука! — тут же взрывается первый.

— Слушай, — опять ко мне, — ну мы же ничего не сделали!

Я задираю бровь. Прекрасно понимаю, что мой потрепанный, кровавый вид, говорит об обратном.

— Ну, почти, — заканчивает глухо амбал.

Наш милый разговор, прерывает появления того, как я теперь узнала, называли Ямалом. Он снова заполнил собой всё пространство, как только вошёл. И тут же впился взглядом в меня. Я спокойно выдержала его, вскинула подбородок. Где-то внутри зарождалась истерика, которая грозила смести всё на своём пути. И я подавляла её из последних сил. Руки тряслись, в горле застрял ком. То чего я избежала, боли, унижения, истязаний,

обрушивалось на меня неминуемым осознанием. Если бы не этот огромный странный мужчина, с оригинальным прозвищем не спас меня, эти бы ублюдки всласть бы повеселились. Упивались бы своей силой и властью надо мной, а сейчас стоят, точно дети нашкодившие. Только это давно не дети. Это мужчины, а вернее недомужчины.

Но сейчас нужно держать себя в руках. Не капли, не проронить при них. Причём при всех.

— Ямал, ты это, прости, мы же не знали, — начал тут же лебезить первый.

Ямал лениво перевел свои ледышки на парня.

— Мне по хуй! — кинул он, и снова посмотрел на меня. — Пойдём! — и вышел.

Я не заставила себя долго ждать, проскользнула мимо своих мучителей, засеменила за высокой фигурой, по тёмному коридору.

Мы вышли в зал. Здесь так и продолжался праздник жизни, никто и не заметил, что где то в закутках этого ресторана, чуть не изнасиловали меня. Даже Серёга стоит вполоборота, не обращая на меня внимание, хотя сам просил подать знак в случае опасности.

Ямал остановился, повернулся ко мне.

— Спасибо, — я искренне была ему благодарна, хотя я уже вполне осознала, что мой спаситель, не простой слесарь, или водитель. Поняла, что он опаснее, тех, что на меня напали, и даже того, кто отдал приказ. Но он почему-то появился вовремя, остановил тот беспредел, что собирались со мной сделать, и поэтому сказать ему спасибо стоило в первую очередь.

Он усмехнулся, и всё так же холодно окинул взглядом мою фигуру.

— Ещё успеешь поблагодарить, — кривит рот в усмешке.

И я озадачена этим ответом.

— Что?

— Как звать? — сбивает с толку, и снова руки в карманы кладёт, нависает словно скала.

— Юля, — оторопь берёт от его глаз.

— Юлька-пулька, — хмыкает он.

— Я могу идти, у меня ещё работа? — спросила я.

— Нет, — припечатывает ответом, — можешь вещи свои собрать. Я буду здесь ждать.

— Ждать? Но зачем? Мне доработать надо! — меня начинает одолевать смутное сомнение. Я переминаюсь с ноги на ногу, и шмыгаю носом.

— На сегодня твоя работа здесь закончена, давай резче, — нетерпеливо бросает и отходит к бару.

Чего он хочет от меня, так и остаётся тайной. Хотя, вполне возможно он хочет меня домой отвезти.

6

Я пробираюсь в кухню, потом оттуда в помывочную. Игнорирую любопытные взгляды, которые на меня бросает каждый встретившийся.

Где вы, блин, все были, когда меня чуть не изнасиловали?

Снова проносятся картины из только что пережитого кошмара, и воображение дорисовывает то, что могло случиться и меня начинает мутить. Я несусь в служебный туалет, и меня выворачивает. Оседаю на пол, и даю волю слезам.

Трясёт.

Оторопь берёт.

Истерика во всей красе.

Ну, Юра, сука, я сама тебя порешу!

Я неуклюже поправляю рваный лифчик, от которого теперь мало толку. И мне становится так его жалко. Хранила, хранила, надела, и на тебе!

Мои рыдания прерывает резко открывающаяся дверь, причем щеколда, на которую она была закрыта, тут же отлетает.

— Ну и чё ты ноешь? — в проходе стоит Ямал, уперев в меня хмурый взгляд. — Я же сказал, что буду тебя ждать, какого хера, ты сидишь здесь и ревёшь!

Он дёргает меня за шкирку, и наклоняет над раковиной, включает холодную воду, и моет лицо.

Я верещу от холода и пытаюсь оттолкнуть его, но он не прошибаем, просто стена, причём титановая.

— Да что ты делаешь? — плююсь я водой, что он щедро вливает мне в рот своей лапщей.

— Всё успокоилась?! — гремит его голос на всю кабинку.

— Да! Да! Успокоилась! — уже не трепыхаюсь, и он отступает от меня. Я смотрю в зеркало над раковиной.

Мама дорогая!

Лицо красное, с разводами туши под глазами, с прилипшими по бокам волосам. Губы опухшие. Нижняя разбита. Вот теперь я точно на подругу бомжа похожа. Но надо отдать должное, истерика испарилась, теперь только злость осталась.

На Юру, козла такого. На этих тварей, что меня пользоваться собирались. На Шмеля этого. На себя, что влипаю во всякое дерьмо. Ну и конечно, на этого Ямала, как ледакол, прёт! У меня на таком дядька ходил.

Ловит в зеркале мой красноречивый взгляд, и усмехается, выходит.

— Слушай, что тебе надо? Давай сразу проясним! — выхожу следом.

Стоим в помывочной, где прибавилось горы две посуды, потому что я другим делом занята.

— Денег у меня нет! Где мой муж, который всё это затеял, я не знаю. Есть только я и сын. Так что, как видишь, взять с меня нечего!

— Давай, проясним! — ухмыляется, и руки на груди складывает. — Я за тебя лям Шмелю отдал! И если ты думаешь, что по доброте душевной, то ты ошибешься. Я ни хуя, ни благородный принц. И если ты думаешь, что с тебя нечего взять, то опять же ошибаешься! Я возьму, и по полной, даже не сомневайся!

— Ты что меня от тех скотов спас, чтобы самому изнасиловать?

— Насиловать нет, трахать да, — спокойно так смотрит, словно погоду обсуждаем.

— Да вы что все вокруг? Вам что баб в округе не хватает? — ору я, но он одним движением пресекает мою вспышку гнева. Просто подходит ближе, и руки по бокам от меня в стену упирает, а глазами холодными в лицо вцепляется.

— Не проблема, красивая, — говорит спокойно, но, как и тогда в подсобке, низкий голос прошивает насквозь, скрытой опасностью, — если тебе по душе ёбля в два хуя, я всё переиграю, и пацанам карт-бланш выдам!

Я всё это время не отрываю от него своих глаз, и он наверняка видит, как от его страшных слов, мой зрачок расширяется, и панику, мелькнувшую в них, тоже наверняка различает, потому что, удовлетворённо кивает.

Я же, помимо пронизывающей опасности, чувствую необъяснимое возбуждение,

находясь, так близко рядом с ним. От него просто исходят энергетические волны, подавляющие волю. Холодный, суровый, безразлично смотрит на мои метания. Сейчас помимо серых глаз различаю, нос с горбинкой, тонкий шрам, что слегка делит правую бровь. Лицо крупное, скуластое. Твердый подбородок и сжатая линия губ. И в волосах вихрастых, кое-где затаилась седина.

Сколько ему лет?

На вид около тридцати пяти. На шее, из под футболки замечаю выползающий орнамент татуировки, и крупная серебряная цепь. Потом снова, поднимаю взгляд на лицо, на полные губы, что сейчас сжаты в плотную линию. А ещё от него исходит настолько волнительный аромат. Сильный, древесный, пьянящий, немного горьковатый. Под стать хозяину.

— Ты же узнал меня, — сглатываю, — думала, поэтому и спас, — нервно прикусываю губу, — зачем я тебе нужна, я же ничего не умею, — резко выдыхаю, потому что, его аромат уже забил все мои рецепторы. — Я совершенно не сведуща во всём этом, — стараюсь опустить взгляд, но он держит, считывая эмоции, — у меня за всю жизнь, был только один мужчина, я бревно, тебе не понравится! — выдаю напоследок.

Его губы растягиваются в улыбке, потом он и вовсе смеётся, довольно мелодично для такой машины.

— Всё сказала? — отсмеявшись, снова становится серьёзным. — Ты, наверное, немного не поняла, Юля. В твоих же интересах, чтобы мне понравилось! Ты теперь имеешь цену, вот и соответствуй! — наконец отступает, даёт передышку. — И да, я тебя узнал, и да, поэтому спас!

— А если не соглашусь, тем тварям отдашь на растерзание? — спрашиваю, хотя и так понятно.

— Отдам, — четко без лишних эмоций. — Или можешь мне миллион вернуть, тоже не хилый вариант, я не откажусь, — снова руки в карманы кладёт, и смотрит так насмешливо.

В ответ рвётся много всего, но озвучивать, то, что я о нём думаю, не решаюсь, элементарно боюсь расправы.

— Ну, всё прояснили? Поехали! Где вещи твои, или так пойдёшь? — теряет он терпения, от игры со мной в гляделки.

— Я не могу уйти, меня уволят, а мне нужно ещё миллион заработать, чтобы тебе отдать! — не удержалась от шпильки.

— Не уволят, собирайся, — и выходит.

7

Мы едем.

Куда? Хрен его знает! С этого вечера я чужая собственность и цена мне миллион рублей.

Мы беспрепятственно покинули ресторан, хотя тут понятно, кто нас остановит, если такой ледокол прёт впереди. Он усадил меня в большую тёмно-бежевую машину, даже пристегнуть не забыл, и вот теперь мы ехали. Я кутаюсь в свою старенькую куртку. Меня потряхивает. Я плююсь на пролетающий мимо пейзаж, и пытаюсь осмыслить сложившуюся ситуацию. Меня совершенно не прельщает принадлежать какому-то бандиту. Как представляю, что вот этими ручищами он сожмёт меня, трогать будет везде, то так отвратно становится, хоть из машинный на ходу выскакивай.

Но... Сука!

Всегда есть но.

И это но, очень важное в моей жизни. Если они добрались до меня, то и до Андрейки могут добраться, а пока рядом Ямал, есть всё же какая-то гарантия защиты. А у такой защиты есть цена. И поэтому я смиренно сижу в машине, и еду туда, где меня будет удобнее разложить и...

Эх, как же паршиво!

Я тяжело вздохнула, и достала телефон. Было начало второго ночи. Андрей, наверное, спит, но я все же звоню, после всех этих событий, будет не лишним.

— Кому звонишь? — бросает на меня взгляд Ямал.

— Я что, вообще теперь, без права действий? — огрызаюсь я.

Он вместо ответа, забирает из моих рук трубку и смотрит на экран.

— Кто такой Андрейка, муженёк твой? — спрашивает он, пока, я рассерженно шиплю, и пытаюсь вырвать трубку.

— Отдай! — выхватываю, и как раз в тот момент, Андрей отвечает.

— Да, мам, — слышится в динамике его заспанный голосок.

— Андрюш, прости что разбудила, у тебя всё в порядке? — затараторила я.

— Да, — зевает сын, — поужинал, уроки сделал, закрылся на все замки, газ проверил, — отрапортовал он.

— Молодец, — выдохнула я, — а папа не появлялся? — спросила и скосила глаза, на своего водителя.

Ямал смотрел на дорогу, то, что чутко слушает, я не сомневалась, но он ничем этого не показывал.

— Нет, не было, — тем временем ответил Андрей.

— Ну, хорошо, спи, я скоро приеду.

Мы попрощались, и я убрала телефон в сумку.

Какое-то время, мы молчали, и я уже начала, думать, что комментарий не последует, но...

— Муженька твоего найду, — толи обещает, толи сообщает мне.

— Прекрасно, — отзываюсь я, — позовёшь, с удовольствием попинаю эту сволочь.

— Что так? Не любишь? — как-то даже обвинительно звучит.

— Не находишь, странным любить того, кто бросил тебя на произвол судьбы? Продал за миллион? — хмыкаю в ответ, стягиваю с пальца обручальное кольцо и прячу его в сумке, подальше и поглубже, и снова кутаюсь в свою куртку. Озноб пробирает до костей, хотя в машине тепло.

— Тебе виднее, ты же за него замуж выходила.

Я в ответ только фыркаю. Тоже мне нашёлся цензор. Даже отвечать не собираюсь, не хватало ещё, чтобы морали мне читал бандит.

Ямал отстаёт. Вопросами больше не мучает. Да и по фиг ему, наверняка.

Машина сворачивает к тёмным высоткам. Двор огорожен забором, и воротами, которые послушно сейчас открываются, и мы продолжаем путь. Спускаемся в подземный паркинг, и там уже тормозим.

Я сижу до тех пор, пока он сам не открывает дверь с моей стороны. Руку правда не протягивает, но он и не джентльмен. Я спускаюсь с высокой подножки, и иду рядом.

Лифт. Прозрачный, такой, что видно ночной город. Отворачиваюсь от него, хотя всё равно в стекле отражается его высокий силуэт. Словно скала позади стоит. Кабина несётся всё выше, и вскоре замирает и двери позади разъезжаются, скала пропадает, и есть большой

соблазн, нажат кнопку, с цифрой один и умчаться, но...

Опять это но.

Я выхожу следом, он уже стоит у одной из дверей, гремит ключами, распахивает дверь, и заходит, даже взгляда не бросил, удостовериться, иду ли я за ним.

Куда я денусь?

Захожу, притворяю дверь, замок тут же щёлкает. Оглядываюсь, стою в шикарной круглой прихожей. Мягкий свет струиться из овальных ниш в стенах, и мерцает с потолка. Рядом просторная вешалка, на которой абсолютно нет никакой одежды, и никакой обуви снизу. Пустой шкаф-купе, с раздвинутыми дверцами. В углу стоит кожаный пуф, на нем валяются ключи. Я неловко, нога об ногу стягиваю кроссовки, и кидаю свою сумку на пуф, как раз в этот момент из светлого проёма, одной из комнат выходит Ямал.

— Ну чё, замерла? — кидает он, и снова скрывается там.

Я несмело иду. Сердце с каждым шагом стучит чуть ли не в ушах.

Ну что я там не видела?

Уговариваю сама себя, а не получается уговорить. Как представляю, что этот мужик, сверху ляжет, прижмётся...

Бр-р-р!

Захожу следом на автомате, всё ещё в этих мыслях, и тут же врезаюсь в твёрдую грудь.

Отскакиваю. Когда успел раздеться по пояс. Стоит ухмыляется. Вся грудь, руки, забиты татуировками. Трудно сейчас рассмотреть, есть и надписи, и рисунки. Блин он без одежды ещё страшнее, со своими габаритами, под разрисованной кожей при каждом движении ходят жгуты мышц.

Увожу взгляд. Осматриваюсь. Эта спальня, и единственный атрибут, самый заметный, это кровать позади меня. Большая, и низкая, с тёмным постельным бельём. Такие же овальные ниши в стенах дают приглушённый свет. Окно занавешено тяжелыми портьерами.

Уютненько, ничего не скажешь!

— Тебе не жарко? — усмехается Ямал, и тянет ко мне свою кувалду.

Я отпрянула.

— Я... Мне, наверное, надо сперва в душ... — я растерянно верчу головой.

Мысли скачут в голове, не одна не задерживается. Найти способ избежать этой близости никак не получается.

— Потом сходишь, — отрезает он, и шагает ко мне.

— Тогда в туалет! — выпаливаю я, и выскакиваю в коридор, верчу головой. — Мне нужно в туалет!

— Вон та дверь, — выходит следом Ямал, я спешу ретироваться туда, куда он указал. Запираюсь, и прислоняюсь спиной к двери, сползаю вниз. Сижу напротив унитаза, и таращусь на красивую настенную плитку.

Вот бы нам в туалете такой ремонт!

Блин, о чем я думаю?

Соберись Юлёк! Соберись и вали, подсказывает внутренний голос. Только сейчас замечаю, что сижу в куртке, вот и хорошо, получится быстро улизнуть.

Если получится.

Какой же он пугающий. Весь в этих наколках. Жесть. Точно ледокол, не зря у меня с ним такие ассоциации.

Я поднимаюсь на подрагивающих ногах, и даже воду спускаю. Выхожу, предварительно

выглянув. Не знаю где он, но рядом нет. В другом конце коридора тоже горит свет, помимо спальни, может он там. Я крадусь к двери, тихо обуваюсь, и начинаю колдовать с замком, но, ни хрена не получается.

Как это открывается? Что за фигня? А потом на мои руки ложится огромная ладонь. Горячая и шершавая. Сдавливает мои пальцы, и я медленно оборачиваюсь. Он смотрит спокойно, холодно.

— Решила слинять? К Шмелю возвращаешься? — вопрос, который отрезал все пути отступления.

8

— Я... Я... Нет... Я не могу... — выдаю более менее оформившуюся мысль.

— Заканчивай, ломаться, — припечатывает грубостью, и к себе разворачивает, — ты же не целочка, чего представление устраиваешь?

— Тебе виднее, — внутри разгорается знакомый пожар ярости, — ты, наверное, привык женщин насиловать!

— Следи за базаром, — режет слух низким рыком, — харе выёбываться!

И дёргает мою куртку. Кнопки отлетают, молния с мясом выдрана. Я стою в лохмотьях. Она и раньше была лохмотьями, но целыми, а теперь что мне делать?

— Да что же вы все рвёте мою одежду!?! — верещу я и накидываюсь на громилу с кулаками. Луплю его опешившую рожу и твердую грудь.

— Вы её покупали? Неужели нельзя... — на этом мой запал резко пресечен, дорыванием куртки, а также футболки, ну а про лифчик и говорить нечего. Я замираю, перед ним по пояс голая, у ног валяется моя бывшая одежда. С ужасом смотрю, как его зрачки расширяются, и стараюсь прикрыться.

Он мгновение смотрит на мою вздымающуюся грудь, потом взгляд медленно наползает на моё лицо. Серые глаза пронзают, острее стрел, прошивают насквозь. Я под этим взглядом цепенею, как в замедленной плёнке, вижу, его огромную ручищу, что ложится на мою шею, сдавливает, и к себе припечатывает. Грудь упирается в стальную стену его мышц, плющиться. Я неотрывно смотрю в потемневшие глаза. Меня накрывает его ароматом, волнующим, но все, же чужеродным. Это настолько противоестественно. Вдыхать запах чужого мужчины. Касаться его самым откровенным образом. А дальше будет ещё хуже.

— Ямал, прошу... — сиплю я, упираюсь ладошками в его плечи.

Но он только по-хозяйски проходиться второй рукой вдоль моей спины, и сжимает ягодицу, сквозь джинсы, прижимает к уже отчётливо чувствующемуся твёрдому члену.

Он, безэмоционально, словно я, и не говорила ничего, смотрит на меня, потом склоняется и кусает за нижнюю губу, на себя тянет. Больно, сразу чувствую металлический привкус, во рту. Открылась незажившая трещинка. Он втягивает в себя нежную плоть, и накрывает своим ртом полностью, поглощая мои стоны. Язык тут же врывается в мой рот, водит по нёбу, и дёснам, трётся о мой. Его вкус наполняет меня. Свежесть ментола, и табак, растворяются на моём языке. Он продолжает мучить мой рот, вытягивая из нижней губы кровь. А я замираю и неотрывно смотрю в его глаза. Он тоже пристально наблюдает за мной, рука его так и лежит на моей шее, фиксируя наклон головы. Я всё также упираюсь в его широкие плечи, и даже давлу, в попытке отстраниться, да только вот, с каждым его движением понимаю, что это бесполезно. Бесполезно, все, что я бы не предприняла. Он наглядно демонстрирует мне свою силу. Свою власть надо мной.

Вторая рука так и мнёт мою ягодицу, и я каждый раз натываюсь на его твердое,

огромное тело. Он же в силах мне просто шею свернуть. Он же может сделать все, что ему вздумается. Что я могу против него? Ничего.

Он отстраняется. Я тут же поджимаю губы. Они болят. Потому что это не поцелуй, а экзекуция надо ртом.

Смотрю в упор. Пытаюсь читать. Предугадать его настроение. Может, сумею среагировать. Но всё оказывается довольно прозаично и просто. Он закидывает меня на плечо и тащит в спальню.

— Нет, подожди! — только и успеваю крикнуть, когда он кидает меня на кровать. Быстро скидывает свои джинсы, вместе с бельём. Я смотрю на его стоящий член, и начинаю отползать.

— Ямал, подожди!

— Чего? — рык, сквозь зубы. Он раскатывает по каменной плоти, одним движением презерватив.

— Я не могу, — выдаю эту глупую фразу.

Что я ещё могу сказать? Как объяснить, что всё моё существо восстает против него. Что он незнакомец. Чужой. Что он не должен так меня касаться, и видеть меня такой, тоже не должен!

— Я могу, — следует ответ.

Он одним рывком хватает мои лодыжки, и подтягивает меня к себе. Скидывает кроссовки, ловко справляется с пуговицей и молнией на джинсах, и одним рывком стаскивает их вместе со стрингами.

Всё, я совершенно голая перед ним. Тут же наваливается, разведя широко мои ноги, и устраивается удобнее. Я больше ничего не успеваю пикнуть, когда чувствую вторжение.

Резко.

Больно.

Я жмурюсь. С губ срывается жалобный всхлип. Я инстинктивно упираюсь в его плечи, и попытке оттолкнуть. У меня давно никого не было, и размер у моего мучителя, значительно больше Юриного. И деликатности ноль. То, что я не совсем готова, никого не волнует.

Он замирает. По телу его проносится дрожь. Он утыкается носом в изгиб моей шеи, и втягивает мой аромат. Так вероломно, тянет его, так же, как и распоряжается всем моим телом.

— Блядь! — хрипит низкий голос. — Какая ты узкая!

Спасибо, за информацию! Я это уже почувствовала! И то какая я узкая, и какой этот громила, огромный. Ощущение, что его член сейчас меня расколется надвое.

Я снова упираюсь в его плечи, но он тут же, закидывает мои руки мне за голову, и прижимает своей. Другой рукой скользит по нежной коже. Шершавая ладонь накрывает грудь, сжимает.

Всхлипываю. На глазах предательские слёзы, которые я стараюсь сдержать, и сквозь которые вижу его напряжённое лицо.

— Зря стараешься, красивая, — хрипит он, и толкается.

Я вздрагиваю. Уже не так больно, скорее неприятно.

— Я не остановлюсь.

— Скотина! — срывается с моих губ, и я тут же задыхаюсь, потому что он усиливает напор. Задаёт бешеный темп. Удовлетворяет свою похоть.

— Сволочь! Гад! — плюю, эти слова прямо в его лицо, которое мелькает передо мной.

Если бы он отпустил мои руки, я бы вцепилась в его растрепанные волосы. Но он до боли сжимает мои запястья. А другой рукой, выше закидывает мою ногу, себе на спину, проникая ещё глубже, хотя куда уже, не понятно.

Боль сменилась чувством распираания, и тяжести. Тяжёлое тело вдавливают меня в кровать. Ритмично. Чётко.

Горячее дыхание, с хрипом вырывается и обрамляет мне, то шею, то щеку. Я отвернулась, чтобы не смотреть, в эти холодные глаза, не видеть одержимости, похоти.

Просто пусть это закончится.

Он думает, что я играю. Что слёзы мои это фальшь. А во мне потихоньку умирает кусочек за кусочком. От этого не отключиться, не абстрагироваться.

Меня имеет чужой мужик. Нещадно таранит. Вбивается. Долбит. И это происходит со мной.

— На меня смотри! — хрипит он, отпустив мои руки, и разворачивая мою голову, за подбородок. Я распахиваю глаза, окунаюсь в темноту его испепеляющего взгляда, и чувствую, как он кончает. Рычит мне в губы, прижимаясь лбом ко лбу. Чувствую вибрации его члена. И взмокшее тело наваливается всей тушей на меня, пока он кончает, сжимает своими пальцами, до боли мою кожу.

— Слезь с меня! — кричат, пытаюсь отползти.

Он тут же скатывается в бок, освобождая, от своей тяжести. Я свожу ноги. Внизу живота натягивается тупая боль. Я неуклюже сажусь, и уже почти встаю, когда меня догоняет вопрос:

— Куда собралась?

9

Я оборачиваюсь и натываюсь на его прищуренный взгляд.

— Ты же... Я думала, что могу... — сама не знаю, что со мной. Не могу никак прийти в себя. Очень хочется забиться в уголок и поскулить.

— Я только разогрелся, — усмехается Ямал, и лениво проводит пальцами вверх по моему позвоночнику. Подтягивается выше, и зарывается рукой, в растрепанные волосы, ещё больше треплет их, стягивая резинку вниз. Тугая шишка окончательно распадается по спине волнами волос.

— Я не... — заикаюсь я, когда он хватает пятернёй мои волосы и оттягивает назад, так что голова запрокидывается. Я вскрикиваю, пытаюсь отодрать его руки от своих волос.

— Я помню, ты не можешь, Юля, — тянет он сильнее, и сверху заглядывает, в мои глаза.

— А я помню, что ты сволочь, — выплёвываю ругательство.

— Ещё какая! — подтверждает он, и отпускает.

Но в следующее мгновение, подтягивает к себе за талию, и кладёт на живот, сверху наваливается.

— Ямал, прошу, перестань! — верчусь в его руках, но судя по возбуждённому члену, что тычется мне в бёдра, напрасно это. — Ты же получил, то, что хотел!

— Кто сказал? — упирает свою руку мне в лопатки, придавливая к матрасу, а зад наоборот задирает вверх. — Это только начало, красивая!

— Начало чего? — замираю я, чувствую как его пальцы, скользят по моему лону. Тихо, нежно, легко, волнительно.

— Оплаты тобой, твоего долга, — тихо басит его голос, а пальцы продолжают

скользить по моим складочкам. Находят чувствительный бугорок, задевает его.

У меня помимо воли вырывается вскрик, и я дёргаю бёдрами.

— Что ты делаешь?! — кричу рассерженно я. — Зачем? — задыхаюсь от растекающихся жарких ощущений. Верчу головой, пытаюсь сдуть пелену волос. Но он держит крепко, продолжая возбуждать меня пальцами. Водит по клитору, дразнит, нежно гладит, размазывая влагу по складочкам. И я снова не могу сдержать стонов, больше выгибаю спину.

— Ямал! Прекрати! — не хочу желать его, не хочу этого возбуждения, не хочу!

— Прекрати, — шепчу, но он делает всё вопреки, особенно, что касается меня. Его пальцы погружаются в меня. Я вздрагиваю, и снова стону, уже подаваясь сама, насаживаясь на ритмичные движения. Возбуждение прошивает острыми иглами низ живота. Бесстыжее, не ведающее стеснения. Я закусываю губу, и сжимаю простынь в кулаках. Его пальцы наполняют меня. Входят резко, задевают чувствительные точки, стирая грани.

— Нет, нет, нет! — шепчу, хотя делаю всё наоборот. Уже без зажима, сама двигаюсь навстречу, чувствуя, что рядом что-то особенное. Рядом поток наслаждения. Рядом. В паре движений пальцами, в паре вздохов, рядом...

— Может всё-таки, да! — наконец говорит Ямал, и вместо пальцев наполняет меня своим членом. Только теперь мне не больно. Теперь это настолько восхитительно хорошо. Я выгибаюсь и протяжно стону, чувствуя, как он скользит во мне.

— Да, да, да! — послушно вторю ему.

Больше не давит, освобождает от груза, но я не противлюсь. Остаюсь почти в той же позе. Волнительной, подчиненной, подвластной.

Пальцы снова до боли в бедра врезаются, тянут, натягивают, фиксируют. Но теперь боль добавляет остроты, добавляет жара. Перед глазами всё плывёт, кислорода не хватает, во рту пересохло от стонов.

Его руки скользят, снова в волосах моих запутываются, тянут на себя, так что голова запрокидывается. Шея трещит. Позвоночник как струна. Я сама как тетива натянута. Всё тело в пыли. В огне.

Наслаждение простреливает с новым толчком. Разливается по телу пульсацией. Заставляет кричать, и замереть, в попытке продлить его как можно дольше. Оглушает.

Я падаю без сил, но мой мучитель не отпускает.

Ямал накрывает своим телом и снова вдальбливается в меня, задрав мой зад. Быстро, жестко. Пока его тоже не начинает бить дрожь, и мой затылок обрамляет горячее дыхание. А тяжесть расслабленного тела снова давит на меня.

— Мне нужно домой, — решаюсь падать голос, когда дыхание приходит в норму.

Лежим на кровати, не касаясь друг друга. Его желание доставить мне наслаждение сбило меня с толку. Я даже смотреть на него не могу.

— Можно я пойду? — спрашиваю и всё-таки разворачиваюсь к нему.

Он смотрит задумчиво, и расслабленно. Потом встаёт. Я упираюсь взглядом в его широкую спину, с буграми мышц, и трафаретами наколок. Взгляд скользит по рисункам, до самого поджарого зада, по мышцам ног.

— Если хочешь, свалить, прекращай глазеть! — обрывает он моё созерцание его фигурой, и я тут же поднимаю глаза. Он смотрит на меня, губы кривятся в усмешке, заметив моё смущение. Потом поднимает с пола свои вещи, роется в карманах, и достаёт сигареты, зажигалку. Закуривает. Жестом предлагает мне. Я так же безмолвно отказываюсь, сажусь, подтянув колени к груди. Волосы по плечам рассыпаются. Укрывают. Хотя как-то

отгородиться от этого кошмара.

Он садится ко мне спиной. Продолжает курить. Он вообще немногословный. Сам себе на уме.

— Одевайся, отвезу, — прилетает глухой приказ. Даже не оборачивается.

— Да я могу сама... — ни минуты не хочу оставаться с ним дольше, чем это нужно.

— Серьёзно? — оборачивается и взглядом холодным царапает. — По пояс голая? Куда поедешь?

— Знаешь что? — забываю про наготу, и про стеснение, соскакиваю с кровати, вспыхивая праведным гневом. — Кто тебе вообще дал право... — слов подходящих не нахожу, по полу вещи свои собираю. — Сам же порвал всё! Ещё и издеваешься!

Он спокойно наблюдает мои метания, продолжая курить, потом одним рывком хватается меня за руку, и к себе притягивает.

Я замираю.

— Допизделась, Юля! — дым мне в лицо выпускает.

— Ямал, нет! Опять? — пытаюсь вырваться. Это не мужчина, это какая-то Виагра ходячая.

— Тиш, тиш! — перекидывает сигарету в уголок рта, и встаёт, меня к себе прижимает.

— Ямал... — я пчусь, но только потому, что он мне позволяет. Просто сам же и подталкивает, у стены зажимает. Тушит сигарету в пепельнице, стоящей рядом на полке, выпускает вверх дым, и снова на меня смотрит. А я, всё его тело, прижатое вплотную, прекрасно ощущаю. Твердая грудь давит, бедра в бедра вжимаются, в стену впечатывают. Член между ног упирается. Он склоняется, носом в мою макушку зарывается, и руками вдоль тела скользит, подхватывает под ягодицы, и поднимает, тут же ноги разводит.

— Ямал, не надо! — сама же за плечи его цепляюсь, потому что теряю координацию, и почву из под ног, и дух, почему-то захватывает, и всё внизу сжимается в тягучей неге. От этой бескомпромиссной грубости.

Ледокол прёт!

— Тебе же понравилось в последний раз, чего ломаешься? — можно было подумать, что это вопрос. Но нет! Это просто констатация факта, потому что вопрос, подразумевает ответ. А ответить я не успеваю, потому что в меня входит твёрдый член. Быстрый толчок, и я выгибаюсь в его руках. Меня словно прострелили. Раз, и я трепещу, от сумасшедшего чувства наполненности, и острого наслаждения награнице с болью. Сама не ожидала, такой отзывчивости от себя. Но чем сильнее он двигает бёдрами, вбиваясь в меня, тем жарче становиться мне. Внизу живота стягивается узел, и с каждым ударом он туже и туже. Грудь трётся о горячую кожу, и я уже сильнее прижимаюсь к нему, стараясь выгнуться сильнее, в жажде урвать кусок мимолетного, но такого желанного удовольствия. Не замечаю, как запускаю ногти в его плечи, скольжу ими по шее и запутываюсь в волосах, сжимаю в руках крупные звенья цепочки. Смотрю пьяным взглядом, в тёмные глаза, тону в похоти, что там плещется, и почти захлёбываюсь. Ямал подаётся вперёд, и накрывает мой рот своим. Жадно кусает, потом языком водит, поглощает мой вкус, словно впитать хочет всю без остатка. Даже стоны и вскрики мои глотает. Съедает.

Мои бедные ягодицы, там, наверное, сплошной синяк, так он их давит, насаживает на себя, и рычит мне в рот. Спина трётся о стену гладкую.

Как у него вообще сил хватает? И меня держать, и в меня входить? Он весь напряжён. Под кожей так и ходят канаты мышц. Бугрятся. Жилиятся.

Пушинкой в его руках себя ощущаю. Лёгкой и невесомой.

— Ямал! — вырывается у меня стон, когда он скользит языком по шее, втягивает в рот нежную кожу, прикусывает, целует. — Да, да, да!

Последние его толчки не ощущаю, взрываюсь словно звезда. Просто сжимаю бёдра сильнее. Руками в плечи впечатываюсь. Растворяюсь вжатая его огромным телом в стену. Он доводит меня просто до иступления.

Не знала, что так можно.

До отключки сознания.

До хрипоты.

До бешеного пульса в ушах.

До черноты в глазах...

10

Прихожу в себя на кровати. Лежу, раскинувшись, расслабившись. По телу гуляет остатки наслаждения. Пульс замедляется, и горячая кожа остывает. На животе ощущаю горячую влагу. Он даже презерватив в этот раз не надел.

А ещё он рядом. Я слышу его дыхание. Но снова смотреть на него не могу. Когда шла сюда, то не думала, что это будет так. Вот первый раз, походил на мои представления, о том, что меня ждёт. Но дальше.

Мне стыдно.

Я совсем не ожидала, что мне понравится под этим немногословным дикарём. А я, дурея, выкрикивала его прозвище. Я же замужняя женщина. Я должна была сопротивляться до последнего. Кричать и плакать. А я сдалась, от первых же ласк.

Сдалась!

Сейчас мне было хуже, чем когда он просто меня взял против воли в первый раз. Сейчас я эту волю сама прогнула, а вернее прогнулась под своими желаниями и похотью. Лежу распластанная на чужой кровати, а тело моё молит о продолжении. Разум подкидывает жаркие моменты только что прошедшего секса, и внизу живота, снова стягивается узел.

— Мне нужно домой! — сажусь резко на кровати. — У меня там сын!

Ямал как всегда не словоохотлив. Он тоже встаёт, выходит из комнаты. Я напряжённо жду, поглядывая на кучку совей одежды, вернее только на джинсы и трусы с обувью. Ничего, придумаю что-нибудь, замотаюсь в рваную футболку, как-нибудь доеду до дома.

Блин, поскорее бы домой.

Он возвращается и протягивает мне полотенце.

— В душ вроде хотела?

— Спасибо, я дома, — отвечаю и без зазрения совести стираю его следы с живота.

— Одевайся, отвезу, — снова повторяется он, и тоже начинает одеваться.

Я быстро справляюсь с нижней частью, своей одежды, прикрывшись распущенными волосами, и ловя недвусмысленный взгляд серых, колючих глаз, спешу ретироваться в коридор, где лежит ещё одна кучка моей одежды.

Зря я надеялась, что смогу это как-то надеть. Это только на помойку. Что футболку, что куртку, а про бюстгальтер я опять молчу.

На плечи ложатся тяжёлые ладони. Я вздрагиваю, и чуть ли не стону в голос.

Нет! Опять! Он решил меня затрахать до смерти. У меня уже там всё болит.

Разворачивает к себе, и бесцеремонно пялит на меня свою футболку. Какая-то черная, с черепом на груди. Пахнет его горьким ароматом. А потом и вовсе свою куртку кожаную на

плечи накидывает. Всё это конечно невероятно большое. И я снова приятно ощущаю себя крошечной, и изящной рядом с ним. А ещё это неожиданно, и как-то мило, что ли, трудно применяют такое слово к такому, как Ямал, но это так.

— Спасибо, — запинаясь, произношу, исподлобья заглядывая в его невозмутимое лицо. Тянусь за своим шмотьём, но он отпинывает их в угол.

— Оставь, — произносит, а я задумчиво смотрю на эту кучку, соображая, как я буду без куртки-то теперь. Может её всё-таки стоит забрать, зашить как-нибудь.

— Ты идёшь? — из задумчивости выводит его вопрос, я поднимаю глаза. Ямал стоит у открытых дверей, сжимая в руках ключи. Одетый, как и прежде, джинсы, футболка, ботинки, только теперь без куртки. Стоит и смотрит. Спокойно, немного насмешливо.

— Я не против ещё пару раз тебя трахнуть!

И это прямо, как пинок под зад. Я подскакиваю, и хватаю свою сумку с пуфа, и, протиснувшись мимо него, вылетаю в коридор. Ямал закрывает дверь, и идёт следом. Лифт тут же раздвигает створки, мы входим. Снова ночной город как на ладони. Я, как и в первый раз отворачиваюсь, чтобы не смотреть на него.

— Чего так подскочила? — спрашивает, и я оборачиваюсь, натываясь, на холодный взгляд. Дневной свет кабины делает его лицо бледным, под глазами залегают тени.

Какой же он пугающий! Чужой! Непонятный! Суровый!

— Ты же кончила и не раз! Хочешь сказать не понравилось тебе?

Я заливаюсь краской, и отворачиваюсь.

Вот зачем такие вопросы. Да кончила! И что? Муки совести никто не отменял.

— Не в этом дело, — отзываюсь, разглядывая, как мы опускаемся ниже. — Я не сто килограммовый бандит, трахающий чуть ли не с младенчества баб, так что уже со счёта сбился! Для меня это морально тяжело! Хоть я и кончила, как ты выразился!

— Легче было бы, если бы тебя насильовали, — усмехается он, — тогда бы ты была перед собой чиста!

Вот же зараза! Да мне бы было бы легче! Но ничего не отвечаю, и так всё понятно. Нс Ямал приближается и разворачивает к себе лицом. Я испуганно воззрилась на него снизу вверх, выставив перед собой сумку, чем заслужила уничижительный взгляд. Ну да сумка не помеха, так больше ничего и нет. Он обхватывает моё лицо за подбородок, немного сжимает, так что губы разлепляются. Холодные глаза, режут, рвут на части. Откуда ко мне столько неприязни.

— Ты хорошая актриса, Юля! — от низкого голоса мурашки побежали по спине, а может это от шершавых пальцев, что сжимают моё лицо. — Только я тебе не верю.

— Чему ты не веришь? — говорить трудно, но он бесит меня.

В чём он меня подозревает-то?

Лифт приехал и замер с раскрытыми створками, а мы так и стоим, уперев друг в друга взгляды.

— В этот гнилой базар, — рычит он, обдавая моё лицо, горячим дыханием. — Строишь из себя целку праведную, но по факту...

Он не договаривает потому, что я влеплю ему пощечину. Вот так вот, ни на грамм не задумавшись о последствиях, о том, что меня сейчас могут в порошок стереть, бью, поддавшись порыву.

— Пошёл ты на хрен со своей моралью! — шиплю, словно змея, и толкаю его со всей силы. — Сегодня один ублюдок разыграл меня в карты, а вы как падальщики кинулись на

меня, вместо того чтобы разобраться с ним по-мужски. А ты самая большая сволочь, потому что пытаешься строить из себя моралиста. Мне по хрен, веришь ты мне или нет. Трахаешь, трахай молча, без оценки моих моральных качеств.

По ошарашенному лицу понимаю, что ответки, по крайней мере, сейчас не последует, и, воспользовавшись моментом, выскользнула из лифта, который привёз нас в подземный паркинг. Зашагала к выходу, поправляя на ходу волосы.

Козёл!

Просто очередной на моём пути.

Блин, только не плакать. Откат от вспышки гнева.

Гордо вышагиваю по бетонной дороге. Каждый шаг гулко отзывается эхом в подземном гараже. Их звуки прерывает скрежет покрышек, когда огромная машина, преграждает мне путь, тормозит, почти перед самым носом. Дверь открывается.

— Садись, — кидает, напряжённо глядя на меня.

Я упрямо молчу и не делаю никаких движений. На языке упрямо крутится посыл на три буквы, но инстинкты вопят, просто умоляют молчать. И я молчу, сцепив челюсти, и не двигаюсь с места.

Ямал, насмотревшись на меня вдоволь, выходит из машины, и подходит сзади вплотную.

— Давай так, — обманчиво спокойно говорит он, и кладёт руки мне на основание шеи, слегка сдавливая, — если ты сейчас не садишься в машину, я тебя прямо тут нагибаю, и буду драть пока ты не охрипнешь от криков, а потом раз ты так хочешь, пойдёшь пешкодралом и может по дороге нарвешься ещё на пару приключений.

Его руки совсем сдавили мою шею. Первым моим порывом было всё же послать его, но я немного остыла, и, передёрнув плечами, освобождаясь от его рук, села в машину, сложив руки на груди, демонстративно не глядя на него.

Хлопает дверца, потом он занимает место за рулём.

— А говорила бревно, — хмыкает он, выжимая газ, и машина несётся на выезд. — Адрес говори!

Я сквозь зубы называю улицу и дом. Больше мы не разговариваем. До самого дома. Только когда тормозит у подъезда, он ловко блокирует двери, чтобы я не смоталась.

— Телефон свой дай! — протягивает руку.

— Зачем? — упрямлюсь.

Он, молча, ждёт. И мне ничего не остаётся, как достать мобильный из сумки, и протянуть ему. Он набирает там какой-то номер, протягивает мне. В записной книжке теперь новый контакт.

— Слушай сюда, красивая Юля, — чеканит он слова, — это мой номер телефона. Если вдруг объявится твой муженёк, спешно набираешь мне! Поняла? — и за затылок больно хватает, притягивает к себе, пристально в глаза смотрит. — Если узнаю, что он был, а ты меня продинамила, на куски порву! — рычит прямо в губы, и я поджимаю свои. — Поняла? Отвечай!

— Поняла, — лепечу, под таким взглядом даже голос пропадает.

— А если узнаю, что трахаешься с ним, или ещё с кем-то рвать буду долго и с оттяжкой! Это поняла? — и рукой давит, сжимая до боли шею.

— Поняла, — теперь уже стону, потому что нестерпимо ранят его пальцы.

Потом рука перемещается на горло, поднимается выше, уже не больно, но

чувствительно. Глаза чётко следят за моей реакцией. Я сглатываю, когда он почти нежно проводит по контуру губ, и давит на щёки, раскрывая мой рот. Напряжённо жду дальнейших действий, но их нет, только тяжёлый взгляд серых, невыносимо холодных глаз. Щёлкает блокировка.

— Иди, — отпускает меня, и я тут же отшатываюсь и вылетаю из машины. Ни разу не оборачиваюсь. Только уже в квартире, подхожу к окну тёмной кухни, что выходит во двор, и смотрю на улицу, но его уже нет.

11

Через два дня Андрейка с классом уехал на экскурсию в столицу. Я, проводив их, иду с вокзала до остановки, кутаясь в тонкую ветровку. Хоть и надела под низ водолазку и толстовку, всё равно налетающий ветер пробирает до костей. Ещё и шапку не надела, потому что ну какая шапка, блин, в ветровке. Волосы, собранные в хвост, мечутся под потоками ветра, то и дело норовят в лицо залезть.

Настроение хреновое.

Печально расставаться с сыном. Хоть и на неделю, но всё же. Он моя отдушина, только с ним я себя чувствую целой. Даже чуть слезу не пустила, но видя укоризненный взгляд, классной Андрея, собралась и выстояла прощание возле поезда с натянутой улыбкой.

Долго смотрела в удаляющиеся вагоны, и на душе так стало одиноко, хоть вой. Нашла любимую радиостанцию, заткнула уши наушниками и побрела в пустой дом. На кухне ещё остался прощальный праздничный обед, который я приготовила сыну. Мясо по-французски, салат оливье, и тирамису. Всё, что так любит мой сын. Наелись с ним до отвала и отправились на вокзал.

Юра так и не объявился. Я даже звонила его родителям, аккуратно расспросила про него, по ответам поняла, что он не появлялся. Потом всех друзей, прошерстила. Как сквозь землю провалился. Молодец муженёк, натворил дел и бросил жену расхлёбывать.

Бандитский номер тоже молчал, с той ночи. И от этого было и радостно, и в то же время, тревожно. Не понятно, что затевал Ямал. Совершенно очевидно, что он заявил свои права на меня, своими ультиматумами, и совершенно понятно, что я под его покровительством. Тогда почему его не видно и не слышно уже два дня. И что будет со мной, если с ним что-то случится? Бандитская жизнь она такая, непредсказуемая, сегодня ты жив, а завтра нет.

Вообще я не очень понимала, зачем я ему нужна. Красотой не пленяю с первого взгляда. Довольно таки пассивно повела себя в постели. Прелести мои среднестатистические, ну может грудь, немного выбивается из статистики, да только этим сейчас ни кого не удивишь. Наверняка у него в запасе есть и моложе и красивее меня. Характер же опять вспыльчивый, могу и по роже дать, и послать куда подальше, но это скорее мне в минус, потому что, с таким как Ямал, надо быть сдержаннее.

Но это, же не про меня!

Думать о том, что он вступился за меня, и выложил миллион, за то, что я заплатила за него в автобусе, тоже бред. Всё это оставалось для меня загадкой, да я особо и не ломала голову, больше переживая по поводу местонахождения Юры, да Андрея пасла, названивая ему по десять раз на дню. Тревога не отпускала. После случая со Шмелём, казалось, что любой более мене здоровый мужик представляет угрозу. Сын немного оторопел от такой опеки. Он давно привык к самостоятельности, а тут я два дня подряд, пока выходные встречаю его после школы, и с тренировок.

Я уже почти дошла до остановки, осталось пешеходный переход перейти, горит зелёный, и я делаю шаг, и тут дорогу мне преграждает черная спортивная машина. Причем нахально, я в сторону, чтобы обойти и она. Народ что переходит со мной дорогу, тоже в недоумении наблюдают за тонированной иномаркой. Я, наконец, замираю, вытаскиваю наушники.

— Какого хрена происходит? — рассерженно бормочу.

Дверца машины открывается, как раз напротив меня, с водительского сидения выглядывает Ямал.

— Садись, — командует он.

12

Я оторопело таращусь на него.

— Давай резче, уже зелёный, — гаркает он.

Я поджимаю губы, и сажусь в машину.

— Пристегнись!

Заботится, блин. Я тянусь к ремню безопасности, пристёгиваюсь. Здесь тепло и пахнет кожей.

Народ вокруг наверняка повеселился. Как меня ловко снял мужик, прямо на пешеходном переходе. Машина тут же срывается с места, набирает высокую скорость, просто летит по дороге, но если не смотреть на мелькание домов за окном, то совсем не чувствуется скорость. Я перевожу взгляд на Ямала. Он подстригся, срезав свои вьющиеся вихры. Теперь на голове короткая модная стрижка. Новая, или другая кожаная куртка, та которую он мне отдал, лежит у меня дома, вместе с его футболкой. Синие джинсы, тяжёлые ботинки. Под закатанными рукавами куртки на запястьях видны орнаменты татуировок, в вырезе ворота футболки тоже темный рисунок. Крупные длинные пальцы уверенно держат руль. Он такой большой, вообще удивительно как в эту машину поместился, но смотрится в ней гармонично.

— Соскучилась, смотрю, — хмыкает он, и тормозит на очередном светофоре. Насмешливо глаза скашивает в мою сторону.

Я тут же отворачиваюсь.

— Куда мы едем? — спрашиваю, чтобы сменить тему.

— Увидишь, — отвечает и что-то достаёт из внутреннего кармана, протягивает мне. Снова давит на газ, и машина набирает скорость.

Я беру маленький бумажный свёрток, сделанный из обрывка белой офисной бумаги, разворачиваю его. На ладонь падает тонкая золотая цепочка, с маленьким крестиком. Я тут же хватаю себя за шею, веду рукой, и понимаю, что даже не заметила потери.

— В твоём шмотье нашёл. Случайно заметил, — поясняет Ямал, — была порвана, починил.

— Сам же порвал, сам и починил, — огрызаюсь я, и надеваю цепочку.

Как всегда оставляет без ответа мою шпильку. Это пока. Видимо ещё не успела достать его.

— Слушай, как тебя зовут? — спрашиваю я. — Или мне продолжать тебя так называть, Ямал? Как ледакол. У меня дядька на таком ходил двадцать лет.

— Кир, — просто отвечает, на всю мою тираду.

— Кир, как Булычев? — переспрашиваю.

Удивлена редким именем.

— Нет, — заворачивает к большому торговому центру, и паркуется, — как Кир Дулли, американский актер, отец фанат.

Я смотрю на него с интересом. После этой информации он словно очеловечивается. Он теперь не просто Ямал, бандит, и плохой человек. У него есть имя, и есть отец.

— Интересно, никогда не слышала, — тяну я, — а почему Ямал?

Мы уже стоим на парковке, но он не торопится выходить, удовлетворяет моё любопытство.

— Потому что я с севера Сибири, — отвечает, правда коротко, но по существу. — Довольна, или ещё вопросы есть?

— Есть, — киваю, — сколько тебе лет?

Он усмехается.

— Решила ва-банк пойти?

— Что здесь сложного? — злюсь я. — Ты-то наверняка, про меня всё узнал, со своими связями.

— Узнал, — кивает, — Кузнецова Юлия Викторовна, двадцать пять лет, замужем, есть один ребёнок, и так далее, про всех твоих родственников, и когда ты школу закончила, вплоть до, того когда ты девственность потеряла.

Я негодуяюще смотрю на него.

— Это бесцеремонно!

— Нам ли уже говорить о церемониях! — кидает насмешливо Ямал, и по-хозяйски моё колено накрывает, сжимает.

— Зачем тебе это? — смотрю на его руку, и чувствую предательское тепло, что расходиться импульсами от его пальцев, даже сквозь джинсовую ткань.

— Меньше думай, красивая, — он убирает руку, и нажимает на кнопку, мой ремень скользит по груди и сматывается. — Мне тридцать шесть, пошли уже!

Идём к торговому центру. Заходим. Семеню рядом, не особо понимаю, зачем мы здесь.

Ну, мало ли, что-нибудь решил прикупить? Кто его разберёт. Доходит до меня его затея, когда он сворачивает в один из бутиков, я следом. Здесь совсем нет мужского ассортимента, только женская одежда, начиная от нижнего белья, заканчивая верхней одеждой и обувью.

— Это что шутка такая? — я встала как вкопанная, возле входа.

Он обернулся.

— Давай шмотьё себе выбирай, — приказ.

— Иди на хрен, благодетель! — разворачиваясь, так унижительно не было, даже когда он меня раскладывал, причём совершенно голую.

— Стоять! — гаркает так, что подскакивают два продавца-девушки, изумлённо наблюдавшие за нами.

Я тоже вздрагиваю, и мешкаю, оборачиваюсь.

— Я сама в состоянии о себе позаботится! Понятно! — цежу сквозь зубы. — Мне от тебя ничего не нужно!

Ямал, без слов прихватывает меня под локоток, тащит обратно в магазин.

— Отпусти, Ямал! — ору и дёргаюсь.

— Мне твои обидки на хуй не сдались, — рычит он. — Сказал, выбери себе нормальное шмотьё, значит пошла и сделала!

— Не буду я ничего выбирать! — упрямо пытаюсь выдрать свою руку, из его хвата, прекрасно понимая, что легче её там оставить, чем освободиться.

Мы минуем торговый зал, и он заталкивает меня в одну из примерочных, опять же под удивлённые взглядами, немногочисленных покупателей. Пара девушек что-то оживлённо обсуждали, прервали разговор и уставились на то, как меня втолкали в кабинку, и закрыли дверцу.

— Выпусти меня, сейчас же! — толкаю его в грудь.

— Снимай это дерьмо! — рыкает в ответ, даже не сдвинувшись не на сантиметр.

— Ты не имеешь... — начинаю и заканчиваю, потому что он сдирает, с меня ветровку, отбрасывает на пол, отшвыривает мою сумку.

— Ямал! — верещу я, пытаюсь выпутаться из его рук, что мечутся по мне.

В этот момент в примерочную стучат, и заглядывает девушка продавец.

— Молодые люди, у нас нельзя...

— Неси сюда все, начиная от трусов и заканчивая обувью, — перебивает её Ямал. — Всё что подойдёт, куплю.

Девушка слегка опешила от такого расклада.

— А какой размер? — наконец приходит в себя, и смотрит уже профессионально, впереди, светит большая выручка. — Хотя вижу, сорок шесть, — и удаляется.

Я стою, прижавшись к зеркалу, и обиженно взираю на него.

— Какая же ты сволочь!

— Мы это уже проходили, — равнодушно пожимает плечами.

— Я не буду это носить! — упрямо вздёргиваю подбородок.

— Будешь. Либо голая ходи! Обноски эти чтобы я больше не видел!

— Да какая тебе разница? — злюсь снова.

— Я сказал, ты сделала, — припечатывает простым раскладом. — Что не понятно?

— Ничего не понятно, — огрызаюсь.

Возвращается девушка продавец, тащит кучу всяких вещей. Кир выходит из кабинки, садится напротив, правильно полагая, что я попробую сбежать, тем самым отрезая мне путь к отступлению. Я смиряюсь, потому что я, в западне.

13

Ещё никогда шопинг мне не доставлял столько дискомфорта. Вот реально. Мне было настолько противно от этой ситуации, что было совершенно всё равно, что синий цвет блузки прекрасно оттеняет мою кожу, а модный фасон брюк зрительно удлиняет ноги. Я полагалась полностью на вкус продавца, у которой глаза горели наживой, и она стаскала мне весь магазин.

Чего здесь только не было.

Несколько комплектов нижнего белья, пижамы и сорочки, блузки и тонкие джемперы и водолазки, юбки, брюки, джинсы, платья, куртки, пальто, шапки, шарфы, перчатки, ботинки, туфли сапоги, кроссовки. Всё это я примеряла под пристальным присмотром Ямала, который никак не выказал, недовольства, не высокими ценами, а они были очень высокими, я ради интереса, посмотрела на ценники пару вещей. И ни тем, что мы проторчали здесь три часа. Потом ещё смекалистая продавец, приволокла сумки, ремни, платки. Интересуюсь моим мнением, но поглядывая на Кира.

Он кивал, я стояла, поджав губы.

— Оставь, что сейчас наденешь, остальное упакуют! — говорит он, поглядывая в телефон.

— Я в своём пойду, можно!

— Нет, — отрезает он, и снова что-то строчит в телефоне. — Переодевайся.

Я, честно говоря, очень устала, и морально и физически, и поэтому даже спорить не стала. Натянула тонкий джемпер, облегающие брюки, искала глазами, что бы выбрать из обуви. Надела сапоги на высоком массивном каблуке, сверху тёмную короткую куртку.

Он только коротко глянул, кивнул.

Мы пошли на кассу.

Когда девушка озвучила сумму нашей покупки, я чуть в обморок там не упала.

Триста тридцать тысяч!

Зачем?

Зачем мне столько одежды?

Это же ужас!

— Ты сумасшедший! — только и выдохнула я.

Кир молча, расплатился, приложив карту к терминалу, сграбастал все пакеты, и пошёл на выход. Я попрощалась с продавцами, которые проводили меня завистливыми взглядами, и потопала немного неуклюже в новых сапогах, за своим благодетелем.

Меценат, блин! Порвал куртку, купил гардероб!

Кир закинул пакеты на заднее сидение машины, забив ими весь обзор, и поэтому долго матерился по этому поводу.

Я злорадно улыбалась, но молчала.

— Куда теперь? Может подстричь меня надо, или грудь увеличить? — ехидничаю я.

— Домой, шмотьё твоё завезём, и поедем, поедим, где-нибудь, — спокойно отзывается он, и добавляет, — а сиськи твои класс, не переживай, и волосы охуенные!

Такой «изящный» комплимент, но на душе почему-то потеплело, я вспыхнула и отвернулась, чтобы он не видел, как горят мои щёки.

Смутилась так, словно я малолетка. Но блин, приятно стало! От этой грубости. Только вот она искренняя, и это подкупило.

— Кир, давай никуда не поедем, если ты конечно не против домашней еды? — надо же, как-то отблагодарить его за новый гардероб.

Он глянул на меня, задрав бровь, ничего не ответил, как всегда, оставил самой догадываться, согласен или нет.

Как только открыла дверь, Кир тут же без церемоний, вошёл, и скинув ботинки, прошёл в гостиную, бросил все многочисленные пакеты на диван. Хорошо хоть, дома была эти два дня, порядок навела, в скромном жилище. Обычно у меня такой бардак.

По сравнению с его квартирой, наша выглядела, конечно, маленькой и непритязательной. Две комнаты, никакой вычурной и супер современной мебели и техники. Но в ней был сравнительно свежий ремонт, и ещё раз повторюсь порядок. Я разулась, и прошла, следом стягивая куртку, включила торшер, потому, что на улице начало темнеть.

— Проходи, располагайся, я сейчас всё приготовлю и будем ужинать.

Он обернулся, кивнул.

Его массивная фигура тут же заняла всё пространство. Вот странно, ведь Юрик, тоже высокий, и не маленький, но только он не занимал всё помещение, а гармонично вписывался, а Киру, словно места мало.

Я прошла на кухню, помыла руки и начала накрывать на стол. Вскоре Кир явился сам, заглянув по пути в ванную, помыл руки. Он уже скинул свою кожаную куртку, и теперь на обозрение были выставлены многочисленные рисунки на его руках, не скрытые короткими

рукавами чёрной футболки.

Он прошёл и сел за стол, я как раз нарезала хлеб, и засмотрелась на сложенные, на столе массивные руки. Даже на некоторых пальцах были татуировки. Паутина, всполохи огня, цифры. На тыльной стороне ладони левой, притаился паук, на правой, кольцами лежала змея. Рисунок вился выше, переплетаясь в орнамент на кистях, там уже добавлялись надписи, на английском вроде, и опять орнамент из переплетенных линий. Я подняла взгляд выше, на треугольный вырез футболки, оттуда выглядывали витиеватые буквы, но разобрать надпись было не возможно, половина букв, скрывалась под одеждой. А потом я посмотрела ещё выше и столкнулась с выразительным взглядом серых глаз, сейчас они казались темнее, как тогда, в нашу первую ночь. Я сглотнула и засуетилась. Мне почему-то стало неловко.

Отвернулась, метнулась за тарелкой, наложила большой кусок мяса, поставила перед ним, потом положила вилку, подвинула хлеб и салат.

— Пожалуйста, угощайся, — блин, а что с голосом — то.

Стараясь больше на него не смотреть, взяла себе тоже тарелку, наложила салат, села, и стала, молча, есть.

Ямал спокойно проследил все мои метания, которые от него не скрылись, приступил к еде.

— Чем сын занимается? Столько медалей? — вдруг спросил он, и этим снял напряжение.

Я тепло улыбнулась, и наконец, подняла на него взгляд.

— Таеквон-до, синий пояс, — ответила и продолжила.

Говорить про Андрейку, было легко. Рассказывать про его достижения, про то, какой он самостоятельный парень. Кир слушал внимательно, не перебивал, и было даже немного странно, что мы с ним вообще ведём такие разговоры. Но, тем не менее, он слушал, а я говорила. А ещё он ел с аппетитом мою стряпню, и даже не отказался от кофе. Вроде бы нормальный человек, если не знаешь, кто он, просто примешь за молчаливого здоровяка.

— А много времени надо, чтобы так много набить татуировок? — всё же задала я интересующий вопрос.

— Годы, — короткий ответ. Да красноречие не его конёк.

— А сколько у тебя ушло лет? — конкретизирую.

— Лет пять, — делает глоток кофе и морщиться. Ну да кофе растворимый, не очень, но он молчит, никак не выказывая своё недовольство.

— Наверное, стоит только начать... — улыбаюсь я.

— Ага, — кивает, всё такой же невозмутимый. Допивает кофе и встаёт, я следом.

— Ладно, мне пора, — говорит то, что я совсем не ожидала услышать.

Иду за ним в прихожую. Блин, даже немного разочарована. Не знаю, чего я хотела. А может, и знаю, но не признаюсь себе в этом. Он накидывает куртку, потом ботинки. Ну, вот и по фиг, пусть валит.

— Спасибо за ужин, — склоняется ко мне, и совсем неожиданно заправляет выбившуюся прядь за ухо.

— Пожалуйста, — сиплю я.

С голосом справиться не могу, потому что снова в плен его глаз попадаю, и мурашки бегут по щеке там, где он коснулся. Дыхание сбивается, просто враз перехватывает. Я смотрю на его губы, потом снова в глаза. Мне же не кажется, то, что я там вижу. Потому что я очень хочу, чтобы это было правдой. Потому что, я себе никогда не признаюсь, но я хочу

его.

— Кир... — слетает с моих губ, прежде чем он успевает смять мой рот в грубом поцелуе. Только стон вырывается, когда он обхватывает меня за талию, прижимает к себе, а другой рукой за затылок держит, продолжая терзать мои губы. Я обхватываю его за шею, и отвечаю. Так же жадно и пылко. Прикрываю глаза от удовольствия, простреливающего вниз живота.

Он подхватывает меня на руки и несёт в зал, непрерывная поцелуя. Кидаёт прямо на все эти многочисленные мешки, и пакеты. Скидывает куртку и футболку, расстегивает ремень на джинсах, и ширинку, и снова склоняется ко мне. От моих вещей избавляется тоже быстро. Брюки стягивает вместе с бельём, а кофту просто задирает, бюстгальтер сдвигает. Наваливается сверху, телом тяжёлым придавливает, горячей кожей опалает.

— Сейчас значит, хочешь? — насмешливо смотрит сверху. — Не просишь остановиться?

— А ты остановишься? — замираю от его слов, припечатанная правдой.

Что это я? Сама практически инициативу проявила.

— Чуть раньше, возможно, — хмыкает он, и скользит рукой вдоль моего бока, выше бедро моё заводит, и медленно погружается. Я выгибаюсь в унисон его движению.

— Вот и не останавливайся, — стону с придыханием.

Он толкается сильнее, и немного болезненно, но перекрывает это, прикусывая и целуя мою грудь. Я выгибаюсь на встречу, шурша пакетами. Обхватываю его за плечи, притягиваю ближе.

— Да-а! — вырывается у меня, в унисон его быстрым толчкам. Бешеный ритм. Невыносимый темп. Быстро, жёстко, и так сладко. Я теряюсь в этих невероятных чувствах, растворяюсь, отключаю голову. Вскрикиваю, когда он оставляет на нежной коже, пока ещё розовые отметины, которые скоро расцветут фиолетовыми цветами. Моя реальность распадается, вместе с тем как я падаю всё ниже и ниже в этот водоворот. Меня закручивает в этот омут, и давать моральную оценку сейчас невозможно. Сейчас можно, только стонать и умолять не останавливаться. Изгибаться на выдохе. Жаться ближе к горячей коже. Тянуть пьянящий аромат мужчины, что владеет мной. Отдаваться на волю победителя. И падать, чтобы потом парить от удовольствия.

В самый ответственный момент, у него вибрирует телефон, в кармане джинсов, он ловко достаёт его.

— Да, — коротко бросает этот гад, не останавливаясь.

Я прикусываю его плечо, чтобы сдержат стон. По телу его проходит дрожь, он стискивает мой подбородок, задирает лицо, и впивается мутным взглядом. Всё так же трубку возле уха держит, и усиливает напор, и я уже не могу сдержать не просто стоны, крика.

— Кир! — вырывается, у меня. — Кир! Да!

— Понял, — снова коротко отвечает он в трубку, и отбрасывает её. Она брякает о пол.

— Ну, давай, — командует он, и накрывает мои искусанные губы. Жадно целует, кусает. Другой рукой, грудь жмёт.

«Что, давай?» — проносится у меня в голове, но я тут же, понимаю о чём он, когда меня накрывает разрядка. Мой крик приглушён его ртом. Я вибрирую всем телом, потом замираю, окунаясь в невероятные ощущения, воспаряя, покидая эту землю. Голова идёт кругом.

Откуда этот мощный темперамент? Что может такого Кир, чего не получалось у Юры? Невероятно! Просто невероятно!

Он догоняет меня быстро, изливается на живот. Выдыхает с рыком, и снова рот мой терзает. Я отвечаю. Я сейчас словно масло в тепле, податлива, что хочешь, делай.

— Блядь, уехать надо, — ворчит он, наконец, оторвавшись от меня, и быстро встаёт, одевается, поднимает с пола телефон. Я так и лежу распластанная по дивану, просто сил нет, но все же чувствую жалость, что он уходит.

Я испорчена в конец. Видимо во мне живёт шлюха.

Сил хватает только на то, чтобы ноги свести, и голову повернуть, чтобы проводить его взглядом. Кир уходит без лишних слов. Он обращается со мной заслуженно, именно так как я ему позволяю.

Сделал дело, гуляй смело.

Лежу, обдумывая своё положение.

Что со мной не так?

Как можно было практически самой запрыгнуть на него?

Пригласила ужинать, на какой хрен, спрашивается?

Как вспомню серые глаза потемневшими, так озноб по телу пробегает. Вот как тут откажешь, тем более, помня о том, что с ним так обалденно.

В чём секрет?

Что он делает со мной, что я загораюсь от одних прикосновений. Плыву. От этих отнюдь не нежных ласк.

Лежу, блин, и до сих пор не могу в себя прийти. А для него это и вовсе игра.

А если бы в этот момент Юрик вернулся? Он конечно гад, но теперь и я не лучше него. Может я реально скрытая потаскушка?

С таким раздраем в голове, потопала в ванную с намерением утопиться. Жаль, что моя тушка всё время всплывала, как только я погружалась с головой.

14

— Юль, выйди, тебя там спрашивают, — Машка вытаскивает наушник из моего уха.

Я, сегодня в ночную, мою посуду, под ритмичную музыку.

Оборачиваюсь.

Машка смотрит подозрительно, испытывающе. Губу покусывает. Видно, что хочет спросить что-то, но не решается.

— Кто спрашивает? — опережаю я её, памятуя о Шмеле, не тороплюсь, никуда идти.

— Мужик, большой такой. Все руки забиты татуировками. Он и ещё двое с тёлками нашими местными, сидят за VIP столами. Я подошла заказ принять, а он говорит, позови «красивую Юлю», — Маша продолжает давить взглядом.

Ямал нарисовался. Не было три дня, и вот, пожалуйста, соскучился.

— Спасибо, Маш, — я отворачиваюсь, и затыкаю снова уши.

Остаюсь снова наедине с Avicii [1] и его «Levels», но Машка снова дергает меня за плечо, я даже не успеваю преступить к прерванной работе.

— Юль, а что мне сказать-то?

— Скажи, что всё передала, — пожимаю плечами, и отворачиваюсь.

Бежать по первому слову Ямала я не собираюсь. Хватило мне того вечера, когда я как течная сучка, прыгнула на него.

Пошёл он на фиг!

Я за эти три дня столько всего передумала, и решила, что теперь пусть только насилует. И штотки его почти все сдала обратно, только куртку оставила, и то, что уже надевала, да

бельё, его по правилам не принимали. Вышло двести пятьдесят тысяч, я их отложила. Копить буду, чтобы ему миллион отдать. И пусть валит.

— Юль, — не отставала Машка, — а ты его знаешь?

Вот почему она на меня так смотрит. Это же Машкина вотчина. Все эти бандитские мужики. Вот и дивится красавица Маша, как это замухрышка Юля знакома с кем-то из них.

— К сожалению да, но если ты его очаруешь, и он переключится на тебя, буду только рада, — снова поворачиваюсь к мойке, надеваю скинутые перчатки, возвращаюсь к делу.

Машка уходит.

Не знаю, сколько прошло времени, но немного, в мойку вошёл Серега. Так же дёрнул меня за плечо.

Понятно работать сегодня нормально не дадут.

— Юлёк, чёт в последнее время ты популярная стала среди бандосов, — усмехается охранник. — Снова тебя вызывают, только этот того покруче.

— Знаешь его? — оборачиваюсь к нему.

— Ямала-то, — хмыкает он, — конечно знаю. Он раньше в ОМОНе служил, в горячей точке был, а потом понесла нелёгкая. Тогда половина, если не больше в бандосов переквалифицировались, красивой жизни захотели. И он тоже. Потом закрыли его, и вот только вышел.

— Понятно, — мрачно посмотрела на Серёгу.

Свела же меня судьба с уголовником!

— Так откуда ты его знаешь-то? — допытывался Серёга.

— Если бы ты Серёга тогда лучше по сторонам смотрел, может и не узнала бы, — досадливо поджимаю губы.

— Юль, но я же извинился, — сопит он.

Я, как только вышла на работу после выходных, всё высказала Серёге, что он не охранник, а хрен знает кто, если у него под носом можно воровать и насиловать женщин. Он тогда не на шутку испугался, начал допытывать что произошло. Обещал найти Шмеля и порешить, если с моей головы, хоть волос упал. Вот только поздно уже было.

— Он меня спас тогда, оттуда и знаю, — поясняю парню, — ладно, спасибо что передал, — снова возвращаюсь к работе.

— Так я не понял, ты что не пойдёшь? — озадачился Серёга.

— У меня работы невпроворот, если ему надо, пусть сам идёт, — я во второй раз надеваю перчатки, и принимаюсь за прерванную работу.

Серёга отстаёт, только присвистывает, и уходит.

В третий раз, и почти в равный промежуток времени в мойку входит Ашот Гургенович, директор нашего ресторана. Он в отличие от прошлых моих визитеров, не трогает меня, а заходит сбоку, и давит взглядом, пока я сама не обращаю на него внимание

— Ашот Гургенович? — я оборачиваюсь, и удивлено пялюсь на мужчину.

— Юлэчка, — говорит он с присущим ему акцентом, — выйды, пожалуйста, поговоры с человекoм. И скажи Ямалу, что ничёго я не заваливаю тэбя работой, — он обижено сопит, и стирает пот со лба белым платком. — Можэшь сэгодня вообще больше не работать, — криво, и вымученно улыбаётся он, поправляя галстук на рубашке.

— Это не обязательно, Ашот Гургенович, — я в третий раз выключаю воду, и стягиваю перчатки, снимаю фартук, — я выйду и поговорю с ним, а потом всё доделаю.

Он недовольно смотрит на меня, и снова вытирает пот со лба.

— Юля, будь благоразумной, — еле выговаривает это слово, — мнэ нэ нужны нэприятности, особенно от таких, как Ямал.

Я хмурюсь.

— Я очень благоразумна, как вы выразились, — фыркаю.

Что он с ним сделал-то, что он так потеет. Словно боится. Хотя это не удивительно. Бояться такого, как Ямал не зазорно.

Ашот Гургенович выходит, не проронив больше ни слова. Как только скрывается его грузная фигура, за дверью, я оглядываю себя со стороны. Простая футболка, спортивные штаны, немного узки в бёдрах. Кроссовки. Волосы как всегда убраны в плотную шишку, потому что, днём я работала официанткой. И как всегда ни грамма косметики.

Ну и пошёл он. Может, увидит какая я страшила и отстанет от меня.

Выхожу в шумный зал ресторана. Народ веселиться. Здесь всегда царит постоянная аура развлечения. Из колонок орёт Ленинград, видимо кто-то из здешних посетителей, заказал. Отвязано танцуют парочки, визжат девушки. Зал забит. В воздухе висит сизая завеса дыма, и аромат алкоголя. Если бы не работала здесь, то никогда, и не за что, ни пошла бы в такое место. Просто смелости, наверное, не хватило. А вот так, когда знаешь всё изнутри, и не страшно совсем. Да и не замечает меня никто, по сравнению с яркими дамами, что пришли искать сюда приключения, я невидимка, со своим невзрачным видом.

Я иду мимо, на второй этаж, там более просторно, и располагаются VIP столы, которые так любят, обслуживают официантки, ну и я, когда работаю в ночную, потому что там чаевые больше. Иду и думаю, как бы вытянулись бы лица всех присутствующих если бы вместо Ленинграда и прочей попсы, что обычно здесь играет, из колонок бы грянул David Guetta [2] или Martin Garrix [3], вот бы было весело.

Эти мысли помогают мне справиться с волнением. Потому что, поднявшись на второй этаж, я сразу вижу их столик, и сразу вижу Ямала. Он сидит в вполоборота, и кидает короткий взгляд в мою сторону, словно прекрасно знает, что кто-кто, а Ашот своё дело сделает, и наконец, заставит меня явиться.

Он снова в чёрной футболке, открывающей забитые рисунками мускулистые руки. Сидит, развалившись на низком диване. Напротив него двое, типичной бандитской наружности. Жесткие взгляды, кривые ухмылки, широкие плечи. За столом не меньше пяти красоток. Все как на подбор, И брюнетка, и блондинка, и рыжая, и ещё какие-то, не стала разглядывать. Хватило того что грудь у всех напоказ, и ноги от ушей. Цветник, в общем. Единственное, надо отдать должное возле Ямала никого из девиц не сидело. Все они в основном сосредоточились возле двух других. Что-то болтали, смеялись, благоговейно поглаживали их по плечам. Весь стол был уставлен различной снедью, и бутылками.

Я подошла вплотную, и только тогда на меня обратили внимание. Девицы замолчали. Два бандита кинули цепкие взгляды. Ямал лениво повернул голову.

— Звал? — спросила вместо приветствия, смотря на него.

— Да, заебался звать, — ворчит он, и из под бровей, тяжёлым взглядом одаривает.

— Работы много, сегодня полный зал, — вздыхаю я, переминаясь с ноги на ногу.

Он двигается ближе к краю дивана, и по-хозяйски обхватывает меня за талию, и притягивает ближе, потом и вовсе ягодицы сминает. Прохаживается рукой, словно проверяет всё ли на месте.

— Присядь, отдохни, для тебя другая работа есть, — бормочет, прижимая к себе. Девицы смотрят с интересом, мужчины выжидающе. За столом повисает тишина, всё

внимание на нас.

Я и без того взвинчена непонятной реакцией моего организма на него. А ещё и он, тут снова меня на место ставит, своими хамскими словами и действиями. Знакомая ярость поднимается снизу, в кровь попадает адреналин.

Я отдираю его руку от себя и немного отстраняюсь.

— Да у тебя здесь есть, кому работать, — делаю ещё один шаг назад, — а у меня месячные, так что пойду мыть посуду!

Ямал меняется в лице. Одна из девиц прыскает со смеху, но замолкает придавленная тяжёлым взглядом своего спутника.

Ну а потом я не вижу, потому что спешу ретироваться. Сбегаю вниз, и несусь в свою каморку. Расплата, скоро меня настигнет за эту дерзость. Он придёт и убьёт меня. За то, что отшила его на глазах у всех.

[1] Авичи — шведский диджей и музыкальный продюсер.

[2] Давид Гётта — французский диджей и продюсер.

[3] Мартин Гэррикс — нидерландский диджей и музыкальный продюсер.

15

Стою, замерев над раковиной, и тяжело дышу. Прихожу в себя. Внутренний голос твердит беспрестанно, что я дура.

Может и дура.

Да и не может.

Я дура!

Мои метания прерывает грохот, открывшийся двери.

Зачем оборачиваться, и так прекрасно знаю, кто это. Но все же, поворачиваю голову, чтобы хотя бы видеть, куда бежать в случае опасности.

А опасность, стоит, по привычке сложив руки в карманы джинсов, и разглядывает меня. Он не подходит, да ему и не надо. Его мощная аура уже давит на меня. Он одним своим взглядом пришибает на месте. Мороз по коже бежит. Нет, там нет гнева или негодования. Там спокойная уверенность в том, что я получу по заслугам.

— Значит месячные, — цедит Кир сквозь зубы, и делает шаг навстречу.

Помещение и без того маленькое. Возле стены огромные мойки, у противоположной, стеллаж с сушкой, посреди небольшой стол, и всё. А когда сейчас здесь находится Кир, тут вообще дышат нечем, потому что он заполняет и без того мелкую каморку.

— Кир... — я примирительно поднимаю руку, но все, же отступаю, упершись в раковину бёдрами, и теперь уже скольжу в бок. Моя цель, дверь, что рядом, а там посмотрим, может подсобка с хозяйственными принадлежностями, или туалет, как повезёт.

— И что это опять за обноски на тебе? — замечает он мой манёвр и тоже смещается вправо.

— Кир, я прошу, успокойся! — теперь скольжу влево, хотя там тупик, но это тупо инстинкт, уйти от этого всепоглощающего холода, и надвигающейся скалы.

— Я был спокоен, — усмехается он и продолжает надвигаться. Играет, со мной словно лев с добычей, развлекается, не кидается сразу, тешит свой охотничий инстинкт.

— Даже когда ты игнорировала меня, я был спокоен, но всему есть предел, борзая сучка!

Говорит это спокойно, и от этого страшно. Потому что он не рефлектирует, и не поддаётся эмоциям. Он методично движется к своей цели, которая состоит в моём наказании.

Я уже в углу. В ловушке. А он уже рядом. Склонил голову набок, и слегка прищурил глаза.

— Уже не такая смелая, да? — пробегает пальцами по подбородку, и скуле, скользит выше, и хватает за сложенные волосы, запрокидывает голову назад. Я вскрикиваю, и вцеплюсь двумя руками в его хват.

— Отпусти, мне больно! — верещу, снова чувствуя, как страху уступает бешенство.

— А ты на что рассчитывала, красивая? — Кир разглядывает моё лицо, с лёгкой улыбкой-оскалом, считывает эмоции. — Ведь знала, что будет. Значит, надеялась на это. Ну, так получай.

Я думала, это будет удар, или что-то в этом роде, но он давит мне на плечи, так больно и сильно, что я буквально падаю на колени. Он зажимает меня своим телом у стены, потом давит на щеки, так что челюсти разжимаются, а когда другой рукой расстегивает свою ширинку, я начинаю дёргаться и метаться.

— Нет, Ямал, нет, — я не ханжа, и ничего не имею против минета, просто в данный момент это унижительно, вот так в качестве наказания.

— Не дёргайся, у тебя же месячные, а у нас с тобой сделка, я тебя трахаю, или тебя трахают хором все остальные, — Кир ныряет рукой в ширинку и достаёт полустоячий член, который тут же, тыкается мне в лицо.

Я жмурюсь. Его слова бьют, похлещи ударов, я упираюсь руками в его бёдра и пытаюсь отвернуться, но это тщетно, он так крепко держит мои челюсти, что кажется, что свернёт, когда я снова дёргаюсь.

— Не делай этого так, — мычу я, чувствуя, что по щекам текут слёзы.

— Почему это? — мрачно улыбается он. — Ты в моей власти.

— Я знаю, — говорить трудно, его хватка не слабеет, и намерения тоже. Я смотрю снизу вверх, и вижу, как ему нравится всё это. Глаза потемнели, член уже полностью возбуждён. Он хочет этого и вряд ли отступит.

— Я в твоей власти, — соглашаюсь я, — и поэтому прошу, не делай этого так.

Теперь я выбираю другую тактику, понимая, что любое резко движение приведёт к насилию. Он сильно взвинчен и возбуждён.

— Давай сама, — отпускает моё лицо, и я верчу челюстью.

— Здесь? — снова с надеждой смотрю на него. — А если кто-нибудь зайдёт?

Да сюда кто угодно может войти, это проходная комната, здесь всегда кто-нибудь ошибается, а он предлагает мне сделать ему минет!

— Раньше надо было думать, когда пиздела порожняк! — рычит он и толкает бёдра вперёд, так что обрезанная головка упирается в мои губы.

Я вздрагиваю, от ощущения жаркой кожи, что касается моих губ. Никакого противного запаха, которого я так боялась, не было. Приятный лёгкий ментоловый аромат. Я несмело провела ладонью по всей длине. Плоть под моими пальцами дрогнула, и казалось, стала ещё больше. Ямал что-то рыкнул, и его большая ладонь опустилась на мой затылок, слегка подтолкнула. Я провела языком по пересохшим губам, примеряясь. Я не опытна в этом. Поэтому я всё медлила, продумывая технику, наглаживая жилистую плоть, так и не впуская его внутрь.

— Рот открой, — не выдержал Ямал.

И я подчинилась. Он толкнулся и почти сразу вошёл так глубоко, что я задохнулась.

— Тих, тих, — зашептал он, поглаживая мой затылок. Другой рукой упёрся в стену, и

немного ослабил напор. Я смогла вздохнуть, и огладить его член языком. Провела по шёлковой головке, впитывая аромат и вкус. Слегка солоноватый, но тоже не противный. Гладкая кожа, была приятна на ощупь, слегка сжала рукой у основания. Кир тут же зарычал, и я поняла, что ему понравилось, повторила. Втянула член в рот, и сжала, потом снова и снова, поглядывая вверх, на него. Он прикрывал от блаженства глаза, и бормотал пошлые комплименты, то моим губкам, то языку. Говорил что меня сладко трахать везде.

Впервые он был так разговорчив.

Я и сама стала заводиться от такой реакции, чувствуя, как влажнеет между ног. И тут произошло совсем странное событие. Я застонала. Застонала, от блаженства, облизывая член. Долго, правда, анализировать не пришлось, Кир толкнулся резче, снова перехватило дыхание. Рука на затылке тоже сжала сильнее. Я инстинктивно упёрлась в его бёдра, но это уже было бесполезно. Он перехватил инициативу полностью, и теперь насаживал мой рот на себя. Я только успевала ловить короткие вздохи. Казалось он доставал до самого горла, а может и не казалось, потому что пару раз меня чуть не вывернуло, он вовремя отступил. А потом он содрогнулся и зарычал, и я ощутила, как в нёбо бьёт горячее семя. Это было так ново для меня, что я замерла, смотрела на него снизу вверх, пока он тяжело дышал, и приходил в себя. Терпкий солоноватый вкус, сползал всё дальше с моего языка, и, в конце концов, я всё проглотила, и опять же не ощутила брезгливости.

Кир вытащил опавший член из моего рта, оправился и резко подтянул меня вверх за подмышки. Я была, честно говоря, немного не в себе после произошедшего. Смотрела на него, на то, как он проводит большим пальцем по контуру моих припухших губ, а потом и вовсе склоняется и целует. Ныряет языком в рот, соединяет наши ароматы, вкусы. И это тоже вводит меня в ступор.

Зачем он это делает после того, как во рту у меня побывал его член?

Не брезгует мной!

Моими губами, языком, помеченными его семенем. Я запоздало отвечаю на поцелуй. Через мгновение он отстраняется.

— Поехали, — хрипло командует он.

— К-куда? — я тоже не могу справиться с голосом.

— Ко мне, продолжим, — отвечает он, и отстраняется, — я ещё так и не услышал ответа по поводу шмоток? — прищуривает глаза.

— Пытать будешь, — закатываю глаза.

— Ещё не решил, — ворчит и тянет за собой.

— Кир, а работа? — я иду за ним на вытянутой руке, словно дитя малое.

— На сегодня окончена, — отвечает и к себе притягивает, за талию обнимает.

Мы выходим в зал, где тут же попадаем в поле зрения Серёги. Он приподнимает бровь, глядя, как я прижата к Ямалу. В его глазах скользит сожаление.

А потом снова была дорога. Спортивный автомобиль мчался, словно самолёт по взлётке. Я следила за мельканием домов из окна, и всё никак не могла прийти в себя, после произошедшего. После своей глупой реакции, которая проявлялась, и сейчас, стоило только вспомнить, наше недавнее приключение. Низ живота сразу простреливало, тягучей болью, хотелось получить разрядку. И я знала, что с ним я получу её стопроцентно. Этот бандит снова приручил меня. Ещё и таким низменным способом. Пометил, и теперь тащит в свою берлогу. Словно пещерный человек.

Я вздохнула, и прикрыла глаза. Не могу больше ничего анализировать. Я устала от этих

мыслей. Отпускаю их, хотя бы на сегодня. И я так расслабилась, что не заметила, как уснула.

Потом почувствовала, как моё тело взмыло в воздух, его прижало, к твердой скале, и понесло по волнам. Еле глаза разлепила, и поняла, что Ямал несёт меня на руках. В его объятиях было на удивление удобно. Он крепко держал меня под руки, и ноги, моя голова покоилась, у него на груди, я слышала размерный стук сердца.

Потом мы ехали в лифте, и последней затухающей мыслью было, как же он управиться со мной на руках, с дверью. Наверное, бросит на пол, подумала я, и снова погрузилась в сладкие грёзы.

Он меня бросил, а вернее, немного резко опустил на кровать, и я снова вынырнула из дрёмы, ощутила, как он склоняется надо мной, пыхтит. Потом разувает. Особо не деликатничает, но и не действует совсем уж грубо. Ловко и быстро стягивает с ног кроссовки, потом штаны, куртку. Оставляет в одной футболке, и нижнем белье. Я калачиком сворачиваюсь, в надежде, что прежде чем он начнёт ко мне приставать, даст поспать ещё пару минут.

Но он удивляет меня.

Не трогает.

Укрывает одеялом.

— Бля, Ямал, ты debil, — ворчит он себе под нос, и выходит из комнаты.

И я понимаю, что от меня отстали. Действительно. Это не шутка.

Шумит вода. Он принимает душ. А меня хватает только на то чтобы в полудрёме распустить волосы, и снова провалиться в сон.

Почему он так поступил?

Подумаю об этом завтра.

16

Меня будит назойливое жужжание. Я приоткрываю глаза, не сразу сообразив, где я нахожусь.

Оборачиваюсь.

Рядом спит Ямал, отвернувшись от меня. Его могучая разрисованная спина, мерно шевелиться в такт его дыхания.

Жужжание продолжается.

Я сажусь.

Сквозь не плотно закрытые шторы проскальзывает свет. За окном уже светло.

Похоже на телефон, и вибрирует он где-то у изножья.

Я откидываю одеяло, и прямо по кровати, ползу на четвереньках, туда. Звук доносится из кучи моих вещей, что так ловко вчера снимал Кир.

Я, бесстыже оттопырив зад, нагнулась вниз, и достала свой телефон.

Звонил Андрей.

— Бля, красивая, замри, — доносится сзади, и я действительно замираю, с трубкой в руке.

Оборачиваюсь. Он возвышается позади. Руки смело скользят по моим бёдрам.

— Подожди, Кир, мне сын звонит, — ворчу я.

— Итак, до хуя ждал, продинамила меня вчера, — огрызается в ответ, но руки убирает, и я сев на пятки принимаю вызов.

— Мам, — доносится из динамика, весёлый голос сына.

— Привет, мой ангел, — улыбаюсь я, — как ты там?

— Всё хорошо, вечером выдвигаемся назад, и уже утром будем дома.

— Я рада, я очень соскучилась, — я вздрагиваю, когда горячие ладони ложатся на мою талию, они медленно скользят, вверх, поднимая ткань футболки.

— Как у тебя дела? Папа не вернулся? — спрашивает Андрей.

— У меня... всё хорошо, — сбиваюсь я, потому, что этот гад кусает меня за основание шеи, и по телу бегут мурашки, — папа... нет, не вернулся, — и тут же Ямал, сжал меня крепче, так, что мне пришлось встать на колени и прислониться к широкой груди, почувствовав ягодицами его твердый член.

— Я тоже скучаю, — тем временем говорит Андрей, а я пытаюсь не потерять нить разговора, и телефон тоже пытаюсь не потерять, потому что всё тело приходит в боевую готовность. Моментально настраиваясь на получение удовольствия.

— Я тоже, малыш, — пытаюсь говорить спокойнее, но дыхание сбивается, потому что Кир, оттягивает чашки бюстгальтера, гладит, жмёт, крутит мои соски, и низ живота наполняет тягучей сладкая боль, и между ног разливается вязкой, горячей патокой. Я уже сама трусью об него без стеснения, закинув голову на плечо, открываясь для его рук.

— Ладно, мне пора, — говорит Андрей, — до встречи!

— Я люблю тебя! — кидаю на прощание, и он сбрасывает, и я, наконец, убираю трубку от уха, и вообще дальше не прослеживаю её судьбу.

Кир тут же стягивает с меня футболку.

— Неужели нельзя было подождать, — тем не менее, ворчу я, а сама закидываю руки назад и обнимаю его.

— Хорошо, в следующий раз твой сын подождёт, пока я не вытрахаю тебя вдоволь, — рычит он, и скидывает мои руки, хватает за волосы, и оттягивает голову назад, открывая нежное горло.

— Ямал... — начинаю я, вскипев праведным гневом, от этих слов.

— Лучше заткнись, красивая, — его зубы сходятся на тонкой шее, я дрожу, от смеси боли и удовольствия, когда он зализывает эти раны. Он ещё больше натягивает волосы, а другой рукой ныряет в мои трусики, вторгается во влажный жар, что царит у меня между ног, погружает длинный пальцы, глубже, и я протяжно стону, дёрнув бёдрами. Покачиваюсь, набираю темп, и насаживаюсь глубже на его пальцы. Обхватываю руками его кисть и задаю темп, давлю, заставляя действовать быстрее.

Выгибаюсь, оборачиваюсь к нему, смотрю расфокусированным взглядом. Тянусь, насколько он мне позволяет, к его губам, и он тут же вгрызается в мой рот. Прикусывает нижнюю губу, втягивает в рот, сосёт, до боли, отпускает, и снова рот мой своим пожирает.

Всё эти дикие ощущения смешиваются в один умопомрачительный коктейль. Боль, перемажется с кайфом. Тонкая грань.

Никогда не испытывала ничего подобного. Чтобы так гореть, когда тебя как течную сучку прикусываю за холку. Тереться задом. Возбуждаться отнюдь не от нежности. От грубости, и наглости, от властности. От дикого аромата, и жара мужского тела. Я испорчена в конец, это факт. И испортил меня он. И я готова и дальше поддаваться пагубному влиянию, если оно будет таким же волнительным, горячим, сумасбродным...

— Кир, — выдыхаю я и кончаю, когда его пальцы ещё во мне. Он не торопится их вытаскивать, наслаждаясь сокращениями, вибрацией моих мышц. Тяжело дышит мне в ухо, наконец, оторвавшись от моего истерзанного рта. Можно подумать, что ему доставляет особое удовольствие, наблюдать, чувствовать, как я, откинувшись на его плечо, переживаю

пик.

Он толкает меня вперёд, как всегда бесцеремонно, и нагло. Я падаю почти у самого края, но он тут же, подтягивает меня за ягодицы, к себе, рвёт пополам трусы, оставив на талии, странный кружевной пояс. Разминает, жмёт ягодицы, гладит, крутит. Вкладывает между половинками твёрдый член, и зажимает его там, трётся, елозит, тихо и низко порывкая от удовольствия. А я, разомлевшая от оргазма, поддаюсь этой странной игре, и начинаю даже ловить кайф, в этом трении, и жёстком хвате. Немного странное чувство, но всё такое же, волнующее, жгучее, немного смещённое, от обычного эпицентра.

Но всё встаёт на свои места, когда Ямал, наигравшись, врывается во влажное лоно. Начинает вбиваться резко, сразу задаёт бешеный темп. Меня сотрясают размерные быстрые толчки, снова задевая какие-то скрытые точки внутри. Я беспрестанно зову его по имени, пересохшими губами прошу ещё, потому что хочу ещё, хочу сильнее, больше. И не сразу замечаю, новые ощущения, поглощённая эйфорией, в которую вновь погружается тело и разум.

В тугое колечко ануса, давит, вторгается его палец. Я замираю, осознав, что он делает.

— Кир? Что... что ты делаешь?

— Тих, тих, ну чего ты испугалась? — его голос звучит непривычно мягко, и от этого я растерялась ещё больше.

— Расслабься, красивая, тебе понравится! — обещает он, и толкается вновь, оставив в покое спорную территорию. Наоборот находит мой клитор, и вместе с мощными толчками, нежно оглаживает чувствительный бугорок. Повторяет раз за разом, пока я снова не забываюсь, от нахлынувших эмоций, снова бессвязно начинаю повторять его имя. Таю в его больших и сильных руках, под мощным и гибким телом. Он вновь повторяет попытку, когда я уже ближе всего к разрядке. Снова, давит и проталкивает палец в анус. Я вздрагиваю, от новизны ощущений. От небольшой боли, которая впрочем, смазана, общим возбуждением и преддверием пика. От чувства распираания, и давления. Но сейчас я уже не в силах здраво мыслить, и он это наверняка понимал, когда доводил меня до иступления. И я доверяюсь ему и не зажимаюсь, и он проталкивает палец глубже, не прекращая вбиваться в моё лоно. И даже нашептывает, какая я хорошая, тесная, узкая, нежная и отзывчивая. Видимо у него совсем голову повело от похоти, потому что, такие нежности впервые. А я к своему удивлению, отвлекшись на его слова, пропускаю тот момент, когда начинаю получать кайф, от новых ощущений.

От более чёткого ощущения его и без того немаленького члена. Теперь ему ещё теснее во мне, а мне ещё чувствительнее, и каждый толчок, словно маленькая смерть. Я даже кричать не могу, просто беззвучно открываю рот, и закидываю голову назад, подаюсь вся к нему, и вибрирую настолько сильно, что мне кажется, я сейчас тресну на маленькие осколки себя.

— Я умираю, — только и могу вымолвить я, пока мощная разрядка сотрясает моё тело. А следом, уже угасающим сознанием чувствую, как кончает Кир. Тоже сотрясается всем телом. Протяжно с выдохом, рычит, сжимая мои ягодицы до боли. И его горячее семя заливают меня изнутри.

Стоп.

17

— Кир, ты с ума сошёл? Что ты натворил? — выдыхаю я.

Говорить ещё сил нет, да и трудно, когда на тебя навалилась тяжеленая, расслабленная

туша. Его член ещё вибрирует во мне, да и я ещё вся во власти мощной разрядки, но чувство, неизбежной, возможно ошибки, быстро отрезвляет.

— Блядь, — стонет он и скатывается с меня.

— И это всё, что ты можешь сказать, — устало усмехаюсь я.

Возможность того, что я забеременею от него, перекрывает весь этот умопомрачительный секс. Перекрывает страх и трепет перед ним. Всю абсурдность нашего знакомства, и таких странных отношений. Потому что если я забеременею от него, это будет такая насмешка судьбы надо мной. Это будет просто отработка кармы, за весь шлюшенский род. Потому что я тоже хороша. Кому доверилась? Разве ему есть дело до меня? До моих чувств. Здоровый чурбан. Лежит, и даже не переживает не о чем.

— Ты кого хочешь, милый, — издеваюсь я, — сына или дочку?

Он поднимает на меня тяжёлый взгляд, а я в ответ даблю его не менее уничижительным. Пытаюсь выразить все, что чувствую в этот момент.

— Остынь, красивая, — Ямал садиться, и отворачивается, — в душ сходи.

Встаёт и выходит из комнаты. А я так и остаюсь сидеть на кровати, растрепанная, злая. Прячу лицо в ладонях, и усиленно тру его. Мысли скачут, и скачут, и паника подбирается всё ближе, хотя по большому счёту, для неё ещё совсем нет причин. Но если вдруг... тогда что? Что?

Встаю, стягиваю остатки белья, и плетусь в ванную. Ладно, будем решать проблемы по мере поступления.

Или будешь решать сама, подсказывает внутренний голос. И вроде бы успокоившаяся паника, снова встрепенулась, и понеслась выбросом адреналина в кровь.

Я задрожала всем телом. Меня затошнило. Я представила как Ямал, заставляет сделать меня аборт. А может и вовсе забывает, обо мне, и я рожаю ребёнка, так не похожего на моего мужа, и все вокруг, родители, друзья презрительно шепчутся у меня за спиной.

— Ну чего замерла? — прерывает мои метания грубый голос. Ямал стоит рядом, как был голый, так и остался. От него мощно пахнет табаком. А ещё я даже не заметила, как зашла в просторную ванную, на автомате забрела в душевую кабину, но только так и осталась стоять, упершись спиной в холодную стену, поглощенная своими мыслями.

Я вскидываю на него, мокрое от слез лицо, а потом и вовсе кидаюсь на него с кулаками.

— Ненавижу тебя! — кричу ему. — Не хочу от тебя рожать!

Бью его, и кричу, словно буйнопомешанная. Выкрикиваю в лицо ему гадости, а он спокойно наблюдает мою истерику, не делая попытки прикрыться от моих кулаков.

Да и что ему мои кулаки? Что ему мои слёзы? Что ему мои чувства. Захотел, взял, захотел, выкинул. А когда выдыхаюсь, замираю, устало прижавшись к его же груди, лбом, и тихо всхлипываю.

Он аккуратно берёт меня за плечи, сжимает и шагает под лейку душа, включает воду. Теплые, упругие струи обрушиваются на нас, смывают солоноватый вкус страсти, её терпкий аромат. Дарят покой, умиротворение. А мы так и стоим. Я, уткнувшись в расписанную грудь, и он держащий меня за плечи. И только сейчас я понимаю, что он тоже растерян, и тоже не понимает пока, что с этим делать.

— Ладно, прости, Ямал, — отстраняюсь я, и он с неохотой разжимает руки, смотрит хмуро, — ещё ничего не произошло, а я разнервничалась.

— Через неделю съездим в клинику, сдашь анализы, там решим, — выдаёт он вердикт. — Недели достаточно?

— Достаточно, — киваю я, — а теперь, можно мне домой?

И не дожидаясь ответа, выхожу из кабины накидываю на тело висящее белое полотенце и покидаю ванную.

18

Через неделю, как и обещал Кир, он заехал с самого утра, и отвёз в какую-то клинику, где я сдала анализы, и даже прошла обследование у гинеколога, где мне даже подобрали противозачаточные таблетки, тут же выдав годовой запас. Результаты обещали на следующий день. Всё заняло не больше получаса. Всё это время Ямал ждал меня в коридоре невозмутимой горой, занимая полкоридора. Он был опять несловоохотлив, отстранён и сдержан. Ни одного намёка на секс, и прочие проявления в мою сторону.

Отвёз домой, и, пообещав известить о результатах, уехал.

А на следующий день прислал скрин, заключения обследования, что я не беременна, и полностью здорова, немного правда низкий гемоглобин, но это я уже вычитала потом.

Самое главное, что я не беременна, не повязана с ним на всё оставшуюся жизнь. Словно гора с плеч упала. Большая такая, расписанная татуировками. Опасная и хмурая.

Слабое чувство сожаления, я предпочла не замечать. Небольшое, еле уловимое разочарование, я затолкала подальше, в сознание, и даже не стала придавать этому значение, списав на волнение.

Нет, нет, нет.

Ничего бы путного не вышло, как бы ни рисовало моё буйное воображение, дальнейшее, более предпочтительное развитие событий. Всё произошло так, как произошло, так как надо, и точка. Тем более что, Ямал и вовсе пропал. Не звонил, не появлялся.

И если первую неделю, я ещё ждала, то по истечению второй, вошла в нормальную привычную калию своей жизни, и успокоилась, погрязнув под повседневными делами.

Более того Юра так и не объявился, и я уже подумывала написать заявление в полицию. Может он не по своей воле-то пропал. Но когда я обратилась с подобной просьбой к дежурному, в ближайшем полицейском отделении, он раздражённо мне пояснил, предварительно покопавшись в компьютере, что Кузнецов Юрий Николаевич, и так уже находится в розыске. Я не поверила, и мы сравнили все данные. И это действительно был Юра. Кто объявил его в розыск, я всё же догадывалась, ведь он мне обещал его найти, вот и задействовал Кир, все доступные каналы. Из полиции я вернулась, мягко говоря, обескураженной, и немного обеспокоенной. Если его ищет и не может найти не полиция не бандиты, то где он вообще может быть? И продолжать ли скрывать его исчезновение от родных и друзей, или признаться уже всем.

На эти вопросы я так и не находила ответы, и оставила их, посчитав, что рано или поздно само решится, возможно и в ближайшее время.

* * *

«Кузнецова бесишь», — писала Иришка, в нашем общем чате.

«Сколько можно отлынивать, мы встречались в последний раз в начале лета, это нормально, по-твоему».

К ней тут же присоединяется Наташка, отметив её текст поднятым вверх большим пальцем.

Я вяло отписывалась от замечаний своих подруг, между уборками со столов, и выполнением заказов.

«Кузнецова», — не унималась Иришка, прислав к написанному, грозного смайла.

И в принципе я была не против, тем более что, у меня сейчас гостила мама. Она была в отпуске, и приехала, соскучившись по Андрейке. Очень удивилась отсутствию моего мужа. Она и раньше не любила Юрика, считая, что он запудрил мне мозги, но потом смирилась, видя, какой неподдельной любовью горят мои глаза. А я взяла и соврала ей, сказала, что он уехал на заработки. Не смогла я вывалить все, что произошло со мной. Решила оставить при себе.

И вот теперь мои подружки, самые близкие, и любимые, прознав, что я могу быть относительно свободна, и отговориться заботой о сыне, у меня не выйдет, второй день изводили меня просьбой о встрече. И всё бы нечего, но Ирка наверняка выберет, какой-нибудь пафосный клуб, в который просто так в джинсах и майке не пойдёшь, нужно тратиться на наряд. А денег и так кот наплакал.

Ашот Гургенович, конечно, узнав, что я близко знакома, с Ямалом, зарплату немного поднял, и даже настаивал, чтобы я оставила подработки посудомойкой, но всё же, основная финансовая нагрузка никуда не делась, а впереди у Андрея ещё и выездные соревнования, а это тысяч двадцать не меньше.

Были, конечно, деньги Ямала, вырученные за сданную одежду, но трогать их как-то не хотелось, хотя я, не кривя душой, признавалась себе, что если приспичит, я и туда залезу, но не по таким же пустякам, как выход с девчонками в кафе.

Вообще после того, как в ресторане все узнали, что я знакома с Ямалом, да ещё и понятно как, все же видели, как он меня лапал и обнимал, народ стал относиться ко мне настороженно. И это несмотря на то, что его уже не было две недели на горизонте, а я всё также работала официанткой, и мыла посуду. Даже Серёга перестал приставать, ограничиваясь общими фразами.

И это было неприятно. Все так боялись Ямала, даже когда его не было рядом.

«Юля», — это уже Наташка, не выдержала затянутого молчания.

Я поставила поднос на стол в кухне и, выудив телефон из кармана фартука, начала строчить сообщение.

«Сдаюсь!» — писала я.

«Пишите когда, где, и во сколько? Только я завтра работаю, потом два дня отдыхаю»

Тут же посыпались восторженные речи и весёлые смайлики.

Встреча была назначена, на послезавтра на девять часов вечера, в караоке-баре «Малибу». Тут же загуглила, прикидывая, сойдёт ли туда моё старенькое платье, или всё же идти за новым.

Обсмотрев фото отчеты, поняла, что новому платью быть.

19

— Кузнецова, ты похудела что ли? — так встретила меня моя подруга Иришка, когда я прошла к указанному столику, за девушкой-хостес.

Высокая шатенка, со стройной фигурой, и стержневой характером.

Иришка была в разводе именно из-за него, так, по крайней мере, объяснил ей бывший муж Славик, когда уходил. Иришка погрустила, а потом отправилась в свободное плаванье, и сейчас наслаждалась жизнью.

— И тебе привет, подруга, — я обняла Иришку, и бухнулась на мягкий диван, поправив, и без того короткое платье.

Продавец меня так лихо уговорила, восторженно вздыхая, и беспрестанно говоря мне комплименты, что я согласилась на покупку, хотя чувствовала себя неловко. Мне всё

казалось, что платье короткое, и вот-вот покажется резинка от чулок, которые я тоже надела по случайности, не найдя в доме целых колготок, а эти заразы лежали новые, в упаковке.

— Подожди, подожди, — затараторила Иришка, ныряя, почему то под стол, — это что Росси?

— Э? Что? — не поняла я, и нагнулась следом, встретившись с ней взглядами.

— Сапоги говорю твои! Эмилио Росси! — пояснила подруга, восторженно рассматривая мою обувь.

— Это что же, Юра сподобился в каком-то веке, жене, итальянские сапожки прикупить?

Я посмотрела на свои ноги, на сапоги, которые купил мне Кир, и которые я не смогла сдать.

Да, они, по-моему, были самыми дорогими из тех покупок.

— А где Наташка? — решила я сменить тему.

— Скоро будет, Верка чего-то разбуянилась, под вечер, осталась успокаивать. Валерка не справляется, тоже мне папашка, не может с трёхлетней сладить, — усмехнулась Иришка, и снова на меня уставилась.

В баре было много народу. Везде разношерстные компании. Все столики заняты. Приятный приглушённый свет и ненавязчивая музыка, расслабляли. К нам подошёл официант, и предложил сделать заказ, мы ограничились вином, решили подождать Наташку.

— Ты хорошо выглядишь, — опять начал Иришка, — при макияже... волосы отрастила.

— Ты тоже восхитительна, подруга, — улыбнулась я, поправила свою структурную косу, которую мне эффектно выплела в парикмахерской, мой постоянный мастер Гуля.

— Серьёзно, Юль, неужели с Юриком помирилась? — пронизательная зараза, а не Ирка Калугина.

— Нет, — смеюсь я, — любовника завела, — и веселее мне стало в сто крат, от того, что это правда. Не обязательно же уточнять, какой он, этот любовник.

— Любовника, — цыкает Ирка, — ты от своего Юрика никогда не отстанешь! Лучше бы завела? — не верит подруга, а я не настаиваю.

Нам приносят вино, и Иришка рассказывает про свою работу. Она работает администратором в самой крутой гостинице города, и иногда таких кадров видит. Кино можно снимать.

— Девочки простите за опоздание, — за стол садиться полноватая, миловидная блондинка. Ещё одна моя закадычная и верная.

Наташка.

Счастливая мамашка, и жена.

— Давай, давай, — ворчит Ирка, пока Наташа нас целует по очереди. — Заждались уже!

— Юлечка, очаровательно выглядишь, — улыбается подруга.

— А я? — возмущается Ирка.

— А ты, как всегда звезда, — выкручивается Наташка и зовёт официанта.

Мы делаем заказ. Вечер потихоньку набирает обороты. Вино бежит по крови, приятным хмелем. Начинается караоке. Мы веселимся, поём. Потом снова пьём. Танцуем. А когда я возвращаюсь из очередного нашествия на танцпол, за нашим столиком сидят трое мужчин, и Иришка, представляет меня, а потом и смущенную, подошедшую следом Наташку.

Игорь, Илья и Егор, так зовут наших новых знакомых. Все трое опрятно и модно одеты. Довольно симпатичны, и молоды.

В этом вся Ирка.

Пока мы с Наташкой танцевали, она познакомилась с мужчинами, с которыми всегда легко общалась, в отличие от нас с Наташкой.

Мы смущённо сели на свои места. Как оказалось совершенно зря. Мужчины оказались очень весёлыми. Сразу же попросили не стесняться, и слать их подальше, если мешают.

Они были в нашем городе в командировке, и вот в последний день, решили гульнуть. Столики все заняты, а Иришка, проходившая мимо, когда они разговаривали с девушкой-хостес, услышала, что им некуда деваться и любезно пригласила присесть за наш столик.

В общем, знакомство состоялось.

Мы накатили текилы за знакомство, закрепили так сказать. А потом понеслась.

Танцы, песни, я даже не заметила, как уехала Наташка. Не заметила, как мы с Егором перешли ту грань, когда я, свободно сидела на его коленях, а он поглаживал мою спину, бормоча комплименты, мне на ушко.

Было так здорово и легко. Сегодня я была самой красивой и раскованной, оставила все свои проблемы позади, вздохнула полной грудью, и я себе нравилась, и даже подумывала, зайти с Егором дальше.

Ну а что?

Муж сбежал.

Любовник тоже.

Никому не нужна, а вот Егору нужна.

Что он там мне шептал, что я самая красивая девушка, которую он когда-либо встречал, и что ему очень повезло встретить меня, и что он увезёт меня с собой.

Не то, что некоторые.

Первый вообще забыл, когда ласковое слово жене говорил, а второй, только и мог на пошлости срываться.

И тут в животе приятно заныло. В голове пронёсся хриплый голос Ямала, так захотелось его увидеть, в руках его крепких оказаться.

— Давайте куда-нибудь свалим, — предложил Илья, выныривая из Иркиного декольте, и отвлекая меня от сумасбродных мыслей, потому что я уже подумывала набрать Кира.

— Давайте, — согласилась я, откладывая задуманное на потом, — я сто лет не была в клубе! Ирка поехали в клуб! — заёрзала на коленях своего кавалера.

Егор тихо охнул, постарался меня уговорить, но я тут же, вскочила, уже давно не заботясь о длине платья, и выглядывающей кромки чулок.

Закинула за спину косу, и потянулась вперёд, высматривая официанта И тут же взор мне преградила массивная фигура.

Я сперва отвела взгляд, но он зацепился за массивные мужские кисти, в закатанных рукавах белой рубашки. А вернее, за многоликий орнамент татуировок, что скользили по рукам. Я вскинула взгляд, пройдясь по расстегнутому вороту, и буквам, что складывались в слова, и которые не прочитать, и тут же я обожглась о стужу серых глаз.

Да так и села, обратно на диван, рядом с Егором.

Вот говорят же, не поминай лихо...

А в моём случае ледокола.

20

Ямал медленно подошёл к столику, и по своему обыкновению, положил руки в карманы, навис, сверля меня хмурым взглядом. И все тут же замолчали в недоумении.

— Развлекаешься, красивая? — толи вопрос, толи констатация факта.

— Юль, это кто? — отмерла Ирка.

— Да так знакомый, — пролепетала я, теряя самообладание, и контроль, и храбрость, и вообще весь свой весёлый запал, под этим взглядом.

Сердце предательски пустилось вскачь.

— Ага, знакомый, — усмехается Ямал, всё так же сверля меня взглядом, — в шахматы играем периодически. Помнишь, что обещал сделать, если с другими будешь играть?

— Да я-а-а... — хотела начать оправдываться, потому что стало страшно, но тут встал Егор. Он тоже был высок, хоть и уступал Ямалу в габаритах.

— Послушай, уважаемый, иди дальше, куда шёл, — совсем не дружелюбно сказал он, надвигаясь на Кира.

Я честно охренела, и мой пьяный внутренний голос, даже присвистнул, они, что и драться из-за меня будут. Мне это казалось невообразимым, но так оно и было.

Ямал лениво перевел взгляд, с меня на Егора.

— А то что? — спросил он, всё так же держа руки в карманах, и совсем уж спокойно реагируя на открытую угрозу.

Егор вдруг резко выбросил кулак, рассчитывая на внезапность, но Кир ловко перетёк назад, поймал его за протянутую руку, и заломил её.

— Ну, ты и крыса, бьёшь исподтишка, — рыкнул он, потряхнув скрученного парня.

Игорь и Илья тут же соскочили со своих мест, но к нам уже неслась администратор, она просила всех покинуть ресторан, иначе вызовет полицию. С соседних столиков на нас откровенно пялились, некоторые даже телефоны достали.

— Сиди здесь, — приказ в мою сторону.

— Выйдем, — это уже всем трём мужчинам.

— Кир! — я соскочила с места и бросилась к нему.

Пьяная женщина, что тут попишешь!

— Не ходи, с ними, их же трое!

— Я сказал, сиди здесь, я сейчас вернусь, — чеканит он слова.

То, что он взбешён итак понятно, мне даже и смотреть на него не надо. Не на трепещущие крылья носа, не на гуляющие по челюсти желваки, не на потемневший взгляд. Просто достаточно одной этой командной интонации. Он разворачивается и уходит, а за ним идут трое наших новых знакомых.

Я сажусь за стол, и растерянно смотрю перед собой.

— Юля, а что происходит? — Иришка подползает ближе.

— Говорила же, любовника завела, — отозвалась я, совершенно не могу сосредоточиться.

Они же убьют его там втроём. Он большой конечно и мощный, но он, же один, а их трое.

— Кого? Вот этого? — Ирка сегодня на редкость тупит.

— Да, — киваю, — мой Юра, проиграл в карты чужие деньги, и смылся, а он, Кир, спас меня, от его кредиторов, правда он и сам такой же... — как-то рассказ у меня не выходил, мысли путались.

— Такой же, это какой же? — снова задала вопрос Ирка.

Я раздражённо посмотрела на неё.

— Ир, не тупи! Неужели не видно по нему, кто он такой?

— Кто? Байкер? Лесоруб? Моряк? — разозлилась подруга. — Брутальный мужик,

большой, и грубый!

— Да бандит он, — выдохнул я, — выкупил меня у другого бандита, и... и...

— И?

— В общем, у нас не самые высокие отношения, и честно говоря, я думала, что они закончились.

— Ну, судя по всему нет, раз он так ярко кидается на каждого, кто к тебе прикоснётся.

Я застонала, вспоминая, как обнималась с Егором, как мы танцевали, совершенно недвусмысленно обжимаясь, как на коленях у него сидела.

Сколько успел увидеть Кир?

Да и какая разница, если его там сейчас убьют.

Но Кир возвращается, целый и относительно здоровый. Немного кровоточит разбитая губа, и взлохмачены волосы. Рубашка уже не так опрятна и бела. Костяшки на руках сбиты, и тоже кровоточат. Но в целом он неплохо выглядит.

Я не особо соображаю, кидаюсь ему на шею, ощупываю раны, и бормочу ему, что он дурак, и что я за него испугалась. Он смотрит снисходительно, и видно, что не особо верит.

Он мягко, но настойчиво меня отстраняет, достаёт из кармана бумажник, оттуда деньги, кидает на стол.

— Собирайтесь, поехали!

Ирка в недоумении смотрит то на него, то на деньги.

— Ну, чё замерла? Помчали! — кидает он, и разворачивается, идёт прочь.

Я подхватываю подругу под руку, и делаю знак официантке, чтобы забрала деньги, и мы спешим за Ямалом.

— Юлька, а он нас не сожрёт? — нервно смеётся Ирка, натягивая пальто в гардеробе. — Он такой пугающий!

— Если только меня, — отзываюсь я, пытаюсь натянуть платье пониже.

Хмель немного выветривается, но все же, я покачиваюсь, когда мы выходим из ресторана. Прямо перед входом стоит огромный внедорожник. Возле него курит Ямал. Несмотря на холодную погоду, на нём всё та же белая рубашка. Никакой верхней одежды, словно он из камня, и не мёрзнет. Он выкидывает окурок, и открывает заднюю дверцу, кивком головы указывает, чтобы мы селись. Ирка залезает первой, я следом. Кир провожает меня тяжёлым взглядом.

— Кир, я... — начинаю я.

— Давай резче, красивая, — обрывает он меня, и шлёпает по заднице, придавая ускорения.

Я вскрикиваю, и залетаю в салон, толкнув, сидящую Ирку. За рулём сидит высокий широкоплечий мужчина, насмешливо оглядывая нас с подругой.

— Здравствуйте! — лепечу я.

— Здравствуйте, — лыбится он.

Ямал садится рядом с ним.

— Погнали, Паш!

Машина газует и выворачивает на дорогу.

В салоне тепло, и пахнет мужским парфюмом. Мы с Иришкой замираем на заднем сидении, словно кролики перед удавами.

— Куда едем? — спрашивает водитель.

— Куда тебе? — Ямал, поворачивается к Иришке.

Она растерянно бормочет свой адрес.

— Без проблем, — водитель Паша, круто разворачивает машину, так что мы с Ирккой визжим, и снова газует, — телефончик оставишь? Адресок то я уже знаю!

Это он Иришке. Она снова растерянно улыбается.

Да! Впервые вижу свою подругу, такой стеснительной в присутствии мужчин. Она кокетливо поглядывает на водителя, ловя его заинтересованный взгляд, в зеркале заднего вида.

— Кир, — я подаюсь вперёд, заглядываю сбоку в его лицо — а что с этими?

— Всё охуенно, красивая! Твой, самый первый вырубился, — мрачно улыбается он.

— Кир...

— Всё, закрыли базар! — рывкает он.

Я обиженно откидываюсь на спинку сидения, и поджимаю губы. Иришка утешительно гладит меня по руке. Во мне столько алкоголя, что я вполне готова на подвиги, но даже и этой дозы маловато, чтобы учинить скандал. А все, потому что я действительно чувствую себя виноватой.

Усмехаюсь про себя. Перед мужем не стыжусь, а перед этим, не пойми кем, стыдно. Словно действительно изменила ему. А я ведь думала сегодня об этом.

Всё же я шлюшка. Правильно злиться на меня Ямал. И это он ещё по ходу себя сдерживает, всё самое интересное впереди.

21

Мы быстро домчались до Иришкиного дома, и она, попрощавшись, выскользнула из машины. Водитель Паша, помчался её провожать. Мы сидели в машине, молча.

Первой не выдержал я.

— Кир, — я снова наклонилась вперёд, протянула руку, и несмело коснулась его плеча, прогладила жёсткий рельеф, скользнула, в расстегнутый вырез, дотронулась до горячей кожи. — Я скучала.

— И поэтому надела блядское платье, и отправилась в кабак, в поисках мужика? — сарказм так и режет мне уши.

Я резко выдёргиваю руку, и откидываюсь на спинку.

— Да иди ты на хрен, Ямал! Ты мне кто? — складываю руки на груди.

— Не знаю, ты мне скажи, ты же скучала!

— А ты типа нет, поэтому чуть весь ресторан не разнёс?

— Но я-то, в отличие от тебя прекрасно понимаю, кто я тебе, и кто ты мне, — он разворачивается с переднего сидения, и буравит тяжёлым взглядом.

— Да! И кто же? — фыркаю я.

— Ты моё приобретение, ценою в миллион, и принадлежишь мне, и никто не смеет тебя трогать, — спокойно так разъяснил мне, моё место.

— Да пошёл ты! — я показываю ему средний палец.

Вот и смелость проснулась.

Дергаю ручку, и, открыв дверцу, вылетаю на улицу. Нетвёрдой походкой, семеню в сторону остановки, хотя понимаю, что какая на хрен остановка, на улице ночь. Такси там вызову. Сажусь на лавку в крытой остановке, и роюсь в сумке.

— Садись в машину, — это Ямал с дружкой притормозили рядом.

Игнорирую их, ищу в телефоне прогу, которая вызывает такси. Иконки на экране плывут. Я стараюсь не подавать вида, делаю серьёзное лицо.

— Я каждый раз хую, какая ты борзая! — Ямал подходит ко мне, выдирает из рук телефон, кладёт в свой карман. — Я тебе чё пацан что ли, бегать за тобой!

— Отдай мой телефон! — я встаю, покачиваясь, и наваливаюсь на него.

— Иди уже! — толкает он меня в направлении машины. — Спать пора!

— Я никуда с тобой не пойду! — ну конечно я встаю в позу. Будет мне тут ещё какой-то бандит указывать.

— Бля, заебала! — рычит он, подхватывает на руки, поднимает, и закидывает на заднее сидение так, что я просто падаю туда, и пока барахтаюсь, двери закрываются, блокируются и машина мчится на высокой скорости.

Я сажусь растрепанная и злая, и уже открываю рот, как он меня перебивает:

— Ни слова! — рычит он, даже не оборачиваясь, только в зеркало смотрит. — Свяжу на хуй, и кляп засуну в рот!

Я тут же поджимаю губы. Хрен его знает, а вдруг, и действительно свяжет. Ловлю глумливый взгляд водителя Паши, и показываю ему язык.

— Скажу, Ирке, чтобы тебе не звонила, — зло проговорила я, и тут же заслужила тяжёлый взгляд от Кира.

Села сложив руки на груди. Куда едем не понятно, и спросить теперь нельзя. Темный пейзаж, и мелькание огней меня немного остудили, и я даже вздремнула, но тут же, вскинулась, когда машина остановилась.

Закрутила головой, силясь разглядеть, где мы.

Дверца с моей стороны открылась.

— Идти можешь? — это галантный Кир, решил узнать как моё состояние.

— Могу, — бурчу в ответ, и вылезая, совсем не заботясь о том, что мой подол совсем задрался, и водителю Паше открывается интересный вид.

Встаю рядом с Киrom, засунув сумку подмышку, и осматриваюсь.

Мы по ходу где-то за городом, потому что, впереди огромный дом, подсвеченный фонарями, и мы стоим в большой ограде.

— А мы где? Если позволено мне будет спросить! — язвлю я.

Кир одаривает меня уничижительным взглядом. Он это умеет хорошо. Так посмотрит, что дерьмом себя почувствуешь.

Прощается с водителем Пашей, игнорируя мой вопрос.

— Что? Не достойна ответа? — продолжаю я, ломать комедию одного актёра, а вернее, одной актрисы.

— Пошли уже! — Кир берёт меня под локоть и ведёт к дому.

— Ты что думаешь, я идти не могу? — пытаюсь руку свою выдернуть.

— Блядь, я убью тебя сегодня, — обещает Кир, и вталкивает меня в дом.

Тут темно, но он прекрасно ориентируется и тащит меня за собой.

— Как же так, Ямал, я же миллион стою, не жалко? — я спотыкаюсь, но он упрямо тащит меня за собой. Мы подходим к лестнице, здесь есть ночное освещение. Я оглядываю широкие ступени.

— Да куда ты меня привёз? Чей это дом?

— Мой дом, — сдаётся и отвечает Кир.

— Твой дом? — я неуклюже иду за ним, наверх. — А квартира?

— Тоже моя.

— Офигеть! — присвистываю я. — И квартира и дом. А яхта у тебя есть?

— Нет.

Мы, наконец, поднялись наверх, и Кир вталкивает меня в ближайшую комнату. Глаза, привыкшие к темноте, выцепили просторное ложе из всей обстановки.

— Раздевайся, — командует Кир. — Или помочь?

— Помоги, — меняю тактику.

Откидываюсь на закрытую дверь, кидаю на пол сумочку, расстегиваю куртку, стягиваю, за ней следует платье. Остаюсь в белье, чулках и сапогах.

— Спать в сапогах будешь? — интересуется Кир, сложив руки на груди и наблюдая пьяный стриптиз в моём исполнении.

— А может, я не хочу спать, — томно протягиваю я.

— Да? И чего же ты хочешь? — лица его не различить, только общее очертания фигуры в темноте вижу, но интонация насмешливая.

— Тебя хочу! — я подхожу ближе, веду ладоням по плечам, очерчиваю контур рук, спускаюсь вниз, глажу пах, приятно порадовавший твёрдостью.

— Пропал на две недели, бросил меня, — я трусь об него грудью, и скольжу пальчиками вверх, зарываюсь в его волосах.

— Разве не этого ты хотела? — снова насмешка.

— Нет не этого, — капризничаю я. — Я хотела, вот этого, — я ныряю носом в его расстегнутый ворот, и втягиваю горький аромат, и он пьянит лучше текилы. Касаюсь языком ароматной кожи, веду к шее, целую изгиб, — и вот этого, — беру его руку и разворачиваю ладонью к себе, завожу за кружевную чашку бюстгалтера, сжимаю пальцы, сдавливая грудь, и стону от удовольствия. — И вот этого, — скольжу его же рукой, до своей промежности, где всё уже готово, жарко и мокро, и тру его пальцами, по влажным складочкам, через кружево трусиков. — Я тебя хотела! И хочу!

Кир, наконец, отмирает, высвобождает свою руку, и притягивает меня к себе за талию, другой косу наматывает и дёргает, так, что моя голова откидывается назад.

— Ты же кричала, что ненавидишь меня? — тихий, низкий, проникающий в самые глубины моего сердца голос.

— Я была не права тогда, бурно отреагировала! Кир прости меня!

— Ты так хочешь трахаться, что готова, даже прощение просить? — сжимает крепче.

— Я очень хочу трахаться, — заворковала я, — очень хочу тебя!

— Да? И чего же ты хочешь? — он стал подталкивать меня к кровати.

— Тебя, — не нашла лучшего ответа.

— Конкретно, что я должен сделать? — он отпустил мою косу, и теперь вцепился в мой подбородок. — Говори!

— Э-э! Трахнуть меня!

— Ещё!

— Вставить в меня свой член!

— Дальше!

— Натянуть меня на свой член!

— Было, только что!

— Кир! Я не умею говорить пошлости! — стону я. — Просто возьми меня, так как умеешь только ты, жёстко и грубо, так чтобы я охрипла от криков, и ноги свести не смогла!

— Ну вот, а говоришь, не умеешь, — усмехается он, и толкает меня на кровать. Я падаю на упругий матрас, на спину.

— Ноги! — командует он, и ловит сперва одну мою ногу, стягивает сапог, потом вторую, тоже разувает.

— Спи, красивая, я не трахаю пьяных баб, ощущения не те! — и он разворачивается и выходит.

А я остаюсь лежать обалдевшая, и злая.

Вот сейчас как встану, и учиню скандал. Вот только полежу немного, потому что что-то все силы ушли на бесполезное соблазнение.

Вот чуть-чуть, и хана этому гаду! Я в долгу не останусь.

22

Я просыпаюсь от нестерпимого чувства жажды. Пить хочется невероятно. И в туалет, тоже хочется. А веки такие тяжёлые, что еле поднялись. Лежу, таращусь в незнакомый потолок, и сознание отмирает, а память медленно вползает, дозируя информацию. И чем больше её накапливается, тем паршивее становится мне.

Лучше бы мне отшибло все воспоминания о вчерашнем вечере. И про ресторан, и про нового знакомого Егора, и про старого знакомого Ямала.

Блин! Юля!

Я со стоном сжала голову, села. Вспомнила свои вчерашние игрища, попытки соблазнения.

Ой, ой, ой! Что же на меня вчера нашло? Вино, смешанное с текиллой, тут же съехидничал внутренний голос.

Блин, а время-то сколько?

Я соскочила с кровати, заметалась по комнате, совершенно не замечая роскошной обстановки, шаря взглядом по полу, пока не нашла валяющуюся у дверей сумочку. Рядом валялся телефон.

Семь утра, высветилось на ожившем телефоне, и пара пропущенных от мамы. Я тут же её набрала, и вскинула взгляд, да так и замерла. Передо мной в углу стояло высокое большое зеркало. И я полностью во всей красе отразилась там. Растрепанная, помятая, со спущенными до колен, проклятыми чулками. Груды вздымаются над бюстгальтером. Лицо всё в потёкшей косметике, опухшее. Коса полностью растрепалась, и походила на мочалку.

Соблазнительница, блин!

Я даже не сразу ответила, когда мама взяла трубку, поглощенная своим потрепанным видом.

Отмерла, коротко успокоила родительницу, заверила, что скоро буду, и отключилась. Снова повертелась, собрала с пола вещи. Осмотрелась.

Большая роскошная спальня. Самый важный предмет мебели конечно кровать, на которой я так безмятежно спала. Большая, широкая, и высокая. Со множеством подушек и мягким покрывалом.

Спалось кстати классно.

Всё в серых, лиловых тонах. Рядом панорамное окно, прикрытое только легкой органзой. А может это и дверь на балкон.

Тяжелые портьеры в тот же лиловый тон. По бокам от кровати тумбочки, и красивые светильники. На полу мягкий ковер, на стенах огромные странные фото, в рамках.

Я даже подошла ближе, не понимая, что на них. Какие-то расфокусирование черно-белые блики. Не понятно, но красиво.

Там где стояло зеркало, виднелась ниша. Прошла туда, и оказалась в огромной

гардеробной, чуть меньше самой спальни. Костюмы, рубашки, футболки, ремни, обувь и прочее. Всё мужское, и так понятно кому принадлежащее. Даже аромат здесь царит именно его. Древесный и горький. Внизу живота предательски заныло.

Да что же это такое, Юля?

Я разозлилась на себя. Ему даже рядом быть не нужно, просто аромат, и я уже вся в неге.

Кстати, а что это за дверь.

Класс!

На время забываю о своих метаниях, попадая в просторную ванную. Включаю свет.

Ну что же, тоже шикарно!

И нежно бежевая плитка. И огромная белоснежная ванная стоящая прямо перед окном, и душевая огромная ниша, с широкой лейкой, и подвесная тумба с двумя раковинами с зеркалом, что отразило мою кислую физиономию. И самое главное, спрятанный в отдельной нише, унитаз.

Быстро управившись, решила, что неплохо бы привести себя в более, мене божеский вид. Умылась, и даже рот прополоскала. Нашелся здесь ополаскиватель для рта. А вот расчёски, как не шарила так и не нашла. Зато нашла много интересного, кучу презервативов, тюбики со смазкой, и всякие взрослые игрушки, о назначении которых я могла только догадываться.

Испорченное воображение, тут же представило, как Кир применяет их ко мне, пока я распутывала растрепанную косу.

Вот что с меня взять, и воображение испорченное, и я, в конец, испорченная.

Кое-как справилась с волосами, решила валить, пока хозяина нет на горизонте. Каким образом буду добираться, ещё не решила. Ну, всё же на дворе двадцать первый век, и не в другую же страну он меня вывез.

Снова вспомнились события вчерашнего вечера. Как сквозь дымку тумана, ресторан, поездка, мои попытки самоутвердиться, и Кир, жёстко пресекавший все трепыхания, моё глупое соблазнение. Я даже слова его последние помнила, о том, что он не спит с пьяными бабами.

Вот странно, вчера я себе казалась вполне трезвой, а уж какой красивой, и соблазнительной, словами не передать. Вот он потешился надо мной, наверное. Да что, наверное. Точно.

Собрала волосы в хвост, и покинула ванную. Натянула повыше чулки, кстати целые.

Вот, заразы!

Потом помятое блядское платье, так кажется, его вчера назвал Кир. Подхватила куртку, сумку и сапоги, и тихо открыл дверь.

Никого. Тишина. Вышла в тёмный коридор, и двинулась к лестнице. Какой же долгой мне вчера показалась дорога по ней. А сейчас смотрю, всего с десятков ступеней, и впереди в светлом вестибюле виднеется массивная деревянная, входная дверь.

Я сбегая по лестнице, краем сознания отмечая, что этот дом кажется более обжитым, нежели квартира, в которую он меня приводил пару раз. Мелочи, запах, всё говорит, что здесь живут, а туда так, заезжают.

Из вестибюля, ведут сразу несколько выходов. В арочных проёмах виднеется роскошная и богатая обстановка. Мельком замечаю камин, и такие же большие окна, как и в спальне. Рассматривать дольше, времени нет, надо убежать, пока тихо.

Останавливаюсь у двери, кидаю на пол сапоги, и только намереваюсь их надеть, как слышу позади шаги.

Блин! Не успела.

23

— Уже уходишь? — слышу за спиной, оборачиваюсь и встречаюсь с насмешливыми серыми глазами.

Кир стоит совсем рядом. В майке и шортах, на ногах кроссовки, на шее полотенце. Весёлый и блестящий. По вензелям татуировок, на руках и груди, стекают капли пота. Наверное, тренировался. Он открывает бутылку воды, и делает щедрые глотки, потом протягивает мне.

— Хочешь? — задирает бровь.

Я так и стою придавленная его острым ароматом, и подавляющей аурой, и просто огромнейшим чувством стыда.

— Нет, спасибо, — сиплю я.

— Не может быть, — кривится в усмешке, только глаза злые, и я инстинктивно отступаю, когда он делает шаг по направлению ко мне, и протягивает бутылку. — У всех алкашей с утра сушняк.

Я прочищаю горло, но так и не беру протянутую бутылку. Не знаю, как насчёт алкашей, а конкретно у меня, уже нет никаких сушняков, я напилась воды из под крана, когда умывалась, поэтому с лёгкостью игнорировала его предложение.

— Ну, чё замерла? — он склоняет голову, и опускает бутылку, медленно завинчивает крышку. — Вчера такая разговорчивая была. О многом меня просила.

Я опускаю взгляд, на его руки, что всё ещё держат бутылку, и заправляю за ухо, выбившую прядь.

— О чём просила? — сглотнула я.

— Ну как же? — Кир почти припёр меня к двери своим взмокшим телом. Я выставила вперёд руки, в защитном жесте, пытаюсь разделить нас курткой и сумочкой. Он словно и не заметил преграды, продолжил натиск. Прижал к двери, сверля тяжёлым взглядом.

— Просила оттрахать тебя, жёстко и грубо. Вставить в тебя член. Натянуть! Говорила что скучаешь! Что хочешь, только меня! Что? — спросил, видя мои метания.

— Мне тяжело, — отталкиваю его, и он с неохотой подчиняется, но совсем немного даёт мне свободы. — Кир, послушай, я вчера... э-э...

— Набухалась, — подсказал он.

— Немного перебрала, — поправила я.

— И тебя потянуло на приключения, так красивая? Если бы я не появился, как далеко бы ты зашла? — вот главный вопрос, и от ответа на него, зависит пусть не жизнь, но моё здоровье точно.

— Кир, — пытаюсь его утихомирить.

— Отвечай! — рычит он, вырывает вещи из моих рук, отшвыривает их. И уже совсем бесцеремонно и грубо, за горло хватает и в дверь вжимает. Дышать резко стало нечем. Я вцепилась в его руки.

— Кир, — засипела я, а он вроде, как и не слышит, смотрит бешеным взглядом на меня.

— Я тебе говорил, что порву на хрен на куски, если с другим мужиком посмеешь спать!

— Я не... — только и могу вставить.

— Слушай сюда, сучка, я тебе не терпила какой-то, сносить твои закидоны! Осознай

уже девочка, что твоя жизнь, в моих руках!

— Сволочь, — сиплю из последних сил, — да кто тебе право дал, распоряжаться моей жизнью.

Несмотря на своё плачевное положение, меня взбесили его слова, и выходки пещерного человека. Я заколотила его по груди, сжатыми кулаками, и его натиск спал. Он отпустил моё горло, и я тут же принялась его растирать.

— И вообще, я тебе вчера хотела звонить, — закашливаясь, призналась я, — потому что, действительно соскучилась, но спасибо что напомнил какой ты гад!

— Завязывай! — роняет он, мрачно взирая на меня. Тяжело дышит, словно кинуться хочет.

Но меня уже не остановить. Буйный нрав, задетая гордость, и остаток алкоголя в крови, подпитывают общее бешенство, и напрочь отключают инстинкт самосохранения.

— Иди на хрен! — по слогам чеканю я, и исподлобья смотрю в горящие раздражением глаза. — Просто, иди на хрен!

Он всё же кидается, сжимает своими ручищами, и встряхивает меня словно куклу тряпичную. Я при этом больно бьюсь головой о дверь.

— Я сказал, заткнись, — опять рычит, и в губы мои впечатывается.

Больно кусает, и тянет. Уж чего-чего, но поцелуя, пусть и такого я не ожидала.

— Нет, нет, — протестующе закрутила головой, — отпусти меня. Не трогай!

— Сука! — хватает за подбородок, и фиксирует лицо, снова в рот вгрызается. Язык ныряет так глубоко, словно да горла достаёт. Жмёт, мнёт мои губы, свободной рукой, судорожно тело оглаживает, платье до талии задирает, и своим пахом мне в промежность вжимается, толкается, точно трахает уже.

Я всё ещё отталкиваю его, не поддаваясь на все призывы тела сдать. Но разум гаснет, под наплывом гормонов. Теряются последние отголоски, заглушаются, от дикого желания, запрыгнуть на него самой. На этого дикого зверя. Впечататься в это остро пахнущее потом тело.

Отдаться.

Подчиниться силе.

И вот я уже отвечаю на грубый поцелуй, и руки мои уже смыкаются на его шее. Тело призывно выгибается, ему навстречу. Я подтягиваюсь и обхватываю ногами его за талию, чётко ощущая промежностью его твёрдый член, упирающийся в меня из под шорт. Он опускает руку, втискивает её между нашими телами, не разрывая болезненного поцелуя, и вытаскивает свой член, а у меня просто кружево трусиков сдвигает в сторону, и тут же входит.

Рывком.

Мощным толчком.

Выбивая из меня вскрик, который гасят, его губы.

Ни секс, а обвинение, обличение, осуждение, и наказание.

Место моё указывает. Показывает, на что имею право.

Быть растерзанной, разложенной, распластанной под ним. Вдавленной, в мощное тело, помеченной, его ароматом. Его вкусом.

Жёсткий член ходит во мне, как поршень. Чётко, быстро, без усталости растягивая трепещущее лоно. Наконец отрывается от моих измочаленных губ, и снова за горло хватается, другой рукой, ягодицы жмёт, опять до синяков.

— Ты моя, — хрипит, впиваясь тёмным взглядом, — поняла? Отвечай!

— Поняла, — выстанываю я, вздрагивая в его руках, от жёстких толчков.

— Повтори, чья ты! — приказывает, не удовлетворившись смазанным ответом.

— Я твоя, Кир. Твоя! — задыхаюсь, от подступающего восторга. — Твоя!

Меня прошивает болезненное удовольствие, и я даже плачу, не совладав с эмоциями, продолжая смотреть на него, сквозь прикрытые веки.

Всё сразу, и похмелье, и страх, и раздражение, и удовольствие. Меня просто разрывало на части. Распинало внутри. И когда он отпустил моё горло, я положила голову на его плечо, прижалась, зарылась носом в изгиб шеи, вдыхая бешеный аромат самца, что всё ещё был во мне.

24

Кир несёт меня куда — то. Я поднимаю затуманенный взгляд. Камин, который я видела, когда пыталась сбежать, и мягкая шкура, перед ним.

«Какая пошлость» — вяло подумала я, когда он кладёт меня на неё, быстро освобождает от одежды. Сам скидывает свою ещё быстрее, и устраивается между моих разведённых ног. Снова входит, резко, и я опять гнусь, подстраиваюсь под него.

— Ты принимаешь те таблетки, что тебе назначили? — интересуется он, притягивая меня за талию. Обхватывает обеими руками, и тянет, насаживает на себя, моё изгибающееся тело.

— Да, — выдыхаю я.

Мне хватило того раза, и я решила не рисковать.

— Хорошо, Юля, хорошо, — стонет он, и закидывает мои ноги вверх, скрещивает, и его члену становится теснее, а я всхлипываю от новой порции болезненно-сладких ощущений, и чувствую, что на горизонте забрезжил второй оргазм. Сжимаю руками мягкую шкуру, и мечусь, повторяя его имя.

— Ну, скажи, что вчера говорила, — кладёт мои ноги на свои расписанные, мощные плечи, и целует голени, перемежая с укусами.

— Что? — выныриваю я, пытаюсь понять, чего он хочет. От его горячих губ, и этих нежных касаний, бегут мурашки, и становится нестерпимо жарко, обжигаяще.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, — поясняет он, и склоняется ниже, оставляя мои ноги на плечах, и проникая глубже. Я всхлипываю от очередного толчка, казалось доставшего до рёбер, и чуть ли не кончаю, и он притормаживает.

— Нет! Нет! Не останавливайся, — чуть ли не плачу, теряя ощущение полёта.

— Тогда говори, — и снова толкается, выгибая моё тело в очередной судороге. Склоняется к груди, и кусает соски, потом втягивает в горячий рот, и сосёт, и снова кусает.

— А-а-а! Кир! — задыхаюсь я.

— Говори, зеленоглазая, — хрипит он, снова притормаживая.

— Хочу! Хочу, чтобы ты вставил свой член в меня! — вспоминаю те пошлости, что несла вчера. И этим заслуживаю новые толчки, от которых плавиться мозг, да и тело моё, тоже тает.

— Ещё! — требует он.

— Трахай меня, жёстко, грубо, без жалости, прямо как сейчас. Только ты! Только так! — бормочу я, забываясь, улетаю, взмывая в небо, в космос.

Нет, такого не бывает!

Просто не возможно.

Невероятно!

Потому что утро, а вокруг сияют звезды, словно алмазы, сверкают. И я тоже звезда. Я сверкаю всеми гранями, под этим порочным мужчиной. От его грубости воспаряю, и растворяюсь в гармонии с миром.

* * *

— Кир, а ты, правда, в ОМОНе служил? — спрашиваю я, скользя пальцами по рисунку татуировок на его коже. Лежим всё на той же шкуре. Я покоюсь на его груди.

Через огромные окна, в гостиную льётся солнечный свет, и видны зелёные лужайки и ровно подстриженные кусты. Обстановка, как и весь дом, роскошна и богата. Высокий потолок. С него свисает большая графичная люстра. Одна стена полностью до самого потолка в длинных полках, на которых расставлена всякая всячина, словно лавка торгующая, всевозможными безделушками. Рядом с нами большой низкий угловой диван, и столик. Торшер, такой же графичный, как и люстра. У другой стены, широкая плазма, и ещё какая-то техника. Все сдержанно светло-бежевое, шоколадное, стильно и элегантно.

— Навела справки, — усмехается Кир.

Его пальцы тоже скользят по моей спине, поднимаются выше, зарываются в волосы, потом снова спускаются. Я словно кошка, млею от такой ласки, и как кошка готова мурлыкать от удовольствия.

— Служил, — наконец отвечает он.

— И на войне был? — я упираюсь подбородком в его грудь, заглядывая в расслабленное лицо.

— Был, — он прикрывает глаза. Его рука замирает у меня на талии.

— А почему ты... ну? — как бы потактичнее спросить, почему он бандитом стал.

— Почему, что? — не облегчает он мне задачу.

— Почему ты бандитом стал? — выпалила я, и зажмурилась, ожидая, что сейчас меня поставят на место.

— Тебе зачем? — вздохнул он. — В душу ко мне залезть решила? Понять? Пожалеть?

— Кир! — я отстранилась, но он тут же привлёк меня к себе обратно. — Мне просто интересно, не хочешь, не говори.

— Были на то причины, жизнь так сложилась — наконец отвечает он, — я сделал свой выбор, ни о чем не жалею, и тебе не советую.

Да я уже поняла!

— А когда мы с тобой в первый раз встретились, там, в автобусе, ты из тюрьмы вышел?

— Да, — он снова зарылся пальцами в мои волосы, чуть стянул у головы, приподнял мою голову. — Ну, чё молчишь? Спрашивай?

— Что спрашивать? — я пытливо заглянула в его холодные глаза. Он прищурился, тоже разглядывая меня.

— За что я сидел, спрашивай.

— А ты ответишь? — усмехнулась я и, дёрнув головой, освобождаясь от его хвата, опять уткнулась носом в его грудь.

Вот бы так всю жизнь пролежать. Жаль, что есть хочется.

— А ты попробуй, ты же упрямая, настырная...

— Кто бы говорил, — перебиваю его, — ледокол Ямал!

Он улыбается, и его лицо совершенно преображается. Он и так симпатичный мужчина. А сейчас и вовсе. Уходит эта вечно суровая маска. Разглаживаются хмурые складки. Словно

трещина бежит по камню.

— Тебе идёт улыбка, — заглядываю в его лицо.

— А тебе идёт, когда твой рот занят, — ухмыляется он, и обводит мои губы пальцами. Я провожу по ним кончиком языка, затаиваю дыхание.

— Ты зря это делаешь, — говорит Кир.

— Что? — выдыхаю я.

— Зря, думаешь, обо мне положительно, допускаешь какие либо чувства ко мне. Я не купаюсь в крови младенцев, и не насирую женщин, но я не тот, кем сейчас тебе кажусь. Я не милый, трогательный мальчик, скрытый за суровой маской. Я чудовище, и сволочь, и сидел за убийство. Так что взбодрись, красивая, и займись делом, — он давит на мои плечи, спуская вниз.

Так сурово и жёстко возвратил на землю.

— Мне домой надо, завтра на работу, — выворачиваюсь из его рук.

— А мне не нужно сосать целый день, — ловит и возвращает назад, — сделаешь минет, и пойдёшь домой.

— Я не буду, — упрямяюсь я.

Было же так хорошо. Вот сволочь разрисованная!

— Чё это? — приподнимается на локтях Кир. — Я же только что тебе казался симпатичным!

— Поверь, Кир, я на обольщаюсь на твой счёт...

— Обольщаешься, Юля, потому что ты постоянно испытываешь моё терпение, играешь. Думаешь, что я такой благородный, не найду способ, как причинить тебе боль.

— Хорошо. Что ты хочешь? Чтобы я каждый раз тошнила от тебя, орала под тобой, ревела и умоляла?

— Я хочу, чтобы ты чётко понимала ту черту, за которую не стоит заходить, — Кир садиться, опираясь локтями о согнутые колени.

— Я понимаю, — упрямо выпячиваю подбородок, и тоже сажусь.

— Да ты даже близко её не видишь, — усмехается он, — я вчера был так близок к тому, чтобы свернуть тебе шею, когда мне доложили, что ты тусуешься в компании мужиков левых...

— Доложили? — переспросила я. — Ты, что следил за мной?

— И не зря, красивая, — Кир встаёт, берёт сигареты и закуривает. — Может тебя здесь запереть. Буду трахать, усмирять потихоньку, пока совсем шёлковая не станешь.

— Кир, ты же шутишь? — взвилась я. — Это уже совсем за гранью!

— Не верещи, — притягивает к себе, и взваливает на плечо, встаёт, и хлопает по ягодицам.

— Ай! Кир! — вырывается из меня вместе с вскриком.

— Тихо, красивая, пошли в душ! Буду тебя усмирять!

25

После усмирительного душа, Кир отправил меня что-нибудь сварганить поесть, а сам остался домываться, видите ли, со мной ему никак.

Я накинула большой белый махровый халат, вышла из душевой, побрела наугад в поисках кухни. Она отыскалась быстро. Большая и, конечно же, роскошная.

Зачем ему такая? Я представила, как здорово готовить на такой. Столько пространства. Большой стол-остров посреди, с раковиной и плитой. С потолка свисают начищенные

сковороды и кухонная утварь. Столешницы блестят кварцем. Вся нужная техника в наличии. Круто.

Я подошла к холодильнику, заглянула туда. Чего здесь только не было, и в таких количествах. Для одного, даже большого Ямала, многовато. Аппетит разыгрывался с новой силой, когда я заскользила взглядом по всевозможным продуктам. Мясо, колбасы, сыры, упаковки с полуфабрикатами, контейнеры с готовой едой. Просто куча всего.

Не мудрствуя лукаво, решила нарезать бутербродов, тем более, в нижнем ящике, этого гиганта нашлись свежие овощи, и хлеб.

Разложила всё это на столе, нашла нож, доску, поставила чайник, принялась за готовку, а вернее за нарезку.

Не успела осилить и трёх бутербродов, как послышался шум, шаги, громкие голоса.

— Ямал, ты где? — орал кто-то.

И через мгновение этот кто-то, валился в кухню. Их было двое. Такие же фактурные, высокие, и широкие, как хозяин дома. Расслабленные, наглые. Они уставились на меня, с интересом рассматривая.

— Это кто у нас тут такой прожорливый? — хохотнул один из них, глядя на гору продуктов передо мной.

Я, честно говоря, растерялась, и что отвечать не знала.

Я Юля.

Или я с Ямалом.

Всё это звучало не очень, и поэтому я в замешательстве молчала, подозрительно глядя на них. А ещё соображала, что если бы они явились чуть раньше, или мы бы с Киром задержались, то все бы вопросы сами бы собой отпали, раз они так беспрепятственно входят в дом.

— Ну что ты детка, растерялась, — это уже второй, сделал шаг ко мне навстречу, — кто такая?

И тут в кухню вошёл водитель Паша.

— О привет, скандалистка, как голова не болит? — он нахально стащил у меня из под носа целый бутерброд. Щедрый такой, с листьями салата, помидором, и куском буженины.

— Готовишь класс! — жуя, поднял вверх большой палец.

— Спасибо, — только и вымолвила я.

Те двое, что вошли первыми, тоже рассредоточились, подошли с разных сторон, и тоже стащили по бутерброду, все, что успела за это время нарезать.

— Хоть бы руки помыли, — заворчала я, и выключила чайник.

— О точно, — засмеялся первый здоровяк, и, засунув бутерброд в рот, подошёл к раковине, открыл воду и помыл руки, вытер о полотенце, и показал мне, покрутив ладони.

— Класс, — усмехнулась я.

Паше и второму здоровяку, нечего не оставалось, как повторить за приятелем.

Я закатила глаза. Бандиты, а всё как дети.

— Слушай скандалистка, а подруга твоя свободна?

— Ну, так и чего ты вчера сам её об этом не спросил? — я снова принялась, за нарезку.

— Торопился, ты же вчера вытворяла так, что я думал, Ямал тебе шею свернёт, и мне заодно, что торможу не по делу. Ну, так что, свободна? — отозвался Паша.

— Ничего я особо и не вытворяла, — обиделась я, чувствуя, как в меня впились три пары глаз.

— Это ты по ходу с Ямалом мало знакома, если считаешь, что такое с рук сойдёт, — хохотнул Паша.

Я одарила его мрачным взглядом. Снова стало стыдно.

Можно подумать!

Его величество Ямал!

Ничего особенного и не сделала. Слова лишнего при нём не скажи. Аппетит пропал, захотелось домой.

— И где, кстати, Ямал? — снова спросил Паша.

— Убила и съела, — буркнула я, сооружая очередной бутерброд.

— Здесь я, — в кухню вошёл Кир, в одном полотенце на бёдрах, свежий, бодрый. На разрисованной груди поблёскивает массивный серебряный крест, висящий на такой же цепочке. Подошёл ко мне сзади, прихвати за зад, и стёр бутерброд.

— М-м-м! — замычал он. — Жрать хочу!

Блин я тоже! Опять принялась резать овощи.

— Я надеюсь, вы с хорошими новостями, а не как в прошлый раз? — спросил он, здороваясь с каждым мужчиной рукопожатием.

— Кофе будешь? — это видимо мне.

Я кидаю на него взгляд и киваю. Он подходит к кофе-машине, нажимает на какие-то кнопки, техника оживает, по кухне ползёт обалденный аромат кофе.

— Обижаетесь, Ямал, всё сделали, как ты сказал...

— Миша, если бы вы сделали, как я сказал, вы бы не мотались туда второй раз, — повысил голос Кир, и тот которого назвал Мишей, обиженно замолчал.

— Ладно, валите, — потягивается он, расправляя все свои нехилые габариты, — после обеда наберу.

И мужчины выходят, даже не прощаясь. Я провожаю их взглядом. На кухне остаётся только мы с Киrom и Паша.

— Ну, так, что скандалистка, — опять цепляется Паша, когда я, наконец, кусаю вожделенный бутерброд, — твоя подруга Иришка, свободна?

Кир усмехается, скорее всего, над прозвищем. Я прожёвываю бутерброд.

— Да зачем ты ей нужен? — огрызаюсь. — Ей серьёзные отношения нужны, а ты только так...

— А кто сказал, что я несерьёзно, — поспешно перебивает меня Паша.

— А тут и говорить нечего не надо, и так понятно, — пожимаю плечами.

Кир не вмешивается, разливает кофе и ставит перед нами кружки. В мой кофе добавляет молока. Откуда знает, что чёрный не люблю, не понятно, может, просто догадался. Садиться рядом за стол и меня на колени свои перетягивает. Я сперва напрягаюсь, но потом устраиваюсь удобнее, попиваю кофе.

— Понятно, ничего из тебя не вытянешь, — бурчит Паша уже сам, нарезаая бутерброды, правда он ограничивается только хлебом и бужениной.

— Да свободна, она свободна, только, пожалуйста, не сдавай меня, — смягчилась я. — И прекрати звать меня скандалисткой.

— Хорошо, дебоширка! — кивает этот наглец.

Злиться правда на него не получается, уж очень улыбка у него обаятельная, и я только отмахиваюсь, мол отстань уже. А мужчины и вовсе начинают ржать.

— Можно подумать, — цыкаю я.

— Да Ямал поздравляю, с этой точно не будет скучно, — ляпает Паша.

Зашибись, поговорили.

Я встаю. Нет, я не обижаюсь. Я прекрасно понимаю, что одна из, но может немного размечталась. Совсем чуть-чуть, когда видела, как горят страстью его холодные глаза. Впрочем, меня сегодня неоднократно на место ставили, так что по фиг.

— Ладно, «этой» пора домой, — и я, не оборачиваясь, вышла из кухни.

— Ямал прости, — услышала я, Пашин голос.

Замечательно, ему прости, а мне чего.

Собрала раскиданные по гостиной вещи, поискала глазами, куда запрятаться, чтобы переодеться, а потом плюнула и оделась прямо в гостиной. Я же шлюха очередная, так чего стесняться. Чулки заразы, оказались целы и без единой зацепки. Я вышла в вестибюль, и тут же наткнулась на Ямала. Он тоже оделся, хотя волосы на голове были ещё мокрыми. Спокойно на меня смотрел, я постаралась вернуть ему такой же взгляд. Подняла с пола куртку и сумку, натянула сапоги, встала в ожидании, пока он откроет мне дверь.

Улица встретила холодом. Октябрь нынче не баловал солнышком. И я задрожала, кутаясь в курточку. По ногам тут же пополз холодный воздух.

— Чего дрожишь, замёрзла? — капитан очевидность, а не Ямал.

— Да, — стучу зубами.

— Иди сюда, — притягивает к себе, могучими руками захватывает, так что дыхание сбивается. Сам он в джинсах и темной футболке, и такой любимой кожаной куртке. От него пышет жаром, и хоть немного становится теплее. Ведёт вдоль кустов, в крытое здание, которое оказывается гаражом. Там стоит большой внедорожник, и знакомая спортивная машина. Усаживает туда, командует пристегнуться.

Как не тяну подол платья ниже, когда сажусь в низкое сидение машины, оно всё равно оголяет все бёдра, того и гляди кромка чулок покажется.

Точно блядское платье.

Прав Ямал. И я блядь. Самая настоящая. Прошталась где-то ночью, сейчас, вся затраханая возвращаюсь домой. Прикрыла непотребство, сумочкой. Постаралась по крайней мере.

Ямал, севший рядом, выразительно посмотрел на мои коленки, потом на меня.

— Что? — раздражённо глянула в ответ. — Да оно короткое, и что теперь? Я же одна из, так какая разница...

— Рот закрыла, — спокойно припечатал холодом, — мне хватило твоих выебонов вчера. Я тебе не муж, не надо трахать мне мозг.

Я отвернулась и сжала челюсти, чтобы в очередной раз не послать его, наплевав на все инстинкты.

— На меня смотри, когда я с тобой разговариваю, — услышала рычание, и развернулась.

Глаза были холодны, и выражения лица вроде спокойное, но сжатые губы, и гуляющие желваки, выдавали его раздражение.

— Я, по-моему, доходчиво разъяснил тебе твоё положение? Или до тебя не дошло до сих пор, что у нас ни хуя не отношения, где ты можешь обижаться и включать стерву. Если тебе не понятно, объясню ещё раз. Я трахаю тебя, когда хочу, и там где хочу, а ты с радостью раздвигаешь ноги, или раскрываешь рот, если понадобится. И засовываешь все свои претензии в жопу, потом муженьку своему изложишь, когда найду эту падаль. Поняла?

Я кивнула. По щекам катились слёзы. Вот насколько мне было с ним одуряюще хорошо,

вот настолько сейчас было мерзко. Сама виновата, не надо было обольщаться.

— Можешь не стараться, мне срать на все эти сопли и слезы, — хмыкает он, и нажимает на пульт, дверь гаража открывается.

— Когда же ты стал таким чёрствым чурбаном? — всё на что меня хватило.

Ямал вырuling из гаража и даже не посчитал нужным ответить. Машина разогналась, а я старалась, отвлечься, чтобы снова не начать плакать. Ненавижу жалеть себя. И людей жалеющих себя тоже ненавижу. Поэтому сижу и тужусь, чтобы не захлебнуться грёбаной жалостью, к такой несчастной себе.

— Я покупал тебе кучу шмотья, где оно? — вдруг вспоминает он.

— Слушай, Ямал, давай внесём коррективы в наш договор, — я уже более менее успокоилась, и повернулась к нему, — ты трахаешь меня, где хочешь, куда хочешь, когда хочешь, но тоже оставляешь мой мозг в покое. Не диктуешь мне что надевать, или где работать, и когда работать. Ты прав ты мне не муж. Так что давай, согласуем графики. Завтра и послезавтра я работаю, целый день, и ночь.

— Засунь свои условия туда же, куда и претензии, — отзывается он, не отрываясь от дороги, — и не смей больше мне их ставить!

Я отворачиваюсь. Вот же гад!

— Если надо будет, будешь сидеть рядом со мной на каждой сходке, на которую я пойду. И срать мне на твою работу.

Мы остановились на светофоре, и он повернулся ко мне, замораживая холодными глазами.

— Всё усекла?

— Да, — ну а что оставалось, только подчинится.

26

Но по факту Ямал опять пропадает. Никуда не тащит, и быть рядом не заставляет, ни диктует никаких условий. Не появляется вторую неделю, и я живу обычной своей жизнью, хотя теперь и знаю, что за мной наблюдают. После работы теперь меня встречает Паша водитель, хотя он просто Паша, но я про себя, всё равно его так называю. Сперва это молчаливые поездки, но потом, мы всё больше сближаемся, ведь у нас есть тема для притяжения. Иришка, которая остаётся неприступной для всех ухаживаний бандита, по факту просто его боится. В этом она, по крайней мере, признаётся, мне, когда я её спрашиваю чего она динамит парня. Но Паша, не Ямал. Он улыбочивый и весёлый. Обаятельный, и обходительный. Светлые, словно выгоревшие на солнце волосы, красивые голубые глаза, прямой нос, и пухлые губы. Он очень хорош. Спортивный и стройный, высокий. Всегда модно одет. А уж язык подвешен как! Не удивлюсь, если у него таких Иришек, по десять штук, в каждом районе города, о чём и говорю подруге. Он совершенно не похож на Ямала. Жёсткого, циничного, хмурого. Такое ощущение, что он спит с открытыми глазами, потому что всегда напряжён. Нет, нет Паша не он, даже близко. За всё время нашего знакомств, я лишь однажды видела, как Кир улыбается и смеётся. А уж как он прямолинеен и груб. Паша же очень лёгок в общении, и за тот недолгий период, что он возит меня с работы, у нас даже складываются приятельские отношения. Поэтому когда Иришка спрашивает у меня совета, по поводу Паши, я, конечно же, жму плечами.

Что я могу ей посоветовать? Я замужняя женщина, прожившая в браке семь лет, и думавшая что Юрий, это предел моих мечтаний, и больше мне ничего не светит. Я которая, считала себя среднестатистическим брёвнышком. Теперь, когда повстречала Кира,

понимаю, что никогда уже не буду прежней, после всего что у нас было. Потом, совсем не скоро, когда он освободит меня, за ненадобностью, найдёт новую жертву. Даже потом я не буду прежней. И поэтому я ничего не советую Иришке, пусть сама решает, просто поясню, что Паша это не Кир, и бояться ей нечего.

Пару раз пытаюсь разузнать, почему Кир сам не приезжает, но Паша упорно твердит, что значит так надо, и он ему не докладывает. Потом выспрашиваю что-нибудь побольше о Кире, но и тут натыкаюсь на глухую стену. Паша хмыкает, мол, спроси сама, если так интересно, а я в ответ, что спрашивать то не у кого, я видимо в опале у его величества, потому как, нет его, и всё тут. Паша ржёт, и говорит совсем уж непонятные вещи, о том, что в каком-то веки Ямалу свезло. Но опять, же не поясняет, и темы эти мы закрываем, и больше не касаемся.

От Юры по-прежнему нет вестей. И у меня порой закрадываются, смутные подозрения, что может с ним что-нибудь случилось. Но все, же он в розыске, и если бы это было так, мне бы давно сообщили. Так и остаётся всё в подвешенном состоянии. Мы с сыном живём под прицелом и покровительством бандитов, пока тот, кто обязан защищать свою семью, смылся, и в ус не дует.

* * *

Андрейка разболелся ещё с вечера. Пришёл с тренировки, и вместо того чтобы накинуться на еду, завалился на кровать. На улице лил дождь, холодный, колючий, может даже и со снегом, и, увидев, что моё чадо учинило непотребство, завалившись на кровать в мокрой куртке, я разворчалась. Но когда подошла ближе и тронула лоб, и заглянула в блестящие глаза, подавилась словами, сразу начала кудахтать над ним, раздевать, обтирать. В рекордные сроки сын был уложен под одеяло, подмышку был втолкнул градусник, рядом стоял горячий чай с малиной. Но самое гадство, что меня сегодня Ленка, попросила подменить её в ночную. Она уехала за город, и вызвонить её, и вернуть всё обратно было невозможно. Пара девчонок, к которым я обратилась, послали завуалировано, на ходу придумывая причины. И я, скрипя сердцем, собиралась на работу, ежеминутно трогая горячий лоб сына.

— Мам, да не переживай, всё будет хорошо. Я просто отосплюсь! — хрипел детский голосок.

Какой он смелый и отважный и глупый, мой ребёнок.

— Андрей, не забывай мерить температуру, и если будет выше тридцати девяти, звони мне незамедлительно! Умоляю, мальчик мой, не надо храбрости, это очень серьёзно, дай мне своё мужское слово! — я пыталась впихнуть ноги в колготки, прыгая рядом с кроватью ребёнка.

— Даю слово, — кивает Андрей.

Я, скрипя сердцем, и всеми органами и конечностями покидаю дом, где остаётся мой больной ребёнок, и в очередной раз, проклиная Юру. Если бы не он, мне не приходилась бы впахивать, если бы не он, мне не пришлось бы оставлять больного ребёнка одного, если бы не он...

Всю смену работаю на нервах, напряжена, рассеянна, огрызаюсь каждому кто лишнее слово скажет. Андрей звонит пару раз, говорит, что температура не выше тридцати девяти, чувствует моё сердце, врёт, и я уже близка к тому, чтобы всё бросит и бежать домой. Останавливает лишь то, что я подставлю Ленку.

И так час за часом, медленно, но верно, на пределе, находясь мысленно постоянно дома,

пока меня не ловит Серёга и не вливает немного виски, когда я сбивчиво огрызаюсь на его вопросы. Немного расслабляет, но тревога, горит внутри, расплзается по венам.

Снова звонит телефон.

Андрей.

Я поспешно принимаю вызов.

— Да сыночек! — ухожу на кухню подальше от громкой музыки.

— Красивая, а я не понял, чего это ты сегодня работаешь? — слышится в трубке голос

Кира.

27

— Ямал? — удивляюсь я. — Ты как? Откуда? Это же телефон Андрея! Что с ним? — с каждым вопросом паника нарастает.

— Тих, тих, спокойно, здесь он, — отвечает Кир, и я прислоняюсь к стенке, чуть не сползая по ней. — Лучше ты объясни, какого ху... хрена ты работаешь, когда пацан весь горит от температуры. Ашот совсем оху... охренел?

— Ты что там делаешь, и почему Андрей вообще дверь открыл? — вместо ответов вопросы задаю.

— Не знаю, поплыл совсем от температуры, — отвечает Кир, — давай мигом домой!

— Кир я не могу, и дело не в Ашоте, я Ленке обещала...

— Ты гонишь что ли, какая на хрен Ленка, — рычит он.

— Кир, умоляю, побудь с ним! Ты сможешь? Сегодня полный зал, и если я уйду...

— Пиздец, — уже не стесняется Кир, — я тебе что, нянька?

— Нет, нет, конечно, прости... просто мне некого попросить...

— Заебись, — ругается Кир. — Ну ты даёшь красивая, и не боишься со мной ребёнка- тс оставлять?

— Кир, умоляю, останься, и делай, потом, со мной всё что хочешь! — я совсем в отчаянье.

— Можно подумать, мне нужно твоё разрешение, — хмыкает он, — но я запомню!

— Кир...

— На, пацану своему всё скажи, а то он тут оборону держит, скоро обосрётся от натуги! — перебивает Кир, и тут же в телефоне слышится голос Андрея.

— Мам...

— Сынок, это мой знакомый дядя Кир, — начинаю я, — пусть он побудет с тобой, я очень волнуюсь.

— Мам, да всё хорошо! — пищит мой сын.

— Нет, не спорь, под присмотром взрослого будет лучше, так что марш в постель и дядя Кир пусть померит тебе температуру.

— Ладно, — смиряется Андрей, — пока, — и кладёт трубку.

Я перевожу дыхание, не знаю, может это дурость, но когда теперь Кир рядом с Андреем, мне становится спокойнее, и я даже сосредотачиваюсь на работе. Через час примерно звонит Кир, и говорит, что вызывал какого-то своего знакомого врача, он осмотрел Андрея, оставил назначения, и поставил укол, и сейчас тот спит.

— Спасибо, Кир, только не уезжай, не оставляй его одного, — снова срываюсь, и умоляю его.

— Да понял я, не мороси, — бзыкает он, и слышно, что затягивается.

— Если ты голодный, там борщ, в холодильнике...

— Разберусь, — обрывает. — Когда вернёшься?

— Через два часа.

— Паху наберу, пусть заедет за тобой, — и отключается.

И вроде ничего приятного не сказал, а губы в улыбке растягиваются. Остался, позаботился о сыне, ещё и врача вызвал. И этот поступок перечёркивает всё ту грубость по отношению ко мне. Я так ему благодарна, что он не бросил меня в беде. Как странно, но тот, кто казалось, априори должен делать зло, оказывается отзывчивым, к по сути, посторонним проблемам.

* * *

Смену я дорабатываю спокойно, но в конце не трачу время на переодевание, подхватываю свои вещи и спешу на выход. Паша уже на месте, и я быстро прыгаю в машину, коротко с ним здороваюсь, и мы мчим, по ночным улицам. Сегодня не то настроение, и я молчу, отвернувшись к окну.

— Слышь, Юль, я Иришку на свидание, позвал, а она упрямится. Пойдёмте с нами? — вдруг изрекает Паша.

— Кто? Я и Ямал? — удивлённо поворачиваю голову.

— Ну да! — подтверждает он.

— Паш, а ты в курсе, какие у нас отношения? — фыркаю я. — Они не предполагают романтики, сугубо секс! Так что навряд ли, мы куда-то пойдём, если там не будет койки!

— А ты кремень! — присвистывает мужчина.

— Я просто не обольщаюсь, — отворачиваюсь к окну.

Или обольщаюсь, но даже себе в этом не признаюсь.

— Ладно, разберёмся! — усмехается Паша. — Но если Ямал позовёт, то ты согласишься?

— Паш, Ямал не спрашивает, он приказывает, и тут нет права выбора, и мне деваться будет некуда.

На этом тему закрыли. Машина подъехала к самому подъезду, и я, попрощавшись, побежала домой.

Влетела на третий этаж, судорожно сжимая ключи, накинулась на замок, но дверь тут же открылась. На пороге стоял Кир.

Опять эта белая рубашка, распахнутая на груди, и закатанные рукава. Вся мощь напоказ. Узкие синие брюки, туфли. Я даже немного зависла, оглядывая его фигуру, понимая, блин, что соскучилась, но потом одёрнула себя, и промчалась мимо него, раздеваясь и разуваясь на ходу. Кинулась в комнату к сыну.

28

— Как он? — шепнула, оглядываясь назад, и садясь на колени рядом с кроватью, и целуя горячий лоб Андрея.

— Норм, всё, — ответил Кир.

Он не шептал, но говорил тихо. Только сейчас обратила внимание, как пристально он смотрит, словно глазами пожирает.

— Температура пошла на снижение. Док его димедролом кольнул, так что и поспит, и полечится.

— Димедролом? — взволновалась я, и привстала, разглядывая умиротворенное лицо сына.

— Спокойно, красивая, димедрол, это не только колёса, но и противовоспалительный

препарат, это я тебе как бывший спортсмен говорю.

Я вздохнула, и встала. Прошла мимо него, почти касаясь грудью. Горький аромат тут же зашевелил мои ноздри. Он словно триггер, спусковой крючок для меня, всё самое прочное тут же в памяти всплывает.

На кухне накурено, и на столе стоит чашка с недопитым кофе.

— Ты спортсмен? — задала уже там вопрос, рассеянно ища глазами зажигалку, чтобы поджечь газ, и заварить кофе.

— Да, дзюдо занимался, — слышу его ответ, и тут понимаю, что на плечи навалилась вся усталость и напряжение ночи.

Я потёрла лицо и, опершись руками о стол, совсем внезапно для себя заплакала. Тихо, подрагивая плечами, роняя крупные капли на стол. Так стало легко, от того что с Андреем всё в порядке, я словно камень сбросила, который тащила на себе все это время. И вместе с этим стало так паршиво, что я себя настолько изматываю, что сил просто не остаётся. А остаётся просто плакать.

— Слушай, ну чего ты сырость разводишь? — заворчал Кир, и подошёл вплотную, прижал к себе, развернул, заглядывая в глаза. — Все же нормально!

Не знаю, показалось ли мне, но на мгновение уловила в холоде серых глаз, беспокойство.

Бред конечно. Все равно ему. Но...

— Просто переволновалась, — пытаюсь отвернуться.

— Куда собралась-то? — усмехается он, моим попыткам оттолкнуть его.

Фиксирует подбородок, и в губы солёные от слёз впивается, и кажется с особым удовольствием, их целовывает, слизывает.

Жадно, алчно, словно тоже скучал, и не может больше терпеть, желая, как можно скорее поглотить, завладеть вожаделенной плотью.

Я тут же задыхаюсь, и дрожу, и мне кажется, что эта дрожь ему передаётся. Все мои чувства напоказ. Не могу скрывать, что скучала, по вкусу его, аромату. Подаюсь навстречу, впечатываясь в его тело. Сжимаю пальцами ворот рубашки, притягиваю ближе. Он рычит в мои губы, словно больной зверь, вжимает бёдрами в столешницу, и нетерпеливо юбку задирает.

— Кир, — попыталась оттолкнуть его, — Андрей же...

— Спит, — хрипит он, — а ты не будешь сильно шуметь, — и снова в рот впивается.

Секундное колебание, и я сдаюсь. Голос разума меркнет, под давлением плоти. Тем более что жажда моя только усиливается, и по телу бегут импульсы возбуждения. Низ живота тяжелеет, наливается тягучей болью, требует разрядки.

Зарываюсь пальцами в короткие волосы на затылке, и притягиваю к себе ещё ближе.

— Ждала? Хотела меня? — рычит прямо в губы. — Текла, когда вспоминала?

— Да, — выдыхаю на все вопросы рядом. — Только тебя хочу!

Совсем голову сносит, от этих откровений. Сердце вот-вот выпрыгнет, из груди.

— А ты? — вдруг смелею, разомлев от ласк. — Думал обо мне?

— Думал? — усмехается Кир, и рывком разрывает блузку, только пуговицы посыпались. — Я сука, кроме тебя никого трахать не могу! Как ты это сделала, а?

Грудь тут же выскакивает наружу из бюстгалтера, под натиском, наглых рук, и острые возбуждённые соски топорщатся вверх. Я закусываю кулак, чтобы не стонать совсем уж громко, когда горячий рот накрывает возбуждённую грудь. Язык зализывает мягкие укусы,

переходя от одной груди к другой, доводя меня до иступления.

— Почему тогда не приезжал? Я ждала, — срываюсь все же на громкий стон, когда он особо больно прикусывает нежную кожу на груди.

— Потому что, мудака, — рычит он, и рывком стягивает мои колготки с трусами. Усаживает меня на стол, и ноги разводит. Расстёгивает молнию на брюках и свой член достаёт, тут же резко входит, выбивая мой вскрик, и рот зажимает, снова толкается.

Жёстко, быстро, так что стол начинает биться о стенку, у которой стоит, и тогда Кир подхватывает меня на руки, садит на свои бёдра, и к стенке припирает. Я обхватываю его ногами, и кайфую от четкого ощущения его члена внутри, который ходит во мне. Всё плывёт перед глазами, только искры летят, от наших соединившихся тел.

— Сука, долбанная наркота, — хрипит он мне в ухо, обрамляя кожу горячим дыханием, — ты долбанная наркота!

И продолжает вбиваться, пока я не выгибаюсь, и не сжимаюсь вокруг его плоти, ловя экстаз. И сам тут же догоняет меня, рыча в изгиб моей шеи, что-то неразборчивое и матерное.

Ещё долго в таком положении стоим, словно не готовые разорвать эти объятия. Но я, все же, встаю на подрагивающие ноги, глажу его плечи, шею, колючие щёки. Он поднимает на меня свои глаза, в которых серая стужа, гасит страстный огонь, что горел мгновением ранее.

Я вздрагиваю от такой перемены, только что вожделем меня, признавался, что только я возбуждаю, а сейчас так колюче смотрит, словно обличает в проступке, в преступлении.

— Кир... — даже слова на языке замирают.

Сглатываю ком, но не могу продолжить так и смотрю, постепенно замерзая под его пристальным взглядом.

— Мне пора, — произносит и отстраняется, поправляет брюки.

— Может, останешься, — совсем уж тихо получилось, но он слышит, потому, что крутит головой.

— Нет, — и выходит в прихожую, и тут же хлопает дверь.

А я сползаю по стеночке, всё также в развороченной одежде, сажусь, и плачу. Злюсь на себя за слабость и плачу. Потому что понимаю, что как дура влюбилась в этого зверя бездушного, которому вообще непонятно что нужно.

Ласка?

Нежность?

Грубость?

Покорность?

Дерзость?

Что он хочет от меня?

И самое главное, пусть он хоть что-нибудь хочет от меня. И вернётся.

А потом был обжигающий душ, и ароматный кофе, и настроение, с «что же я такая несчастная», поменялось, на «пусть идёт на хрен». Засыпала так вообще с улыбкой на устах, потому что у Андрейки спала температура, а больше мне для счастья ничего и не надо, ну если только...

Нет! Сказала же не надо!

29

На следующий день, пришел мужчина. Когда открыла дверь, обомлела.

Высокая лысая махина, представился Игорем Константиновичем, доктором, которого прислал Ямал. Я пропустила его, немного оторопело глядя на косую сажень в плечах. Он видимо понимал, какое впечатление производит, поэтому постарался выдавить на суровом лице улыбку, снял пальто, и спросил где помыть руки. Потом завалил вопросами, о самочувствии Андрея, который смущённо выглянул из своей комнаты. Игорь Константинович тут же погнал его в кровать, сетуя на слабость. Мы, с сыном не сопротивлялись, тут попробуй противостоять такому доктору, который одним движением пальца, может тебе свернуть шею. Он осмотрел Андрея уже в кровати. Послушал, прощупал, поспрашивал его, когда тот почувствовал себя плохо, покивал, сказал чтобы он лежал, и позвал меня на кухню.

— Кофе угостите, Юлия, — обратился он ко мне, когда мы зашли на кухню.

Я кивнула, не особо удивляясь, что он знает, как меня зовут. Поставила чайник, расставила чашки, банку с кофе, сахар, печенье. Села за стол.

— Вы хотите попить дрянной кофе, или сообщить что-то плохое? — не стала ходить я вокруг да около.

Он усмехнулся. Его черты были жёстче даже, чем у Ямала. Те же холодные глаза, сжатые губы, и небольшая щетина. А про габариты я вообще молчу.

Они что там все на подбор, ниже двух метров, в группировку не принимают?

Такого, если ночью встретишь, уж точно не решишь что это доктор. От такого бежать будешь без оглядки. И, тем не менее, по лицу его скользнула тень улыбки, и оно немного очеловечилось.

— Всегда поражался, насколько женщины крепки морально, — изрёк он.

— ДНК-код такой, с молоком матери передаётся, терпи и будь сильной, из поколения в поколение, — без тени усмешки ответила я.

Чайник закипел. Я сняла его с огня и разлила по кружкам кипятков.

— Жаль, порой, хочется, чтобы вы были слабее, — стал он размешивать насыпанный кофе в кружке, и по кухне поплыл горький аромат.

— Конкретно я, — уточнила, — или у вас был печальный опыт с кем-то сильнее вас?

Он хохотнул.

— Да... — видно было, что хотел что-то ещё добавить, но промолчал. Домешал свой кофе и сделал глоток. Скривился.

— Кофе дрянь, — поделился он.

— Можете не пить, — пожала плечами, и налила в свой немного молока, сделала глоток, вполне нормально, бывало и лучше конечно, но...

— Юлия, а как вы, при таком характере, ещё не королева мира? — понятно, что насмешка, мол, чего выпендриваешься пигалица

— Игорь Константинович, — вздохнула я, подавляя раздражение, на ещё одного альфа-самца, — вас никто не заставляет вести со мной разговоры, просто скажите, что с Андреем, и можете быть свободны.

Он вдруг глянул на меня так колюче, и даже зло. И только упрямство, и закалка, с одним очень злым бандитом не дали мне отвести глаза.

Вот всегда ты так Юлька, там, где промолчать надо, лезешь. Неужели не видишь, кто перед тобой?

— А ты не промах, девочка, — хмыкнул он, резко переходя на «ты» и, не дав мне съязвить по данному поводу, перевёл тему. — Парнишка твой в напряге постоянно, организм

детский не справляется, сбой в итоге. Постельный режим, как минимум неделю, ни школ, ни кружков. Спортом занимается?

— Да, таеквон-до, — отвечала, а сама оцепенела.

Это ж надо было так довести ребёнка, что он свалился с температурой. Всё напряжение, последних месяцев, не могло не сказаться на сыне, и вот, пожалуйста. Я снова почувствовала желание пореветь в голос. Да что-то в последнее время частенько, по ходу ПМС.

— А вы не ошибаетесь? Не похожи вы на педиатра, может это банально вирус? — голос мой дрогнул, чувство вины, сжало ещё сильнее под пронизательным взглядом бандитского доктора.

— И вирус тоже, — кивнул он, и снова сделал глоток, опять скривился.

Ой, можно подумать, какие мы нежные! Как людей пытаться, так не кривятся, поди, тут кофе им не тот.

— Я столько раз такое видел, когда ребёнок и учиться и тренируется, и ещё всем подряд занимается, а потом бац, и сбой организма, потому что не хватает ему ещё сил, на такую деятельность.

— Хорошо, что вы предлагаете? — сдалась я.

— Не веришь мне? — усмехнулся Игорь Константинович.

— Не особо, — не стала кривить душой.

— Ну, можешь отвести в больницу, и вам там назначать по стандарту, противовирусные препараты, жаропонижающие, — он пожал плечами, нет, плечищами, которые ни сколько не скрывала, мешковатая кофта, — а можешь послушать меня, и оставить своего сына в покое.

— Да я и так видимо преуспела в этом, — я от досады потёрла глаза.

— Слушай, сейчас ему нужна неделя, ничегонедельня, справки я организую не переживай, а потом налаживаешь график, в котором твой ребёнок хотя бы раз в неделю свободен от всего, и лучше половину нагрузки убрать с него, — он встал, прошёл в прихожую, и достал из своего пальто, два бланка справок, уже с печатями, положил передо мной.

— Диагноз ОРВИ поставь, остальное сама заполнишь, тут без проблем, и как минимум неделю пусть дома сидит. В гаджеты играет, телек смотрит, всё что хочет.

Я смотрела на справки, по которым он постукивал крупными пальцами, указывая строки, необходимые заполнить.

— А вы и вправду врач? — вдруг вырвалось у меня.

— Правда, — хмыкнул мужчина, — военный хирург.

— Военный? Хирург? — на всё что была я способна.

— Ну, теперь сменил немного квалификацию, только работа та же, — пожал плечами, мол, поле боя, ничем не отличается от того, что порой бывает в мирной жизни.

— А Кира, давно знаете? — ну а что, мне интересно.

Игорь Константинович задрал бровь.

— Да уж дольше, чем ты, — фыркнул он, и от этого снова его суровое лицо стало мягче, — ещё из прошлой жизни, — добавил он.

Больше я ничего не стала спрашивать, понимая, что откровенности особо не дождусь. Он всё же допил кофе, и, попрощавшись со мной и с Андреем, Игорь Константинович, ушёл.

Я прошла в комнату сына, нырнула к нему под одеяло, обняла, прижала, вдохнула аромат родной макушки.

— Ты прости меня, сыночек, — слёзы совались с ресниц, покатались по щекам.

— Мам? — Андрей уловил в моём голосе несвойственный хрип.

— Я должна лучше заботиться о тебе, а получается наоборот, ты заботишься обо мне, — глотая рыдания, бормотала я.

— Мам, ну не плач, ты чего, — Андрей вывернулся из моих рук, и посмотрел в моё лицо. — Это всего лишь простуда, я себя уже хорошо чувствую, и могу даже на тренировку пойти...

— Нет, — поспешно отрезала я, — неделя в покое, так врач сказал!

— Но у меня соревнования на носу, — запротестовал сын.

— Андрей, если ты подорвёшь здоровье, никому от этого лучше не будет, — слёзы уже высохли, я чётко представляла, что делать дальше. — Завтра отвезу тебя к бабуле, пока я буду на работе, два дня побудешь там.

— Да я и один могу...

— Андрей, но ты, же не один, — его слова прямо по сердцу полоснули. — У тебя есть бабушки и дедушки, и я...

— А папа когда придёт? — вдруг спрашивает сын.

— Я не знаю, сынок, не знаю, когда, и не знаю где он вообще, и прошу, не говори бабуле, что он пропал, она будет беспокоиться, — я снова прижимаю его к груди.

— Я переживаю за него, — говорит Андрей.

Если бы он знал, как нас подставил Юра, просто бросил на съедение зверью, если бы не Ямал ещё неизвестно, как бы всё завершилось, да и завершилось ли.

— Вот бы нам с тобой, укатить на море, на целый месяц, — вместо того чтобы придаваться грустным мыслям, я решила помечтать, — лежали бы под пальмами...

Так мы и уснули. Не знаю, что снилось Андрейке, а мне море. Ласковое, бирюзовое, накатывало неспешными волнами и качало, качало...

30

На следующий день отвезла сына к маме. Сама засиделась допоздна. Мама уговаривала остаться, но форма не стирана, а к блузке ещё и пуговицы пришивать, так что, надо ехать домой. Расцеловала Андрейку, родителей и пустилась в обратный путь.

Честно, надеялась, что объявится Ямал.

Скучала, блин!

При воспоминаний о нём тут же ныло в груди, и это, наверное, плохо. Потому что в груди сердце, и оно сжималось, и билось быстрее, как только передо мной вставал его образ. Трепыхалось, даря тепло, для которого, по сути, не было повода, но разве ему прикажешь. Глупое, отчего заходиться, ведь он груб, и обращается со мной как со своей вещью, хочет, приходит, хочет, уходит.

Приходит, приходит, пусть приходит, забилось быстрее.

Но добравшись, до дома, я поняла, что появиться он навряд ли. И поэтому, сделав, что намечено, легла спать.

А он появился, только на следующий день, а вернее вечер. Я как раз вынырнула из подъезда, плотнее кутаясь в куртку, и натягивая шапку, засеменила, по дороге, сражаясь с пронизывающим ветром. Закинула за спину рюкзак, со всем рабочим скарбом, и воткнула в уши наушники.

Ноябрь, безжалостно испытывал нас, готовя к суровой зиме, и всё то тепло, что хранила одежда, еще с дома, тут же растаяло в порывах ветра. Я задрожала всем телом и завернула в

арку, в которой и без того всегда сквозняк, а уж сегодня.

Большая чёрная машина остановилась прямо передо мной. Я вскинула глаза. Ямал сидел за рулём, и кивком указал на соседнее сидение, приглашая в салон. Наклонился, открывая дверцу.

— Привет, — села я рядом.

Здесь было так тепло, что даже жарко. Знакомый аромат тут же окутал меня, снова беря в плен. Кир как всегда в своей любимой кожаной куртке, темной футболке. На ногах джинсы, на лице непроницаемое выражение.

Глядя исподтишка на него, отмечаю, что он красив. Вот прям очень. Почему-то раньше не замечала, а сейчас... И глаза эти прозрачные под густыми бровями, пусть чаще всего холодные, но всё же глубоко стального оттенка, а когда темнею, так вообще словно ртуть переливаются, и губы полные, хотя постоянно сжатые в линию. И нос ровный, придающий профилю благородства, хотя конечно смешно, бандит и благородство. Но когда-то, же он был другим, и был вообще по другую сторону закона.

— Привет, — ответил Кир, и сдал назад, вырулил на дорогу. Я скинула рюкзак. Потом стянула шапку.

— Э-э... Как дела? — чувствовала себя словно школьница, и что говорить совсем не знала. Пригладила растрепавшиеся пряди, продолжая исподтишка наблюдать за ним.

— Нормально, — ответил Кир. — Твой пацан, как?

— Спасибо, с Андреем всё хорошо, — стараюсь говорить без дрожи в голосе, ну куда там, теперь я всё больше напоминаю оголётый провод, только коснётся меня, и тут же закоротит.

— Игорёк, от тебя в ахуе, все уши мне прожужжал, — вдруг выдаёт Кир.

— Какой Игорёк? — сперва не поняла я, но он не трудиться отвечать, даже не поворачивается, наблюдает за дорогой, только губы поджигает, предоставляя мне самой додуматься.

— Игорь Константинович, что ли? — доходит до меня

— Игорь Константинович, — зло кидает Кир, и я вдруг понимаю, что он ревнует, и первая реакция оправдаться, но с какой стати-то.

— И что говорил? — безразлично так спрашиваю, словно погоду обсуждаем. — Что кофе у меня хреновый, и что я стерва, каких поискать?

— Типа того, — хмыкает он, — предлагал взять на перевоспитание.

— Что?! — вот теперь я теряю всю свою напущенную невозмутимость.

— Чё, задом крутила? Или сиськи засветила перед ним? — опять злобное замечание, и руки так крепко руль сжимают, что костяшки побледнели.

Я перевожу взгляд на его лицо.

— Кир...

— Что красивая, надоел тебе? Новых впечатлений захотелось? — Кир резко притормаживает у обочины, и разворачивается ко мне.

Выпад вперёд, хватает за волосы на затылке, и притягивает ближе. Я от боли вскрикиваю, и вцепляюсь в его руки.

— Кир, мне больно!

— Совсем страх потеряла? — сверкает глазами.

— Ты же сам его привёл, а я ничего не делала, почти послала его! — срываюсь на оправдания.

— Вот как так, красивая? Всех нах посылаешь, а все мужики всё равно тебя хотят? — Кир сбавляет обороты, ослабляет хватку, но не отпускает.

— Все? — переспрашиваю я, впиваясь в него взглядом. Осматривая хмурое лицо, и задерживаясь на его губах. — И даже ты? Хочешь меня?

А сама, невзирая на боль, от натянутых волос, тянусь ещё ближе, и несмело его губ касаюсь. Провожу языком по нижней губе, и глаза на него поднимаю. Его взгляд темнеет, там, словно жерло дремлющего вулкана, который вот-вот проснётся и взорвётся горячей лавой, сжигая всё вокруг. И я рада гореть, потому что вдыхаю его сумасшедший аромат, и углубляю поцелуй. Глаза от блаженства прикрываю, и руками по колючим щекам веду, и дальше пальцами в волосы зарываюсь. Он позволяет насладиться своим вкусом, и отстраняется. Я протестующе стону.

— Кир, прошу...

— Что просишь? — врывается в тишину его хриплый голос, и я распахиваю глаза, оказывается, они были закрыты. Он всё так же хмур, но глаза уже не убивают. Опасный огонёк сменяется настороженностью. Он не доверяет мне.

— Прошу не злись, я только с тобой, — бормочу я, — только тебя... хочу!

— Хочешь? — на лице расцветает злая усмешка.

— Кир? — не понимаю перемены его настроения.

— Ноги раздвинь, Юля, — командует он, и сам расталкивает мои бёдра, по сидению, все, также продолжая удерживать за волосы. Потом тянет молнию на куртке, распахивает её, добирается до пояса джинсов, там тоже с лёгкостью справляется с ширинкой, и ныряет в трусики, тут же вторгается в самую глубину, и я выгибаюсь, под его руками.

— И вправду хочешь, — хмыкает он, чувствуя горячую влагу под своими пальцами, и продолжает вталкивать их, выбивая искры из моего тела. Я накрываю его руку своими, и поощряю грубые, быстрые толчки, совершенно теряя ориентацию в пространстве, и стыд.

Мы же в общественном месте, и пусть вечер, и пусть, не особо много прохожих, и проезжающих машин, но кто зацепится взглядом, тот сразу поймёт, какой разврат здесь происходит. Потому что я сижу, раскинув широко ноги, и стону, выгнувшись дугой, вибрируя всем телом, от простреливающего удовольствия.

Потом Кир набрасывается на мои губы, врывается языком, повторяя движения пальцев во мне, и я полностью отключаюсь, сдаваясь на волю этому безумству, не могу сейчас думать, почему он так поступает. Зачем? Всё потом.

И вот я уже кричу в его губы, и подрагиваю от надвигающегося оргазма, когда он резко обрывает контакт. Вытаскивает пальцы, чуть ли не истерику во мне вызывает.

— Кир, — всхлипываю я, и пытаюсь свести ноги, и сжать внутренние мышцы, потому что даже этого движения хватит, чтобы получит разрядку.

— Замри, — грохочет его голос.

— Что? Почему? — не хочу подчиняться, хочу мой оргазм.

— Рот окрой, — снова приказ, и прожигающий взгляд.

Я облизываю губы, и делаю, что он велит, он тут же вкладывает туда пальцы, которыми трахал меня. По языку расползается терпкий аромат страсти, собственный вкус желания.

— Ну же, пососи, как следует, — уже более мягче, говорит он, разглядывая моё ошарашенное лицо. Я оглаживаю языком длинные мужские пальцы, свожу у основания губы, втягиваю внутрь.

Может, если я буду послушной, он довершит начатое?

Но Кир вытаскивает свои пальцы, и отстраняется, берётся за руль.

— Кир? — я обиженно взираю на него, всё так же сидя с растравленными ногами.

— Терпи красивая, и не смей себя трогать, — он заводит мотор, — поехали нас Паха, с твоей подружкой, в клубе ждут!

31

— Что? — я не отошла ещё от одной экзекуции, как прилетела новость, которая выбила меня опять из калии.

— Какой клуб, Кир? Мне на работу надо!

— Не надо, — отзывается в ответ, и машина вливается в общий поток, мчит нас вперёд.

— Кир, меня уволят! — негодую я, поправляю одежду, всё ещё ловя импульсы горячего желания, и возбуждения.

Так паршиво становится, что опять хочется реветь, блин, когда уже этот ПМС завершиться. Тело всё болит, словно ломка у него.

— И чё? — скалится он. — Ты потеряешь работу своей мечты?

Вот же гад!

— Другой нет, — разозлилась я, и быстренько собрала свои вещи, — останови, я выйду!

— Ага, сейчас, — ухмыляется Кир.

Настроение у него заметно улучшилось. Видимо сказалось моё признание, и его наказание. Только вот за что?

— Я серьёзно, Кир...

— Да угомонись ты, красивая, — заворчал он, и свернул, так что я, не успев, схватится за ручку, повалилась на дверь, — поговорил я с Ашотиком, твоя почётная должность сохранена.

— Ну не всем же бандитами быть, — потираю ушибленный бок.

— Да, тебе лучше не быть, — кивает он.

— И вообще, какой клуб, я не одета, не готова, — растерялась я, похоже этой участи не избежать.

Он окинул меня беглым взглядом. Тонкая водолазка, джинсы, ботинки, сверху куртка. Волосы в хвосте, косметики ноль.

— Сойдёт, — говорит после осмотра.

— Для кого сойдёт? — передёргиваю плечами.

— Для меня сойдёт, кого тебе ещё там ловить?

— Дело не в этом, просто там же существует дресс-код, и все будут одеты иначе, и я... мне, в общем, неприятно будет, — уже не знала, что и придумать.

— Расслабься, — только и хмыкает он.

Ну что за непрошибаемый мужчина?

— Кир...

— Завязывай базар, — рыкает, и я поджимаю губы, и складываю руки на груди.

— Я не пойду, — ухожу в глухую оборону.

Кир только усмехается на это. И когда мы подъезжаем к огромному зданию, сверкающему огнями, и пестрившего яркими вывесками, он быстро выходит из машины, и, обогнув её, открывает дверь, и сгружает меня к себе на плечо, я только успеваю ухватить свой рюкзак, и что-то невнятное пропищать.

— Блядь, доберусь я до твоей задницы, — хмыкает Кир и лупит по моим ягодицам, которые сейчас намного ближе, чем голова. Я верещу, чтобы он немедленно отпустил меня,

и что не в какой клуб я не пойду. Но я и не иду, меня несут, причём очень быстро. Перед глазами мелькают его ноги, в высоких ботинках, потом лестница. Ямал с кем-то здоровается, и обменивается шуточками по поводу меня, вижу потом, двух охранников, которые провожают нас взглядами.

— Всё Кир отпусти, я пойду сама, — выдыхаюсь я.

Он ставит меня на ноги, и опять чувствительно прикладывается к моему задку, впечатав меня в своё тело. Так резко что, не восстановленный ещё после переноса воздух, снова из груди выпорхнул. Я обиженно посмотрела на него снизу, и попыталась убрать упавшие на лицо волосы, но он сделал это первым.

— Прекращай бузить, Юля, а то накажу!

— Как? — вздёрнула я нос. — На колени опять поставишь, и минет, заставишь делать?

— А тебе, смотри, понравилось отсасывать, красивая? — ухмыляется на это он.

Стоим посреди запруженного людьми вестибюля, и совершенно не стесняемся в выражениях, что он, что я.

— А тебе понравилось? — вырвалось у меня, и я невольно облизал губы, вспоминая прикосновение горячей, гладкой плоти.

Его глаза темнеют в миг, он хватает меня за подбородок, и притягивает к себе.

— Завязывай, — грозит он, — если не хочешь, чтобы я осуществил твои фантазии прямо в здешнем туалете!

Заманчиво, конечно, но так низко я ещё не падала, хотя, что туалет, что помывочная.

Нет! По ходу падала. Но падать ещё раз нет никакого желания. Хотя я чувствую возбуждение при мысли, что он снова поставит меня на колени, и втолкнет свой член мне в рот, жестко фиксируя мою голову, чтобы не смогла отвертеться.

Ох, между ног вмиг стало горячо!

Видимо сказывается неполученная разрядка.

Всё это прекрасно читается в моём взгляде, и, судя по потемневшим серым глазам, я допросилась, но Кир резко разворачивает меня и подталкивает в спину.

— Шагай давай!

Не знаю, что его остановило, обычно он прёт напролом, а тут отказывает себе в таком удовольствии, лишний раз указать моё место. Я не копаюсь в причинах, данного поступка, просто иду, куда меня направили.

32

Широкий коридор, затемнён, На стенах неоновые вывески

Нам то и дело навстречу идут люди. В основном молодые девушки, разодетые в пух и прах. Красотки с длинными распущенными волосами, с безупречными лицами. Они скользят по мне заинтересованными взглядами, и в их глазах тут же вспыхивает превосходство. Так всегда у женщин, которые понимают, что выглядят лучше, чем конкретная особа, то есть я. Потом с меня они переключаются на идущего позади Ямала, и вот уже их глазах горят кокетством. В общем, пока мы шли, по этому злосчастному коридору, я растеряла всё своё возбуждение, и даже немного возненавидела Кира, за то, что заставил меня в таком виде явиться в этот клуб.

Мы вошли в огромный зал, и очутились сразу в гуще беснующейся и отрывающейся под музыку толпы. Причём когда шли по коридору, ничего не было слышно. Это ж, какая звукоизоляция!

Ямал потянул меня за руку куда-то в сторону, а у меня совсем неожиданно по телу

побежали мурашки. От этой быстрой ритмичной музыки, с низкими басами, которые так и пронизывали тело, от сумасшедшей энергии, танцующих рядом людей, от запаха разгоряченных тел смешанных с парами алкоголя, что пропитывали каждую клетку. Захотелось танцевать, затеряться среди этих единомышленников, которые разделяют этот драйв с тобой, но Ямал тянет меня за собой, сквозь этих людей, и вскоре мы поднимаемся по лестнице, и оказываемся на втором этаже, где стоят столики и мягкие диванчики.

Наш в самом углу.

Узнаю это, потому что вижу знакомую парочку. Иришка, в элегантном, совсем не пошлом платье, длинных сапожках, волосы по плечам распущены, сидит напротив Паши, который увлечённо трепет языком. Сам парень в модном костюме, с зауженными брюками и пиджаком, одетым на яркую футболку. Они не замечают нас до самого конца, пока Ямал не притягивает меня к себе, и не бухается на диванчик, где сидит Паша.

— Здоров, — грохочет его голос, и парочка тут же обращает на нас внимание.

Мужчины жмут друг другу руки. Мы с Иришкой тоже приветствуем друг друга. Она удивлённо рассматривает меня, притиснутой к телу Ямала его же лапищей.

«Потом» — шепчу я ей, обещая поведать все обстоятельства того как здесь очутилась. Пытаюсь выползти из под руки Кира, чтобы снять куртку, он соглашается отпустить меня, тоже скидывает свою, но как только я раздеваюсь, тут же, притягивает к горячему боку, и откидывается на спинку дивана.

Подходит официантка, и мужчины заказываю выпить и кальян. У нас с Иришкой никто не спрашивает, чего бы мы хотели, нам просто по умолчанию выбирают шампанское, и фрукты.

Мужчины разговаривают о своих делах. Иногда ловлю на себе взгляд Паши, но он тут же его отводит, когда встречаемся глазами. В их разговоры не вникаю, что-то, про нарушение сроков, и ответственность, которую понесут те, кто виноват, все, во-первых, завуалировано, а во-вторых, мне не интересно.

Внизу грохочет музыка, стоит людской гвалт. Мне хоть и приятны прикосновения Кира, особенно когда он не в свойственной ему манере, начинает поглаживать мой бок, так нежно, что хочется тереться об него словно кошка, выпрашивая ещё ласки, но я пытаюсь отстраниться, чтобы хоть немного пообщаться с Иришкой.

— Куда? — резко прерывает он разговор с Пашей, и впивается взглядом, в трепыхающуюся меня.

— Можно мне хоть немного свободы, — ворчу, и никак не могу отодрать его руку от себя, — а если я в туалет захочу, тоже со мной пойдёшь! — заканчиваю, и туплю взгляд, вспоминая наш разговор в коридоре клуба.

Кир только усмехается и всё же разжимает свою лапищу, и я пересаживаюсь к Иришке.

Тут приносят заказ, и Паша, наполняет нам фужеры шампанским, подталкивая огромную тарелку с фруктами. Кир тем временем разливает коньяк, пока нам раскуривают кальян. Мы с Иришкой успеваем обменяться парочкой слов. Я объясняю, как сюда попала, и вкратце рассказываю про Андрейку. Она тоже делится новостями о домашних делах, и о том, как Паша извёл её, прежде чем она согласилась на свидание. Потом Паша произносит тост, и мы пьём. Шампанское, как всегда, после первых глотков начинает кружить голову, становится легко, хочется ещё.

— Красивая, на место вернись, — Кир похлопывает возле себя ладошкой.

Блин, так унизительно, словно шавку подзывает, к ноге.

— Сам ты, — отвечаю ему, и тоже постукиваю подле себя рукой.

— Сюда иди, говорю! — рыкает Кир, и Иришка с Пашей смотрят на нас, ждут исхода пикировки.

Я упрямо складываю руки на груди, всем видом показывая, что меня не сдвинуть, и не заставить.

Тогда Кир, поднимается, нависает надо мной, уперев руки в столик, который нас разделяет, а в меня тяжелый взгляд.

— Чё смелая-то такая? Бухнула?

Я понимаю, что ещё чуть-чуть, и мне возможно хана, но сдаваться не собираюсь.

— Я танцевать хочу, а не целый вечер, с тобой в обнимку сидеть! — выдаю ему.

В его взгляде проносится множество эмоций. Самая сильная, это желание свернуть мне шею. Но он выхватывает из ведёрка со льдом, початую бутылку шампанского и снова наполняет мой фужер, до краёв, кидает почти пустую бутылку в ведёрко, и кивает мне.

— Ну, иди, танцуй, — и садиться на место, затягивается кальяном и выпускает столб дыма.

Я опрокидываю этот фужер в себя, и, схватив Иришку за руку, несусь к лестнице. Она еле поспевает за мной.

— Юль, сбавь обороты, — верещит подруга, когда мы спускаемся вниз.

Я притормаживаю, и верчусь в поисках туалета.

— Где здесь туалет? — спрашиваю у неё.

Она зовёт за собой, и мы, минуя толпу, выходим в коридор, которым и пришли, только тут же сворачиваем. Здесь становится тихо. Можно поговорить. Только я всё ещё киплю негодованием, и поэтому подруга не дожидается от меня откровений, спрашивает сама.

— У вас так постоянно?

Мы запираемся в одном из туалетов.

— Постоянно, — подтверждаю я, и смотрю на себя в зеркало. На лице неестественный румянец, глаза сверкают.

— А ты не боишься, что он пришибёт тебя однажды? — резонный вопрос, что ж тут скажешь.

— Боюсь, но только не в тот момент, когда он бесит меня своей важностью!

— А мне Пашка очень нравится, — вдруг признаётся Ира, — только вот то, что он бандит, совсем не нравится.

— Да Паша, классный! — подтверждаю я. — Не то, что эта махина, только и знает что командовать.

— Почему ты не разорвешь с ним отношения? — спрашивает Иришка, поправляя макияж перед зеркалом.

— Ир! — восклицаю я, — ты, что действительно не понимаешь, какие у нас отношения? Он выкупил долг Юрика, с процентами, а так как платить мне нечем, плачу сама знаешь чем. Ты же видишь! — я излишне эмоционально накинулась на подругу, но ничего не могла с собой поделать. — Он меня чуть не придушил, после тех посиделок, в ресторане. А что с теми мужиками я вообще боюсь даже спрашивать.

— Тихо, тихо, — морщится Ира, — я всё поняла, не просто у вас.

— Блин и как я так попала! — я растерянно скольжу взглядом по полу, словно найду там ответ.

— Ты очень страдаешь? Он бьёт тебя? — подруга обняла меня за плечи.

— Нет, — уже спокойней ответила я, выпустив пар в предыдущей тираде, — нет, он конечно груб, но не жесток. Самое хреновое, Ириш, что я по ходу влюбилась в него, — призналась подруге.

— Что? — он встряхнула меня, и я несмело подняла на неё взгляд.

— Да, — кивнула, — поэтому так гадко, от этого его дебильного собственнического обращения.

— Ты совсем, что ли, дорогая! — обалдела Иришка. — Ты достойна лучшего, Юль! О чем ты думаешь?

— Я не думаю рядом с ним, — мотнула головой, — он с ума меня сводит, я и убежать от него хочу, и чтобы прижал к себе и не отпускал.

— Мало тебе одного козла, ты второго завела, — резко выразилась Ира.

И ведь она права. Права во всём. Я глупая дура, каких поискать надо!

— Ладно, пойдём, горемыка, а то твой танк, весь клуб разнесёт, если надолго из поля зрения потеряет, — Иришка снова обнимает меня за плечи, и мы выходим в коридор.

— Он не танк, а ледокол, — фыркаю я.

— Ледокол? — заламывает бровь подруга.

— Ага, ледокол Ямал, — поясняю я, и мы начинаем смеяться.

Иришка показывает вверх большой палец, оценив такое меткое сравнение.

33

А потом мы танцуем.

Долго.

Музыкальные композиции сменяются одна, за одной, а во мне только растёт задор, и энергия. И даже когда Иришка, говорит что устала, и зовет передохнуть, я остаюсь на танцполе, и продолжаю танцевать. Словно дорвалась до вожделенных грёз, коснулась забытой мечты. Так давно это было, желание посвятить всё свою жизнь танцам, и поэтому сегодня, я танцевала, отдавая всю себя этой страсти.

Не взирая не на что! Пока есть такая возможность, побыть в своих фантазиях. И пусть весь мир подождет.

Но мир напомнил о себе. Он не любил ждать.

На мои плечи ложатся тяжёлые ладони, скользят по рукам вниз, а потом снова вверх. Переходят на плечи, шею, зарываются в волосах. И даже оборачиваться не надо, и так понятно кто это.

Я узнаю его, даже не глядя, хватает прикосновений, аромата. Той энергии, что излучает его тело. На все эти сигналы я моментально откликаюсь, тем более что Кир не давит. Он осторожно ведёт по телу руками, не стесняя движений, позволяет продолжить танец, сам двигается рядом, притягивая, окутывая, завлекая. Только теперь темп меняет, не смотря на быструю музыку, танец наш больше напоминает непристойные объятия.

Горячее дыхание обрамляет кожу, когда он склоняется и прихватывает зубами, за основание шеи. Словно электрический ток пробивает, моё тело. С губ срывается стон, который тонет в общем гвалте музыке, но он его чувствует, потому что снова прикусывает шею, и сжимает крепче.

Вновь всколыхнулось затаившееся желание, разбуженное в его машине. Побежало по телу теплом. Разливаясь, будоража. Обещая крышесносное удовольствие. И дрожь несётся до самых кончиков пальцев на ногах. А его руки гладят жестче, обрисовывая полушария моей груди, скользят по животу, и совсем уже бесстыже трутся, и давят между ног. И плевать, что

это крайне непристойно, и что на нас глазают. Он просто ласкает меня при всех.

— Кир, — пытаюсь отстраниться, но он отработанным движением кладёт руку на открытое горло, и слегка сжимает, заставляет откинуть голову на его плечо. Разворачивает лицо, и долю секунды мы замираем, глядя на друг друга.

Его серый глаза какие-то совершенно сумасшедшие, с расширенными зрачками. Смотрит, словно поедает заживо. Потом резко склоняется, и в губы впивается, аж зубы наши стучаются. Крепко держит одной рукой за талию, вдавливая в своё твёрдое тело, другой, горло сжимает, и целует. Языком шарит по всему рту, и я чувствую вкус коньяка, и табака, что наполняют мой рот. Ноги слабнут, как всегда от его напора. Низ живота простреливает сладкой судорогой. Сама не замечаю когда, обнимаю его за шею, закинув руки назад, полностью подчинённая его поцелуем.

Музыка словно сквозь вату слышится. Всё плывет, становится неважным, несущественным. Тело реагирует, разум мутнеет, погружаясь в порочное удовольствие. С губ срывается стон, и тут же поглощается властным поцелуем. Дыхание не хватанет, кислород на исходе, но оторваться не возможно.

Прихожу в себя, только почувствовав, как его руки скользнули ниже, с талии рука переместилась между ног, сжав моё лоно сквозь джинсы, а с горла на полушарие груди.

— Кир, что ты делаешь? — пытаюсь образумить его.

Но он резко разворачивает меня к себе, подтягивает, и закидывает на свои бёдра, сжимает ягодицы, и продолжает целовать. А мне ничего не остается, как только вцепиться в его плечи, чтобы не упасть, и отвечать на поцелуй.

— Прошу, давай не здесь, Кир! — стону, чувствуя, как он мнёт мою задницу, вжимаю промежностью, в уже твёрдый член.

Он только рычит, когда я отрываюсь от его губ, не отвечает, подхватывает удобнее, и несёт наверх.

— Что ты задумал? — пытаюсь вывернуться, но он крепко сжимает, пронесит меня мимо всех столов, и заваливает на диван, за нашим столиком.

Напротив, сидят Иришка с Пашей, снова замолчав при нашем появлении, тем более ещё и при таком.

— Кир... — я пытаюсь подняться, но он наваливается сверху, совсем не ведая стыда. Ложиться сверху, начинает шарить по моему телу, смотрит совсем уж безумно. Глаза дикие, расфокусирование, горят такой похотью, что обжигают. Во мне нарастает паника, он, похоже, не собирается останавливаться.

— Перестань! Давай не здесь! — мечусь под ним, он только ухмыляется.

— Смотри-ка Пах, — поднимает на друга взгляд, — думает, ноги пару раз раздвинула, и может уже командовать мной! Указывать.

— Ты бы полегче, Ямал, — Паша нервно передёрнул плечами.

Иришка с ужасом смотрела то на меня, то на Кира.

— Полегче, говоришь, — усмехается Кир, и хватает меня за подбородок, фиксирует голову, и впивается затуманенным взором, таким жутким и пугающим, — слушай сюда, красивая, не одна баба не будет управлять мной, тем более своей промежностью. Поняла меня?

— Отпусти, сволочь, — пытаюсь скинуть его, упираюсь в плечи, но он переносит хват с подбородка на горло, и встряхивает меня, вбивая головой в мягкую обивку дивана. Не больно, но мозги встряхивает знатно.

— Паша останови его. Что ты творишь?! — это уже Иришка.

— Ты принадлежишь мне! — рычит он, и сдавливает горло, так, что сознание моё начинает тухнуть. Я хриплю, и царапаю его руку, что сжимает моё горло, и чувствую, как он скользит другой рукой ниже, расстегивает мои джинсы.

Он что совсем сошёл с ума, будет трахать меня прямо здесь? Хотя я навряд ли успею умереть от стыда, потому, что сперва я просто умру, от нехватки кислорода.

Рядом кричит Иришка, с просьбой помочь, но судя по приглушённым словам, Паша закрывает ей рот. И никто не придет на помощь, ведь это же хозяев жизни, им можно всё.

Рука на горле немного слабеет, и я втягиваю воздух. Сознание проясняется, а вместе с ним, и выстраивается план действий. Хватаю со стола, первое, что попадает под руку.

Бокал.

Прекрасно!

Бью им, по его башке.

Кир вскрикивает, приподнимается, и скидывает руки к кровоточащей ране. А чтобы уж совсем освободиться от него, без жалости бью ему по яйцам коленом. И он воет, как раненый зверь, валится на пол.

Раздумывать некогда, пока он не пришел в себя, и не решил, что меня легче пристрелить, я хватаю свои вещи, и тяну за собой Ирку, из рук ошалелого Паши.

И мы бежим со всех ног.

34

Не останавливаемся даже на улице. Пробегаем пару кварталов по ночному городу, пока адреналин совсем не иссякает, и меня начинает бить истерика. Мы замедляемся, и я начинаю хохотать. Ирка смотрит с тревогой, а потом вlepляет мне пощечину, и меня прорывает.

Я рыдаю, осев на холодный асфальт, полностью погружаюсь в горькую, вязкую, обиду. Размазываю горячие слёзы по щекам, и, не стесняясь, реву в голос.

Иришка тоже садится рядом и обнимает меня, утешает, гладит, говорит, что всё будет хорошо. Но я, то знаю, что не будет хорошо. Он найдёт меня, и убьёт, унизит перед этим, и убьёт. Всё это я провываю ей, и она обещает, что не найдёт.

Потом ловит такси и помогает мне усесться, падает рядом. Мы едем в её гостиницу. Там она снимает номер, и помогает мне умыться и улечься в кровать, напоив перед этим корвалолом.

Я лежу под одеялом и всхлипываю. Всё его глаза мутные вспоминаю, неживые. И мороз по коже бежит.

Как он мог? Ведь я же... Кто? Просто шлюха для него! Так он и обращается со мной соответственно.

Слёзы снова накатывают. Какая я идиотка. Что допустила хоть малейшую надежду, что может быть по другому, и что сейчас реву из-за того, что грубо разочаровалась. Так и уснула.

* * *

Следующий день, тоже провожу в гостинице, вплоть до того момента когда надо собираться на работу. Идти домой не рискую, тем более, что все, что надо с собой.

С утра приходит Иришка, обеспокоенно спрашивает о моём состоянии, и с ужасом рассматривает синяки на моей шее. Говорит, что звонил Паша, причём ещё вчера ночью. И после нескольких пропущенных, она всё же взяла трубку. Паша извинялся, говорил, что во всем виноваты какие-то колёса, которых наелся Ямал, мол, вот от этого у него крышу и

снесло. И что я тоже хороша, сама виновата, много гонора во мне. И это не первый раз, когда я испытываю терпения Ямала. Мол, довыдывалась. В общем, Иришка послала Пашу подальше не оценив, таких развлечений, на которых, лучшую подругу душат, и пытаются изнасиловать, не помогли не какие уговоры.

А я после её слов, как ошпаренная мечусь по номеру, и молю Бога обрушить на голову этого ублюдка, все возможные кары. Моё вчерашнее упадническое настроение переросло в агрессивное. Если бы Кир был бы сейчас здесь, я бы ему в лицо ногтями вцепилась.

К вечеру, когда надо выходить из такого безопасного номера, я немного остываю, просто тихо ненавижу, эту сволочь.

И всё же опасаясь его прихода. И поэтому даже музыку не слушаю, когда мою посуду, каждый раз вздрагиваю, когда хлопает дверь, и оборачиваюсь, жду, но его нет.

Немного расслабляюсь, к середине смены, да и находиться постоянно в напряжении тяжело, и поэтому пропускаю его появление. Поворачиваюсь и вздрагиваю, уставившись на его огромную фигуру.

Он, молча, смотрит на меня, положив руки в карманы, гипнотизируя холодным взглядом. Я, недолго думая, выхватываю из мойки здоровенный тесак, каким наш повар рубит мясо, и наставляю на него.

— Не подходи, слышишь! — голос, конечно, дрожит, потому что страшно, и не понятно, на что он способен.

Он спокойно смотрит, хоть глаза и сверкают. На губах медленно расцветает ухмылка.

— И чё, прирежешь меня? — выплёвывает он.

— Прирежу, ты же меня чуть не задушил, так что не сомневайся, — вскидываю выше подбородок, а с ним и нож.

— Ну, давай, красивая режь, может, ты и права будешь, — Кир подходит ближе, совсем не утраившись меня. — Потому что такой сволочи, как я, и жить не нужно!

— Не подходи, Кир! — отступаю, и упираюсь в раковину бёдрами, лезвие ножа трясется вместе с руками.

— Да чё ты боишься, Юля, я сопротивляться не буду, — наступает, и холодный взгляд, режет не хуже того ножа, что в моих руках, — я же заслужил это!

— Да, ты это заслужил, — подтверждаю, не собираясь оправдывать его.

— Ну, так режь, — он распахивает рубашку, срывая пуговицы, и наставляет лезвие, на расписанную кожу, — вот сюда, где сердце, давай, одним махом вгони! Я же бандюга, не ровня тебе! Только глаз не отводи, хочу подышать, и их видеть.

— Чего ты добиваешься Кир? — всхлипываю я, когда вижу, как остриё ножа упирается в его кожу, а он давит.

— Я же обидел тебя, — тихо говорит он, и вдруг гладит пальцами мою щёку, переходит на губы, и у меня бегут мурашки от этих прикосновений, — я скотина, падаль, не достоин жизни. Ты же ненавидишь меня, так избавься навсегда.

На его коже выступает капля крови, я вскрикиваю, и отпускаю нож, он падает плашмя у наших ног.

— Просто уйди, — дрожу всем телом, отвернувшись от него.

— Нет, Юля, — разворачивает обратно, и берёт за подбородок, поднимает лицо, в глаза заглядывает, — надо было резать, сам не уйду. Я подсел на тебя плотно, поэтому если хочешь от меня избавиться, подними нож и зарежь на хер, потому что сам, я не уйду.

— Ты... ты... — не могу найти слов, разглядывая его лицо, и чувствуя, как внутри

зарождается истерика.

Что пытаюсь рассмотреть в этих стальных, холодных, непроницаемых глазах.

Сожаление.

Раскаянье.

Симпатию.

Глупая! Какая я глупая.

На что надеялась?

Это же не человек, это робот. Ему давно не ведомы все эти чувства. Моя жизнь для него ничего не значит.

— Как ты мог?!... Я же... я... — хочу сказать ему как мне больно, но слова застревают, потому что, нет таких слов.

Не передать всё ту горечь, что я испытала, обжѣгшись об него. Не поймёт он, как я умирала, глядя в его безразличное лицо, когда его руки душили меня.

Как унижал меня, не поймёт, и убил, в конце концов, то малое что зародилось в моём сердце к нему. Растоптал. Потому что не нужно ему это. Ведь он предупредил меня, не обольщаться на его счет, а я....

— Что здесь происходит? — громкий голос разносится на всю помывочную.

Кир неохотно оборачивается, открывая мне обзор.

У входа стоит Серега, уперев руки в бока.

В коем-то веки он вовремя пришел.

— Защитник твой? — скалится Кир, и снова поворачивается ко мне, и выбившуюся прядь мне за ухо заправляет. Я вздрагиваю, и отшатываюсь от него.

— Уходи Кир, я найду деньги, и всё отдам тебе, только уходи.

— Слышь, девушка просит уйти, — Серёга делает шаг навстречу Киру, который впивается в меня взглядом, не обращая на него никакого внимания.

— Всё ещё думаешь, что можешь указывать мне, — леденеет его голос.

— Я не указываю, а прошу, уходи, — скольжу в сторону, а потом и вовсе встаю за спину охранника.

Кир провожает меня тяжёлым взглядом, вплоть до того пока я не скрываюсь полностью за Серёгой. Запахивает рубашку, и молча выходит, оставив только свой аромат, и напряжённую атмосферу. Я приваливаюсь лбом к широкой спине Серёги, и облегчённо вздыхаю.

— Юль? — тянет Серёга.

— Ничего не спрашивай Соколов, просто молчи, — прошу я, всё ещё привалившись к нему, перевожу дух.

Надо собраться, где только сил найти?

Смену дорабатываю спокойно, потом Серёга вызывает мне такси и даже провожает до двери квартиры. Но Кира нет, поэтому это оказывается излишним.

Соколов намекает, что может и переночевать у меня, если я боюсь, и я по старой памяти шлю его подальше. Заваливаюсь в кровать, и как мазохистка вспоминаю нашу встречу с Киrom, проигрывая в голове все его слова, снова и снова, пока не засыпаю.

35

А на следующий день начинается.

Я не успеваю выйти из квартиры, собралась ехать за Андрейкой, к родителям, как мне тут же на встречу, идёт парень, с огромной корзиной цветов.

— Это шестьдесят первая квартира? — спрашивает он у меня.

— Да, — киваю я, и указываю на номер своей двери.

— Тогда это вам, — протягивает корзину мне, которая оказалась очень тяжёлой.

— Мне? — удивилась я, подпирая, сей дар боком к стенке.

— Да, вы же Кузнецова Юлия?

— Я, — почему-то неуверенно тяну, — но это какая-то ошибка.

— Ну, если вы Юлия и квартира ваша, какая же может быть ошибка, — усмехается парень, и, прощаясь, сбегает по лестнице вниз.

А я стою ошалело рассматриваю цветы, в основном пионы. Красивые, нежные бутоны. Лиловые, розовые, белые.

Неужели этот трогательный жест от Кира?

Но как я не искала, записки не было, видимо предполагалось, что я пойму сама.

И я поняла.

Заперла корзину дома и поехала за сыном. Но это было только начало.

Вечером, были розы.

С утра орхидеи, потом тюльпаны. И приносили не только цветы. И корзины с фруктами. И шоколадное ассорти. И какие-то совершенно роскошные наборы люксовой косметики. Всё это приходило каждый день, то домой, то на работу, пока я, наконец, не набралась смелости и не позвонила ему.

— Ямал, останись, — сказала вместо приветствия.

— Я приеду, — толи вопрос, толи ставит перед фактом.

— Можешь делать что хочешь, только заканчивай этот балаган, — настроена я была довольно воинственно, — и давай после работы, — и положила трубку.

«Убьёт», — подсказал внутренний голос.

И я даже мысленно представила, что он сжимает трубку сейчас с такой силой, что та жалобно трещит.

Да и по фиг!

Пусть приезжает, тем более что я собрала немного денег, заняла, плюс те которые остались от возврата вещей, может, удастся выкупить немного спокойствия.

* * *

Сегодня работала официанткой в ночную, и всю ночь сканировала зал на предмет присутствия Ямала, но того нигде не было.

Неужели сдержит слово?

Сдержал.

Когда я вышла из ресторана, на пустую парковку, стоял, курил возле своей спортивной машины. Фонари щедро освещали ночную улицу. Погода была по-зимнему холодной, хоть она ещё и не вступила в свои права, Горячее дыхание тут же превращалось в парок. А Кир стоял в распахнутом полупальто. Под ним тонкая любимая черная футболка, из под которой на шее чётко видны буквы татуировки. Увидев меня, достал с переднего сидения опять букет цветов, замер в ожидании.

Ну что ж мы подойдём, мы не гордые.

— Ты думаешь сто первый букет, что-нибудь изменит? — спрашиваю я, не делая попыток взять протянутые цветы.

— Не знаю, — пожимает плечами, и откидывает его на капот машины, выпускает дым — женщинам нравятся цветы!

— Ну да, — фыркаю я, — а ещё им нравится, когда их не душат и не насилуют!

— Бля! Ну, че ты опять завелась! Какого хера тебе ещё надо то? — цедит сквозь зубы.

— Серьёзно, — грустно усмехаюсь я, — ты бы мог просто извиниться для начала!

— Я, по-моему, достаточно извинился, — тоже складывает руки на груди.

— Ну да, конечно, — я достаю из сумочки конверт с деньгами, — на вот, — вкладываю в его руки деньги, — это только малая часть, но я и не бандит, а простая официантка.

Ямал небрежно раскрывает конверт, осматривает вложенные деньги.

— И чё это? — откидывает окурок, хмуриться, смотрит сквозь прищур на меня.

— Оплата мной, моего долга, — ёжусь под порывами ветра.

— Не нуждаюсь, — хмыкает он, и обратно конверт мне возвращает.

— Прекрасно! — не стала ломаться, мне ещё долги возвращать. — Тогда я могу быть свободна! — отворачиваюсь, спешу ретироваться.

Кутаюсь в курточку, и натягиваю пониже шапку.

Вот же гад, стоит руки в карманы засунул.

— Стоять! — чеканит команду, даже двинуться не потрудился.

А я и не думаю подчиниться, хотя и чувствую самой чувствительной на данный момент точкой, что терпение его на исходе.

— Ты блядь, совсем отшибленная! — догоняет и рывком разворачивает к себе. Так давит на предплечье, что больно становиться. Я жмурюсь и пытаюсь упрямо вывернуться.

— Отвали, — продолжаю дёргаться, пока он до хруста не сжимает меня в объятиях, да так что вздохнуть не могу.

— Борзая! — рычит. — Забыла, с кем имеешь дело!

А я только в глаза его смотрю, и чувствую, как от безвыходности наворачиваются слёзы. Я столько за всю жизнь не плакала, как сейчас, постоянно реву. Я смаргиваю, и тяжёлые капли скользят по щекам.

— Ну, че ты ревёшь? Знаешь же что мне по хуй, на все эти сопли-слёзы! — сам, тем не менее, перехватывает меня одной рукой, а второй вытирает влагу со щёк.

— Я знаю, — шмыгаю носом, — тебе на всё по хуй, и на меня в том числе!

— На тебя нет, — тихо говорит, но словно кричит, потому что эти слова, так по ушам бьют.

Я недоверчиво вглядываюсь в серые глаза. Нет, не может быть.

— Ну чего смотришь, красивая, или думаешь, я каждой бабе бы спустил, если бы она мне по яйцам врезала? — криво улыбается Кир.

— Ты сам виноват!

— Виноват, виноват, — соглашается он, — повело меня от наркоты проклятой, ни хрена не помню, что творил!

— Не помнишь? — не доверчиво тяну я.

— Паха рассказал, что тебя помял немного...

— Немного, Кир, — вознегодовала я, и попыталась оттолкнуть, но куда там, против скалы-то не попрёшь, — ты меня чуть не задушил, и не изнасиловал! При всех! Кир, при всех!

— Не верещи, красивая, — морщится он, и крепче сжимает, — я был не прав, а ты молодец что убежала! Вот то, что по яйцам врезала это хреново!

— Ты заслужил, — бурчу в его грудь, перестаю сопротивляться.

— В следующий раз просто думай, ведь если бы я тебя тогда догнал...

— Что? Убил бы? — выныриваю из теплого плена.

— Убил, — коротко и чётко, и от этого мороз по коже.

— Ты просто...

— Сволочь? — подсказал Кир. — Мы, по-моему, с самого начала об этом договорились!

С самого начала. Когда оно было-то? Вроде и времени-то мало прошло, а такое ощущение, что уже год знакомы.

— Пацан твой где? — спрашивает Кир, вытаскивая меня из задумчивости.

— А? К родителям увезла, на время работы, — отозвалась я.

— Хорошо, значит, свободна? — снова спрашивает.

— Свободна, — отвечаю, как наивная дурочка, не понимая, куда он клонит.

— Хорошо, — он, не разжимая объятий, склоняется, и губами тёплыми мои накрывает. Настойчиво давит, пока не раскрываю свои и язык его не впускаю. Целует жадно, кислород носом хватает, и рычит, упивается вкусом моим и своей властью надо мной.

— Нет, Кир! Нет! — отворачиваюсь я, помня это горькое чувство разочарования, и оно жжет изнутри. Не даёт покоя. Не даёт расслабиться и довериться ему.

— Ну, чё ты Юля, — тянет меня за подбородок, чтобы в лицо его смотрела, — не поняла ещё, что у тебя нет иных вариантов. Надо было резать, когда могла, я предупреждал, что сам не уйду.

— Ты чудовище! — шиплю, пытаюсь высвободиться.

— Да, я чудовище, — соглашается он спокойно, — даже никогда не сомневайся в этом!

Снова склоняется, тянет аромат мой, чуть назад стянув мою шапку.

— Как ты пахнешь сладко! — хриплый голос, словно что-то задевает внутри меня, и я дрожу, хотя может это холод. Только в его объятиях тепло. В них жарко!

Руки его шарят по моей спине, и хоть между моей оголенной кожей, и его ладонями, два слоя одежды, всё равно ощущения такие, что именно по ней водит.

Кир снова склоняется к моим губам и пристально смотрит, считывает эмоции мои.

— С самого начала, ведёт от этого запаха! — приглушенно рокошет его голос, словно в самую душу мне проникает. — Как в первый раз тебя трахал, натягивал, такую узкую, тугую, дерзкую, так и залип на эту сладость!

Так пошло, откровенно, что щёки мои горят, от слов этих, от взгляда, что ртутью течёт, поедает меня, раскладывает в самых развратных позах.

— Наркота, моя персональная, и я уже не слезу, никто не заставит, — низкий голос грозит, предупреждает, что нет пути назад. — Так что, красивая, вариантов нет!

И снова в губы впечатывается. Так тягуче, без надрыва. Растягивает удовольствие, позволяет распробовать его вкус. Табак и ментол, смешиваются на моём языке.

Я не в силах больше выносить всю эту пытку. Не могу сопротивляться. И плевать на гордость. Расслабляюсь, и отдаюсь на волю чувств. На волю этому чудовищу.

36

Отвечаю на его поцелуй, и даже не понимаю, как и когда оказалась прижата к его машине, его же телом. От этого страстного поцелуя так повело голову, что я отключилась совершенно. Словно в другую реальность попала, где есть только мы вдвоём, а не ночной город, и темная парковка перед моим рестораном. Меня отрезвляет звяканье пряжки на его джинсах. Я вдруг осознаю, что стою практически по пояс оголённая, с задранной кофтой, прижатая его массивным телом. И сейчас он меня трахнет прямо здесь на улице, на этой парковке.

— Кир, — голос дрогнул, истома лилась по всем конечностям. Между ног был откровенный пожар, но всё же... всё же, я не настолько сошла с ума от похоти, чтобы позволить свершиться этому прямо здесь

Или настолько?

Он поднял на меня сумасшедший взгляд. Там было столько вожделения, что я реально испугалась, что он меня сейчас убьёт за отказ.

— Кир, прошу, не здесь, — шепчу, и накрываю его руки, чтобы остановить его, потому что, он уже всё расстегнул, осталось только сдёрнуть вниз.

— Остановись, — снова попросила я, и несмело, коснулась колючих щёк, — я тоже хочу тебя, но только не здесь!

Он шумно выдохнул и резко отстранился. Потёр лицо. Я начала медленно оправляться.

— Вовремя тормознула, красивая, — усмехнулся он, — ещё чуть-чуть...

Поправил свою одежду, и открыл передо мной дверцу

— Садись, Юля, буду осквернять тебя там, где никто не увидит.

Я покорно уселась в машину, и не забыла даже пристегнуться.

По телу так и бродила не высвобожденная страсть.

И да, мне не терпелось!

Я хотела побыстрее очутиться уже наедине с ним. В голове так и всплывали картинки того, что произойдёт. И от этого мои щёки алели, а дыхание сбивалось. Любая моя отвязная фантазия, вполне могла стать явью с этим мужчиной, и поэтому я в нетерпении ёрзала по сидению.

Кир сел рядом, и газанул так, что оставил на асфальте след от покрышек. Брошенный на капот, букет, мигом слетел, и остался далеко позади. Машина неслась на высокой скорости, мимо мелькали огни, тянулись сплошной линией.

Мы домчались до его квартиры за какие-то минуты.

Раздевать меня он начал уже в лифте. Бесцеремонно скинув куртку, а затем и кофту. Оставив в лифчике и джинсах. Ничего не соображая от желания, я позволяла все, что он вытворял. Мы долго целовались, обмениваясь нетерпеливыми стонами, когда лифт приехал и покорно ждал, раздвинув створки. Остатками разума сообразила прихватить свои вещи, когда он потянул меня в коридор. Бряцание ключей, и приглушённый мат. Его откровенный взгляды на мне, пока замок, поддаваясь воле хозяина, тихо и чётко открывается. К

Кир втягивает меня в квартиру, и закрывает дверь.

Я отступаю в спальню под его пристальным взглядом. Он идёт на меня скидывая свою одежду, и, кажется, что сейчас наброситься и сожрёт. Я тоже разубаюсь по ходу дела и расстегиваю джинсы. Он настигает меня почти у самой кровати, и мы падаем уже вместе. Я подмята его крепким телом и наша разгорячённая кожа соприкасается.

Я выгибаюсь в его руках, когда он нетерпеливо гладит меня, срывает бюстгальтер, и накрывает руками ноющую грудь. Снова целует.

Он сегодня на редкость нежен, по сравнению с прошлым разом. От губ переходит на шею, там всё же прикусывает нежную кожу, но совсем не больно, тут же целует. Я зарываюсь пальцами в его волосы, поощряя его, и сладко стону, и подрагиваю, потому что, его пальцы крутят мои соски, оттягиваю вверх. И от груди, словно электрические заряды стреляют вниз живота, туда, где копится вся страсть. Она множиться набухает, назревает и захватывает всё тело, поработает разум. Вскрикиваю, и тут же в мостик выгибаюсь. Пальцы на сосках сменяют зубы. Больно, и сладко. Тонкая грань, которую он, несомненно, знает, и

поэтому творит этот беспредел со мной.

Я выкрикиваю его имя, и мечусь под сильным телом. А его губы ползут ниже, руки тянут вниз джинсы вместе с трусами. Кир приподнимается, встаёт на колени и освобождает меня от остатков одежды, потом снова склоняется между моих ног, ведёт цепочку поцелуев по внутренней стороне бедра, слегка прикусывает, втягивает в рот, оставляя красные отметины на коже, и вот уже, когда он подходит к самому центру, я вдруг останавливаю его.

— Кир, — вдруг замялась я, сведя немного ноги, — может, я в душ схожу!

— Потом сходишь, — хрипит он в ответ, и нетерпеливо снова мои ноги разводит. — Хочу, проверит, ты там такая же сладкая, — и снова склоняется к моему лону.

— Кир, — я, правда, смущалась этого действия. Так же как и с минетом, я была совершенно не опытна в этом. Но мне казалось, что я должна начисто там вымыться.

— Тихо, красивая, — он кладёт свою широкую ладонь мне на живот, и опять целует бёдра, — расслабься, — и ныряет вниз, между моих ног. Держит крепко, и я чувствую, как его язык скользит по мои влажным складочкам. Первое же откровенное прикосновение простреливает таким удовольствием, что я давлюсь воздухом. Откидываю голову на подушку и закатываю глаза, сжимая в кулаках простынь, подавая навстречу ему бёдра. Он снова лижет размашистым движением моё лоно, потом слегка втягивает в рот нежную плоть, и отпускает, дует на разгоряченную кожу.

— Сладкая, — хрипит он, и разводит пальцами складки, касается языком напряжённого клитора. Давит, отпускает, обводит по кругу.

А я мечусь, выкрикивая его имя, прошу не останавливаться, и выгибаюсь так, что трещат кости. Мной сейчас настолько правят все эти восхитительные ощущения, что если бы случился бы апокалипсис, я бы не заметила. Всё моё внимание сосредоточено там внизу, откуда расходятся девятиметровые волны удовольствия, которые грозят меня затопить, поглотить, и я рискую не всплыть.

А когда Кир медленно вводит в меня два пальца, не переставая ласкать клитор, я начинаю крупно дрожать, и мне хватает нескольких движений, чтобы кончит.

Я отключаюсь настолько, что не сразу соображаю, что лежу уже на животе. Не придаю значению, и странным булькающим звукам, полностью растворённая в эйфории своего пика. И мягкие массирующие движения рук Кира, что скользят по моим ягодицам, тоже нестораживают меня. Я настолько разомлела, от ярких чувств, что мои инстинкты притуплены. И даже когда я чувствую скользкие пальцы на тугом колечке ануса, я продолжаю доверчиво и расслабленно лежать, тем более мы уже это проходили и мне вроде бы понравилось. Палец вторгается в тугую плоть. Немного натяжения, давления. Я покорно принимаю его. Потом Кир, добавляет второй, медленно вводит, массирует, растягивает. Чуть больше натяжения, и тесноты. Центр удовольствия смещён, и это немного непривычно. Но тут Кир начинает, гладит ещё очень чувствительный клитор, и я дёргаюсь.

— Тих, тих, — шепчет он, и смещает палец, и кружит вокруг, не касаясь, напряженного бугорка. Его пальцы скользкие, движения мягкие. Тихо, нежно, без надрыва. И мной снова начинает овладевать желание. Оно, затихшее после феерического оргазма, снова нарастает, и сердце снова устремляется вскачь, а дыхание сбивается. Я поднимаю бёдра выше, подставляя все чувствительные точки под умелые пальцы, и протяжно стону.

— Тих, тих, — снова повторяет он, и медленно вытягивает пальцы из моего ануса. — Расслабься, больно не будет!

Странное замечание. Я не успеваю, озвучить свои подозрения. Туда, где только что

были пальцы, вторгается его член. Медленно, миллиметр за миллиметром он заполняет меня там.

Я замираю. Слишком большое натяжение.

Слишком!

Это слишком!

— Ну же расслабься, — нежно шепчет Кир, продолжая ласкать мой клитор, и не отступая, наполняет собой. — Расслабься! Тебе понравится.

Я пытаюсь. Дышу. Сосредотачиваюсь на понятном наслаждении. Другой рукой он нежно гладит мою напряжённую спину. И входит, входит.

— Сладкая Юля! — хрипит его голос. — Моя! Моя!

Он заполняет меня полностью и замирает. Судя по тому, как он тяжело дышит ему очень хорошо. Он сжимает мою талию, и делает медленное движение назад. Осторожно возвращается. Из его груди рвётся рык.

— Бля, ты мой кайф! — он опять медленно толкается, и я вдруг, отвлекшись на его слова, понимаю, что начинаю получать удовольствие, от этой тугой наполненности. От этой тесноты. И ещё больше от его дикого восторга. Кир просто стонет в голос, но, тем не менее, не срывается на бешеный темп, всё также медленно толкается, заполняя до предела. А когда он слегка ускоряется, я и сама начинаю стонать.

— Больно? — тут же притормаживает он.

— Нет, — задыхаюсь я. — не больно!

И он снова толкается, и мы уже вместе стонем, я даже срываюсь на крик, когда невероятное удовольствие вдруг простреливает меня, топит, и тело сотрясается в крупной дрожи.

Это что-то невероятное!

Это точно за пределами всего, что я когда-то знала и делала.

Эту ночь я точно никогда не забуду!

Я падаю без сил, а рядом валится Кир, такой же обессиленный как я.

37

Лежу, словно на волнах качает. Эта другая реальность какая-то. Никак вынырнуть не могу. И не хочу.

Здесь так хорошо.

Спокойно.

Тепло.

Сытно.

Все тревоги кажутся такими глупыми.

После всех этих восхитительных чувств, что словно вибрации прошли моё тело, согрели душу, не оставив и тени в самых её уголках.

После всех незабываемых переживаний. Этой яркой ночи. Нельзя оставаться собой. Теперь прежней меня нет. Есть видоизмененная я.

Другая.

Иная.

Одно остаётся неизменным, а вернее, увеличенным, гипертрофированным. Моё чувство к нему.

Как я не давила его. Не душила. Сейчас, после сладости нежных прикосновений. После странных, но искренних признаний. Оно владеет мной полностью.

И я лежу, и улыбаюсь с закрытыми глазами, наслаждаясь этим моментом. Именно им. Именно сейчас. Когда весь накал схлынул. Растаял, осталась только нега завладевшая телом, и тепло, в районе сердца.

Матрас рядом прогибается и на мою спину ложиться горячая ладонь, нежно гладит.

А это интересно. Ледокол умеет быть нежным!

Потом в районе лопаток расцветает горячий поцелуй, и от него во все стороны, словно лучи, расходится тепло.

С моих губ срывается стон. Приятно, чертовски приятно!

— Я в душ, — сипит Кир, и обрамляет мою кожу горячим дыханием, — хочешь, присоединяйся.

Хочу, но двигаться лень. Можно меня туда отнести?

Но Кир, не умеет читать мысли, встаёт и выходит из комнаты.

Я все ещё прибываю в нежной дремоте, когда слышится шум воды, и я представляю, как вхожу в ванную, и за стеклянной, матовой ширмой, вижу обнажённое большое тело. Как захожу к нему. Кир стоит ко мне спиной. По мощной рифленой спине, расписанной вензелями татуировок, стекают потоки пенной воды, огибая крепкие ягодицы, и скользит по мощным ногам вниз. Я прижмусь к нему, плюща о твёрдую спину грудь, и зарююсь носом между лопаток. Обниму за талию и заскольжу руками вниз, по плоскому животу, к курчавым и жёстким волоскам, в паху. Нежно коснусь его мошонки, и пробегусь пальчиками по всей длине ещё расслабленного члена, который тут же оживёт от моих движений, и тогда я слегка сожму его у основания, и начну гладить, целуя и прикусывая кожу на спине. Слушая его хриплое дыхание, пока его терпение не закончится, и он не развернётся и одним рывком не поднимет меня и не насадит на свой член.

Он это может, я даже не сомневаюсь. Мало того, потом, он без жалости станет вбиваться в меня, притиснув к скользкой стене, сжимая мягкие ягодицы, до боли, до синяков, которые потом проявятся синими точками на нежной коже. Ну, это не важно. Важно, что он опять окунёт в своё страстное безумно желание. И я улечу вместе с ним.

Растворюсь.

Растаю.

И воспарю.

Я застонала от нахлынувшего желание, из собственной фантазии. Низ живота протяжно затянуло, и я, повернувшись на бок, свела ноги, усилив голодное чувство, прогнулась.

Я развращена напрочь!

Эта мысль вызвала улыбку. Я открыла глаза, и села.

За окном всё ещё властвовала ночь, и в огромной полупустой спальне царил темнота, разгоняемая, приглушённым светом, светильников, встроенных в стену. Они давали очень интимный свет. Было видно всё, но в слабом свечении, линии размывались, сводя картинку до размытого пятна. И только прикосновения, касания дарили ощущение реальности.

Я, наконец, встала на подрагивающие ноги, ощутив вдруг небольшую саднящую боль в новом источнике удовольствия.

Обалдеть, как я на это решилась?

Да и разве я решалась. Как с Киrom можно спорить. Совершенно невозможно. Он решил, и подвёл меня к этому. Я усмеялась и пошла в коридор.

Здесь было светлее, и я зажмурилась, только сейчас осознав, что совершенно не стесняюсь своей наготы. И даже больше, чувствую себя очень привлекательной, вышагиваю

грациозно, покачиваю бёдрами.

Но как только я вхожу, в запаренную ванную. Вода прекращает свой шум, и Кир выходит, из душевой.

— Ты уже всё? — разочарованно тяну я.

— Могу остаться, если тебе так хочется сделать это в душе, — усмехается Кир, и обтирается полотенцем.

Я слегка смущаюсь.

У меня, что на лице всё написано?

— Нет, — поспешно отвечаю я, — я просто...

— Мойся спокойно, я не сбегу, — снова усмехается Кир, и оборачивает бёдра полотенцем, — обещаю, что разрешу потом воплотить все твои фантазии в жизнь!

— Да, я не... — начинаю оправдываться, но он выходит. И, слава Богу, потому что, не видит, как я краснею. Просто взял и прочитал меня, как раскрытую книгу.

Возвращаюсь в спальню, посвежевшая, завёрнутая в большое белое полотенце.

Кир лежит на кровати, и похоже спит.

Вот тебе и позволю воплотить все фантазии.

Я разочарованно вздыхаю и устраиваюсь на своём краю. Несколько минут назад не могла глаза разлепить, а теперь взбудораженная и взволнованная своими же фантазиями, ни капли не хочу спать.

Но как только я удобнее устраиваюсь, Кир тут, же притягивает меня к себе, обнимает, укладывает на плечо.

— Я думала, спишь, — глажу его грудь, зарываясь пальцами в волосы. Жаль что свет приглушённый, мне так нравится рассматривать узоры на его коже.

— Я просто в покое, наконец, — говорит он, и приподнимает моё лицо за подбородок, склоняется, но не целует, смотрит, и в приглушённом свете его светлые глаза наоборот кажутся тёмными.

— Скажи мне, чего ты хочешь? — спрашивает и свежее дыхание обрамляет моё лицо.

— Хочешь на море? Испания? Тай? Куба? — Палец обводит контур моих губ, гладит.

Я не спешу отвечать, слушаю.

— Или может, наоборот, на лыжах покататься? — продолжает он.

Голос и вправду расслабленный, хриплый.

— Хочешь, тебе завтра тряпья купим, цацки всякие, всё что захочешь.

— Кир... — пытаюсь, вставит, но он не даёт, целует.

— А хочешь, переезжай сюда, — отрывается от моих губ, — пацана своего бери, место до хрена. Или лучше в дом, там и воздух чище.

— Нет уж, — среагировала я, вспоминая какой там проходной двор, — там у тебя, кто только не шатается!

— Никого не будет, — обещает он. — Ну что скажешь?

— Скажу, что это неожиданно! — туплю взгляд.

— Не хочешь? — напрягается он.

— Дело не в этом, и раз ты позволяешь просить, то я прошу об откровенности.

— О чём? — удивляется Кир.

— Об откровенности, — поясняю. — Расскажи мне о себе. Я ничего о тебе не знаю.

— Ты думаешь, что что-то изменится от того если ты узнаешь в какую я ходил школу, и во сколько лет потерял девственность? — цинично заявляет он.

— Ты хочешь, приблизить меня, перевезти к себе, но всё равно закрываешься, — отстраняюсь. — В чём тогда смысл?

Он молчит некоторое время, и я думаю, что он уже не ответит. Хмурит брови, губы в линию. Тянет руку к тумбочке и закуривает. Сизый дым окутывает комнату.

— И что ты хочешь знать, красивая? — наконец отмирает он.

Я улыбаюсь. Значит, есть смысл, раз поборол своё упрямство. Возвращаюсь к нему на грудь, и заглядываю в глаза.

— У тебя есть родители? Ты вспоминал отца, говорил, что он дал тебе редкое имя.

— Да есть, — Кир затягивается, и выпускает дым, тянется к пепельнице, и тушит сигарету, рассеивая дым рукой. — Они живут далеко, и отец и мать.

— А братья, сёстры?

— Нет, — кроткий ответ.

— Ты говорил, что занимался дзюдо? — продолжаю допрос.

— Да занимался. Чёрный пояс, пятый дан, — опять короткий ответ, но глянув на выжидательно-замершую меня, Кир вздохнул, и продолжил. — Потом в армию ушёл, в ОМОНе служил, со спортивной карьерой не сложилось, впрочем, как и с ментовской. Всё! Удовлетворил любопытство? — раздражённо кидает он.

— А ещё ты говорил, что сидел за убийство, это правда? — не унималась я.

— Правда, в чём резон мне врать? — хмыкает. — Или ты всё ещё надеешься, что я ангел?

— А почему так произошло? Почему? Зачем? Неужели не нашлось другого выхода, кроме как...

— Ты пытаешься меня понять что ли? Хочешь оправдать? — зло усмехается он, и отодвигается.

— Кир, просто расскажи, — пытаюсь утихомирить его.

— О чём рассказывать, Юля? — надменно интересуется, и кривится. — О том, как я вышиб мозги человеку? О том, что ни разу об этом не пожалел? О чём ты хочешь знать?

Кир садится, отворачивается. А я с укором смотрю на его спину.

— Хочешь знать, был ли у меня выбор? — доносится до меня. — Да он был, но я предпочел, чтобы этот скот сдох! И он сдох! И так будет с каждым, кто посмеет взять моё!

Я подтягиваюсь и сажусь за ним, обнимаю за спину и прижимаюсь. Не знаю, что его так разозлило, но пытаюсь его, как-то утихомирить.

— Ладно, прости, больше не буду лезть не в своё дело, — бормочу в его лопатки.

Он замирает, не пытается скинуть мои руки, и я, осмелев, скольжу ими по груди и животу, к кромке повязанного полотенца.

— Ну а ты? — вдруг спрашивает Кир. — Где нашла своего муженька, да ещё и замуж в восемнадцать выскочила! Неужели любовь? — сарказм режет уши.

— Представь себе, — язвлю в ответ, и хочу руки убрать, потому что бесит своими насмешками, но он крепко хватает меня, удерживает.

— Представляю, — хмыкает, — и всё же?

— Да я его любила, — сдаюсь, и, пытаясь высвободиться, трусь грудью о его спину, — и раз уж ты такой добрый сегодня, прошу, не убивай его, когда найдёшь!

Кир замирает, а потом руки мои отпускает и медленно поворачивается. В глазах хищный блеск.

— Чё это? Он же проиграл тебя, по сути, в карты? — ой как нехорошо звучит его голос.

Низкий, хриплый, словно рык льва раскатывается.

— Кир... — сглатываю ком в горле.

Ну, всё по ходу ты доигралась, Юля!

— Что? — голову склоняет, и точно хищник перед прыжком, я даже инстинктивно отползаю.

— Любишь его, красивая? — наклоняется и за лодыжку хватает к себе подтягивает, так что всё моё полотенце скатывается и задирается, валиком под лопатки... Он опирается на руки и зависает надо мной, взглядом тяжёлым припечатывает.

— Пойми, же, — шепчу сбивчиво, и не смело лица его касаюсь, — я жить не смогу потом, съем себя. Ведь буду чувствовать себя виноватой. Пойми.

— К нему ты не вернёшься! — рывкает Кир.

— Я и не собираюсь, — отзываюсь, и тянусь для поцелуя, но он уворачивается, стряхивает мои руки, нетерпеливым кивком.

— Уже хочешь от меня отделаться! — снова рычит.

Боже, этот мужчина вообще понимает русские слова.

— Нет, — верчу головой, — но рано или поздно это же, произойдёт!

— Не надейся, красивая!

— Кир... — удивил, ничего не скажешь.

— Ну, хорошо, — перебивает, — я его не убью, но если узнаю, что ты с ним, то убью тебя! — цедит сквозь зубы.

38

А после этого ультиматума, в губы впивается и наваливается так, что вздохнуть не могу. Язык яростно врывается в мой рот, шарит, сплетается с моим, рык улетает в моё горло. Я так стиснута его телом, что начинаю дёргаться в панике, потому что задыхаюсь. Смотрю ошалелыми глазами, в его тёмные, дикие, и читаю там только неотвратимость.

Неизбежность.

Как он сказал, у меня нет других вариантов. Всё решил сам.

Он, наконец, приподнимется, и я хватаю ртом воздух, настолько, насколько он мне позволяет. Одной рукой Кир, развязывает узел на полотенце, и отшвыривает его, вытянув из под моей спины. Потом накидывается на мою грудь, мнёт, сжимает. От горячей ладони по телу бегут мурашки, и я непроизвольно выгибаюсь, чем заслуживаю удовлетворительный, поощряющий рык.

— Кир, подожди, — сбивчиво бормочу, когда он переключается на мою шею, разукрашивая её болезненными засосами.

— Я по-другому хочу! — осмелилась озвучить свои желания.

Он поднимает голову, и заинтересованно смотрит.

— По-другому? — хрипит его голос.

— Да, позволь мне быть сверху, — совсем уже застенчившись, пролепетала я.

Он хмыкает, и подтягивается на руках, отталкивается от кровати, ложиться на спину, тем самым, показывая мне, что не против моей затеи.

Я подтягиваю ноги, и сажусь, рассматривая его фигуру в сумерках комнаты.

Склоняюсь, и легко касаюсь пальцами широкого плеча, и разлёта ключиц, пробегаю по колючему подбородку. В темноте сверкает широкая серебряная цепь на шее. Облизываю пересохшие губы, и закусываю нижнюю, увлечённая волнующим занятием. Исследованием мужского тела. Ведь он всегда как ураган налетает, всё быстро, стремительно происходит. А

сейчас лежит, закинув руку за голову, и наблюдает, за моими осторожными движениями.

И как это заводит! Неимоверно!

Я чувствую лёгкий озноб, бегущий по телу, от этого внимательного взгляда, и продолжаю, гладить его разрисованную кожу. Провожу по контуру губ, на его манер, и склоняюсь, кусаю за нижнюю. Втягиваю её в рот, сосу. Слышу его сбитое дыхание.

Неужели мои робкие движения, почти неумелые, нравятся ему?

Я поднимаю глаза и обжигаюсь о пламенеющий взгляд.

Вот и ответ.

Он обнимает меня за талию, и притягивает ближе, берёт инициативу в свои руки. Я стону, и отстраняюсь, убираю его руку, завожу ему за голову.

— Нет, не нарушай правила, — капризничаю я.

— У нас сесть правила? — усмехается Кир, тем не менее, не делает больше попыток установить свою власть.

— Да, — я возвращаю руки на его твёрдую грудь, — по ним ты позволяешь мне делать с собой, что мне захочется!

— Не помню, когда мы о таком договорились, — хмыкает Кир, а потом ощутимо вздрагивает, потому что я прикусываю его сосок, и тут же оглаживаю языком.

— Вот сейчас и договорились, — бормочу я, подбираясь к другой груди, и проделывая тоже самое.

— А ты полна сюрпризов, — рычит Кир, когда я зарываюсь в волоски на его груди, спешно развязываю на нём, каким-то чудом не сбившееся полотенце.

Его кожа горячая и ароматная. Гладкая. Её так приятно целовать. Скользить языком по жёстким перекатам напряжённых мышц. Впиваться ногтями, оставляя бороздки от ногтей. Тереться своим обнажённым телом, касаться разгорячённой кожей, и скользить вниз, не пропуская ни миллиметра, обрисовывая языком, все линии на груди, животе, руках.

Я тяну его руку, и сажусь сверху на его живот, прижимаясь, горячим влажным лоном. Распускаю волосы, которые скользят шелковым шлейфом по плечам, и спине. Сжимаю колени. Кир неотрывно смотрит за моими движениями, когда я слегка покачиваюсь, легко целую его длинные пальцы. Скольжу кончиком языка по шершавой коже, а потом вбираю большой палец в рот, и начинаю его сосать, потираясь промежностью, о крепкий живот. Он резко выдыхает, и кладёт вторую руку мне на колено, сжимает.

Его член позади, упирается всей своей длиной, в мои ягодицы. Тыкается, когда я покачиваюсь назад, скользя влагой, по горячей коже. Рука его движется по моему бедру, вниз вверх, а я продолжаю перекачивать во рту его палец, вожу сложенными губами, до основания, и постанываю, от волнительных ощущений, прикрывая глаза от удовольствия.

Потом вытаскиваю из рта влажный палец, и беру за ладони обе его руки и накрываю ими свои груди, выгибаясь всем телом навстречу, когда он пальцами сжимает соски. Крутит их, вырывая из меня всхлипы и стоны, и я сильнее сжимаю ноги, прижимаясь ближе горячими складочками. Кир продолжает перекачивать между пальцами твёрдые горошины сосков, доводя меня до иступления.

Потом резко садиться. Я успеваю только открыть глаза, когда он впечатывается в мой рот поцелуем, обхватывает ягодицы, и заставляет приподняться, и тут же опускает на свой член.

Я кричу в его губы, от острых ощущений. От болезненной переполненности. От волнительных чувств. От жёсткого распираания. И от крышесносного, убивающего на повал,

темпа который он задаёт, сам толкаясь снизу.

Он привык доминировать, и мои игры, его порядком раззадорили. Кир зарывается рукой в мои распущенные волосы, и оттягивает назад, так что голова откидывается, и я выгибаюсь ещё круче, уперев руки в его колени позади.

Это было что-то невероятное!

Я натянутая словно тетива на луке, и нанизанная на стержень, словно бабочка на иглу, дрожала, всем телом, когда он без устали вбивался снизу. Кости трещали, мышцы ныли, казалось ещё чуть-чуть, и я не выдержу этого напора, сломаюсь пополам. Позвоночник мой треснет посередине. Твёрдый член входит, и так чётко ощущается внутри, что, кажется, что только он и держит меня. Я уже просто не двигаюсь, наслаждаясь бешеной скачкой, которую затеял Кир. Я просто не могу выдержать этого быстрого, невозможного темпа. Из моего горла рвутся уже не стоны, и не крики. Хрипы. Сил не остаётся, и тогда он отпускает мои волосы, и наоборот прижимает к себе. Я с благодарностью кладу голову на его плечо, и перевожу дух.

— Устала, красивая? — почти прекратив движения, хрипит Кир, поглаживая мою взмокшую спину. Его член замирает внутри, а я замираю в его объятиях.

— Устала, но останавливаться не хочу, — бормочу в его шею, и просто физически чувствую, как новая порция влаги вырывается между ног, обтекая его член.

— Может, отдохнёшь? — спрашивает Кир, и ловко переворачивает меня, подминая под себя, не разрывая контакта.

Моя истерзанная спина, касается матраса, я блаженно потягиваюсь под ним, разминая затёкшие мышцы.

Тянусь губами к нему, и он тут же накрывает их в своей властной манере. Языком оглаживает весь рот, и сплетается с моим. Этот поцелуй так увлекает меня, что когда он снова толкается в меня, я вскрикиваю, почувствовав, как ожил во мне его член. Кир закидывает мои ноги на свои плечи, и прижимается ближе. Становится снова болезненно-сладко, от глубоко проникновения.

Он медленно и тягуче толкается, рассматривая моё лицо.

Как я ловлю воздух ртом, и протяжно стону его имя. Впиваюсь рукам в его плечи, такие напряжённые, просто каменные.

Как закатываются мои глаза от очередного толчка, и воздух вылетает со свистом, от его натиска.

Он словно в очередной раз проверяет мою реакцию, как будто сомневается в моей искренности.

Но я искренне бьюсь под ним словно в лихорадке, особенно когда он наращивает темп. Мечусь под тяжёлым телом, выкрикивая его имя. Разрядка накрывает как лавина, неотвратимо, неизбежно. Голос хрипит от криков, а тело просто отказывается подчиняться. Последний выгиб. Последнее напряжение. Сжимаюсь. И всё. Растворяюсь. Растекаюсь под ним. Блаженно выпуская хриплый стон.

Он быстро догоняет меня, и наваливается сверху, но тут же переносит вес на локти и отталкивается, лечь рядом.

39

Просыпаюсь от вкусного аромата, чего-то жареного. Аппетит, в моём случае приходит вместе с ароматом. Ещё глаза не открываю, а уже понимаю, что жуть, какая голодная.

Приоткрываю глаза. Я укрыта теплым одеялом, из под которого торчит только мой нос.

Кира нет рядом, поэтому, скорее всего, он причина всех этих аппетитных ароматов, что разбудили меня. Сажусь, потираю глаза. Как уснула, не помню. Только взрыв эмоций, и всё. Кстати тело так характерно ломит, как будто точно после взрыва. И между бедер саднит.

Ледокол знатно вчера прошёлся по мне.

Из-за закрытых, тяжёлых занавесок, проглядывает полоска света, немного освещающая большую спальню. Шарю по полу взглядом, в поисках пригодной одежды. Тут и там валяются мои вещи, вещи Кира, полотенца.

Выбираю большое белое полотенце, и плетусь в коридор, завернувшись в него. Там валяется другая часть моего гардероба, верхняя. Подбираю футболку, куртку вешаю на крючок вешалки. В брошенном рюкзаке, нахожу телефон. Время почти одиннадцать утра. Надо приводить себя в порядок, да за Андрейкой ехать, к родителям.

Прихватываю все свои вещи, и иду в ванную, по дороге украдкой заглядываю в светлую кухню. Кир стоит возле плиты, спиной ко мне. На нем только свободные штаны, И я невольно залипаю на эту могучую спину, расчерченную черными узорами, с рельефными мышцами, и вспоминаю свою вчерашнюю фантазию.

Спешу ретироваться в ванную. Встаю под тёплые струи душа, и вспоминаю в деталях вчерашнюю ночь, начиная с разговора с парковки, и заканчивая фееричным последним разом.

Что же получается теперь у нас отношения?

Или нет?

Ведь кое-что изменилось вчера. С его стороны вообще можно всё это расценивать как признание. И его желание, перевезти меня к себе, и обещание, что я ему не надоем, и вспышка ярости, когда я просила не убивать Юру. А то, что он меня сравнивает с зависимостью, это как?

Хотя... Всё это может только мне казаться, и страшно обжечься. Ведь ставил он меня уже на место, вдруг и сейчас рассмеётся и скажет, что я просто принадлежу ему, и если он хочет, будет нежным, не захочет, я могу и потерпеть. А я так хочу, чтобы он всерьёз мой заинтересовался, потому что, я то уже точно вляпалась «по самое не хочу»!

С таким раздраем я вышла из душевой, обтёрлась насухо, и глянула на себя в большое зеркало, что висело над раковиной.

Мать Божия!

Недаром у меня всё болит. Вся кожа в засосах, укусах. На шее, груди, животе. На руках синяки. Поворачиваюсь спиной, и там такая же картина.

А мои бедные ягодицы! И это сделал один человек.

— Кир! Ты варвар! — вылетаю из ванной, так и не одевшись, только в полотенце завернувшись.

Он вопросительно смотрит на меня, обернувшись от плиты.

— Как можно быть таким пещерным человеком? — откидываю с груди влажные волосы, указывая на синяки.

Он выключает плиту, и разворачивается всем корпусом.

— И тебе, доброе утро! — криво улыбается и ловким выпадом, сгребает меня к себе, ухватив за шею.

— Неужели нельзя быть аккуратней, — негодовала я, заглядывая в холодные глаза, пытаюсь оттолкнуть этого нахала.

— Вчера ты не возражала, — хмыкает он, разглядывая моё гневное лицо. — И даже

умело распалила меня. Будишь зверя, не стони от царапин от его когтей!

— Зверя? — офигела я. — Да я приятно тебе хотела сделать!

— А кто говорит, что мне неприятно было, — усмехается и подцепляет моё полотенце, оно падает к моим ногам. — Ну, давай поцелую, где больно!

— Кир! — прикрываю грудь. — Я вообще-то есть хочу!

— Думать надо было, когда в одном полотенце вылетала, — ворчит он, склоняясь надо мной. — Блядь, грёбаная Виагра!

— Кир... — а больше ничего не успеваю сказать. Теплые губы накрывают рот, затягивают в дурманящий водоворот. Все мысли прочь. Остаётся только нарастающая жажда. Я откликаюсь на его призыв. Прижимаюсь обнаженным телом, зарываюсь пальцами в короткие волосы на затылке.

Всё глубже и глубже, в этот водоворот.

Ну как тут откажешь, когда каждое прикосновение простреливает током. Несётся по венам бешеной энергией. Ноги тут же подгибаются, слабеют, словно вместе с поцелуем, он пьёт мою волю.

Неужели я тоже так на него действую?

Когда вместо нервов оголенные провода?

Вместо крови кипучая лава?

Когда хочется только им дышать, ароматом его, вкусом жить! Это страшно, так хотеть человека. Это погибель, так раствориться без остатка в нем. «Нельзя», вопят все мои инстинкты. Но разве есть мне дело до них, когда тело моё давно у него в плену, а сердце только рядом с ним бьётся, живёт?

Как оказываюсь на кухонном столе, даже не понимаю. Сижу, обхватив ногами его талию, а руками шею. Кир натягивает мокрые пряди и заставляет откинуться назад, открыться для горячего рта. И опять не грамма нежности, только животные, грубые поцелуи, на границе с укусами, которые добавляют отметин на моей коже. Но разве я возражаю. Я только блаженно стону, и трусь влажным лоном, о его выпирающий, из под штанов член.

Нас прерывает звонок в дверь. Вернее меня, Кир продолжает, исцеловывать, искусывать мою кожу, подбираясь к груди. Я напрягаюсь.

— Кир, ты слышал?

— Пусть идут на хуй, — рывкает он, и притягивает меня к себе, снова губы терзает, и все тревоги вылетают в момент.

Но звонок повторяется опять и Кир вновь игнорирует его, обхватывая двумя руками моё лицо, и глубже погружая в меня язык, словно призывая забить вместе с ним. Что я и делаю, перестаю реагировать на внешние раздражители, полностью окунаясь в страстные, изголодавшиеся поцелуи.

— Ох, ты ж, ё-моё! — вскрикивает женский голос.

— Кир обязательно со своими шлюхами, на столе-то трахаться! И вообще я же звонила, мог бы и отвлечься. Блин кофе хотела попить!

Всё это говорит высокая блондинка, стоя в пол оборота к нам. Она отворачивается, чтобы не видеть того действия, что происходит на кухне. Я ещё не пришедшая в себя, тяжело дышу, в недоумении верчу головой. Смотрю то на Кира, то на неё, и потихоньку сползаю со стола, подтягиваю с пола полотенце и укрываю наготу.

Кир так вообще замирает, и тяжёлым взглядом сверлит пришедшую.

— Ты на хрена припёрлась, Жанна? — скрипит его голос. Он вытягивает из кармана

сигареты и зажигалку, и закуривает.

Жанна оборачивается.

— О, ты прикрылась! Замечательно, — холодно улыбается она, и не без презрения рассматривает меня. Лицо, засосы на шее.

Я невольно прикрываю, их рукой.

Тогда, её оценивающий взгляд скользит ниже, пока на останавливается на моих ступнях.

— Н, да! — кидает она в мою сторону, свою оценку.

А я вопросительно смотрю на набычившегося Кира.

— Поговорить надо, — Жанна расстегивает меховую курточку, и машет рукой, когда до неё дотекает дым. — Найди время для жены-то!

Жены!?

Я моргаю. Это слово словно по сердцу ножом!

Дыхание сбивается. Я снова смотрю на Кира, но он игнорирует меня. Внутри всё холодеет. Просто отмирает. Некроз тканей. Такой удар я не выдержу, да и не пытаюсь. Слегка покачиваюсь, словно пьяная.

— Ты что, своих шлюх не предупреждаешь, что женат? — ухмыляется Жанна, видя мою реакцию.

— Было бы о ком предупреждать, — цедит Кир, а для меня звучит наоборот, «было бы кого предупреждать». Но он всё же удосуживается бросить на меня короткий взгляд. Так просто убедился, что ещё на ногах стою.

У меня из глубин поднимается тошнота. Я пытаюсь дышать, унять её, но она напознает так неумолимо, что меня просто сейчас вывернет прямо здесь. А ещё в нос забиваются сладкие, тяжёлые духи Жанны, и пульс в висках стучит как набат. Я срываюсь с места, пролетаю мимо прижавшийся к стене девушки, и забегаю в ванную, включаю воду, и меня рвёт. Почти ничем, просто желчь, но кишки выворачивает знатно.

Холодная вода немного умирляет организм, и я постепенно прихожу в себя. Вытираюсь. Смотрю на своё размазанное лицо в зеркало, и удивляюсь себе.

Какая я дура! В очередной раз поверила ему. Идиотка!

Меня захлёстывает такая злость на саму себя, что я еле удерживаюсь, чтобы не впечатать кулак в зеркало. Останавливает лишь то что, эти двое поймут мою реакцию. А я совсем не хочу её давать.

Плевать! Плевать на него! Я не позволю об себя вытирать ноги!

Да куда уж больше, подсказывает внутренний голос. Значит, тем более пора завязывать!

Я неимоверным усилием воли запираю все свои негодующие чувства. Одеваюсь, благо вся одежда здесь, и выхожу из ванной.

40

Кир и Жанна о чём-то тихо переругиваются на кухне.

Я иду в прихожую, собирая на ходу, влажные волосы в хвост. Обуваюсь. Натягиваю куртку, и как только тянусь к замку, который не знаю, как открывать, а упрямство мне не позволит позвать этого гада, в коридор входит Кир.

— Здесь жди. Я отвезу тебя! — сама любезность.

Я подавляю раздражение, и рвущийся посыл на хрен, и не оборачиваюсь, замираю у дверей.

Жанна из кухни не выходит. И на том спасибо.

Кир быстро одевается, подходит слегка отстраняет меня в сторону, и открывает замок, и толкает дверь, пропуская меня вперёд.

Я иду спокойно к лифту, хотя хочется сорваться и бежать сломя голову, чтобы больше никогда не видеть его, не слышать, не вдыхать этот горький аромат. Такой же горький как моё очередное разочарование в нём. Но мне никто не виноват. Я сама, сама во всём виновата. Опять усилием воли, подавляю все эти размышления, не анализирую, иначе случится истерика, а такой возможности унизит себя я ему не дам. Поэтому я просто игнорирую его, пока мы едем в лифте, спокойно выхожу следом за ним, и спокойно сажусь в машину.

Хочет везти, пусть везёт. Устраивать ему вынос мозга не моя прерогатива, у него для этого, как оказалось, есть жена.

Едем. Кир раздражённо сопит, и материт других участников движения. Я же и вовсе отвернулась, думая о своём. Он вдруг резко тормозит, и я еле успеваю зацепиться за ручку, бросаю на него обиженный взгляд.

— Не смотри на меня так, — тут же цепляется он, словно ждал моей реакции, — я тебе ничего не обещал!

И эти слова повергают меня в шок. Я даже слепну на мгновение, настолько у меня перехватывает дыхание от боли. На ответ нет сил. Я просто отворачиваюсь, слепо таращусь в окно.

Действительно не обещал. Никогда.

Только вчера признался, что запах мой его с ума сводит. Что голову ему ведёт, ещё с первого раза. Что не сможет меня сам оставить, если я его не прирежу. Шептал в безумном экстазе, что я его кайф. Что я его сладкая Юля.

Нет, не обещал. Ничего.

Мы останавливаемся на светофоре, у поворота к моему дому, и я, не сдержавшись, отстёгиваю ремень, и, невзирая на опасность быть сбитой, вылетаю из машины.

— Куда? — ревёт Кир, и газует, нарушая все правила.

А я несусь, минуя дорогу, и забегая в арку, бегу к дому. Из-за поворота показывается его машина.

Я, конечно, понимаю, что его не остановят не двери, ни даже стены. И не понимаю, зачем он вообще меня преследует, если ничего не обещал.

Я бегу по лестнице, он с рыком за мной. Еле успеваю открыть дверь и вбежать в коридор.

Отступаю.

Кир наступает.

Тяжело, свирепо смотрит, словно это у меня незапланировано жена объявилась. Ноздри трепещут, по скулам желваки ходят.

Да какого хрена!

Я останавливаюсь, и когда он нависает надо мной, влепляю ему пощечину. Потом вторую, третью.

— Не обещал, значит! Ну и валяй! Мне ни хрена не нужно от тебя! — верещу я.

А потом в одно мгновение сама бросаюсь к нему, и в губы твердые, тёплые впечатываюсь гася гнев, горящий в его глазах. И сама не понимаю своего порыва, только и думать об этом уже некогда. Кир жадно впивается в мои губы, сжимает до хруста, вырывая протяжный стон.

— Ненавижу тебя! — шепчу в исступлении, когда он прижимает меня к стене, и срывает одежду.

— Ненавижу! — а сама подставляюсь под руки горячие. На поцелуи грубые отвечаю, и выгибаюсь навстречу, и пропускаю момент, когда он начинает оседать. Смотрю на его большое тело, которое валиться к моим ногам, и гаснувшие серые глаза, и с ужасом понимаю, что он умирает.

— Кир? — хриплю я, не в состоянии справиться от волнения с голосом.

— Ну, привет жена, — ухмыляется Юрик, держа в руке трехкилограммовую гантель сына.

Я с ужасом смотрю на мужа.

— Что ты наделал? — взываю я и присаживаюсь рядом с Киrom.

— Кир, — тормошу того. Потом ощупываю голову, на затылке, прямо под моими пальцами, растёт шишка.

— Да не убивайся так, жив этот медведь, — усмехается Юра, и достаёт из шлеек джинсов Кира ремень, заводит назад его руки и туго стягивает, крепко фиксирует.

— А я смотрю, ты неплохо устроилась, — зло поглядывает на меня муж.

Я так и сижу на полу, в полураздетом виде, и затравленно смотрю на него. Видимо небеса решили обрушить на меня все кары сегодня, за моё распутство. Неуклюже поправляю одежду.

— Где ты был? — голос не слушается, хрипит.

— Где был, где был? — насмехается Юра, и достаёт огромный нож. — Рядом почти под носом. Видел, как ты тут развлекаешься! Потаскушка ты Юлька!

— Что? Что ты задумал, Юра? — мои газа округляются, и я снова чувствую тошноту.

— А ты как думаешь? — муж меняется в лице.

Не усмехается, и не шутит, он совершенно серьёзен.

— Мой долг покрыть нечем, а так я его порешу, ментам скажу, что его на тебе застал. Отсижу, выйду по амнистии, и всё чики-пуки!

Я прикрываю глаза.

Он что серьёзно?

Мне совсем плохо. Одно радует, что сын у родителей и не увидит всего этого.

— Охуеть ты сказочник! — приходит в себя Кир, и неуклюже садиться, опираясь на стенку.

— О привет, бандюга! — Юра снова улыбается, да так, что мороз по коже. — Ну, скажи мне браток, это по каким же законам, можно чужую жену-то трахать?

Я при этих словах заливаюсь краской стыда. Да сегодня точно день расплаты за грехи.

— Если ты её женой считаешь, то, какого хуя на растерзание зверью бросил? — скалиться Кир, и руками дергает, пытаюсь порвать путы, совершенно не обращая внимание на нож. — Сам бы жопу свою подставлял.

— Тебя не спросил, — заворчал Юра, и перевёл на меня взгляд.

— Так может, договоримся, — кивает он на меня, — коль Юлька моя тебе хорошо даёт, может, и заберёшь её в счет долга?

— Заберу, — кивает Ямал, и по стеночке, медленно поднимется, так и не справившись с ремнём на руках. — Я всё у тебя сука заберу! Потому что ты говно, а не мужик!

— А ну угомонись! — Юра взмахивает ножом, и я вскрикиваю, мне кажется, что он задевает Кира, но нож скользит по куртке. — Чё думаешь, она тебе такая верная?

Я в изумление округляю глаза.

Что он несёт?

— Наверняка должна была доложить, если я объявлюсь, а я уже неделю здесь...

— Что ты несёшь? — подсказываю я. — Кир, это не правда!

Ямал только тяжело смотрит на меня, и не понятно верит, или не верит. А Юра, поняв, что избрал правильную тактику, продолжает:

— И сюда тебя ловко заманила, отвлекла, пока я подкрадывался!

— Нет, Кир это неправда! — воскликнула я, и кинулась на Юру.

— Стоять! — взревел Ямал.

Я замерла. Даже Юра заткнулся.

— Мне по хуй! — продолжил спокойно. — Это твоя жена тебе изменяла, а не наоборот, так что утрись!

— Кир, но это не правда! — заламывала я руки.

— Сказал же, мне срать! — припечатал хмурым, холодным взглядом.

И тут я не выдержала и расплакалась. Закрыла рот, чтобы не всхлипывать громко и разревелась. Стало так жутко, словно в пропасть шагнула.

— Блядь, убери её! — скривился Ямал. — Сука, терпеть не могу этой хуйни!

Да только я сама убиралась, отступала от них вглубь коридора, потом в ванную. Даже свет не включила, только воду холодную отрезвляющую.

Меня снова вывернуло. Накрыло такой злой обидой на них обоих, что разыграли меня в своих интересах, что просто перед глазами черно стало. Я самозабвенно ревела над раковиной, даже ледяная вода не давала успокоения. И пропустила момент, когда свет загорелся, и на плечи легли тяжёлые, горячие ладони.

Я испуганно вскинулась. Передо мной стоял Ямал. По правой щеке кровавая линия. В остальном в порядке.

Я замерла, разглядывая его, шмыгая носом, а потом прижалась лицом к широкой груди, втягивая родной запах, и продолжила реветь. Пусть если хочет, отталкивает, мне всё равно уже. Но он обнял и молча, гладил по голове.

— Ну, чё разошлась, красивая? — заворчал он.

— Ты... ты... сволочь, — запинаясь и давясь рыданиями, выдавила я, — как же я тебя... ненавижу!

— Иди сюда! — вздыхает он, и садиться на край ванны, а меня на колени усаживает. — Успокаивайся!

— Что ты с ним сделал? — вцепилась я в его куртку.

— Не убил, не переживай! — отозвался он, высвобождая ткань из моих рук, и я легко прочитала в его глазах раздражение. — Но можешь считать, что ты в разводе!

— А ты? — да именно сейчас пока есть возможность выяснить этот момент, почему бы и нет.

— Ладно, мне пора красивая, — Кир встал, придерживая меня, потом отстраняет.

— Кир? В чём дело?

— Всё, считай долга нет, — он вышел.

Я тупо сидела в ванной, слушая, как он с кем-то, скорее всего с Пашей, кряхтит, ругая Юрика, что он такой здоровый кабан, тащат его куда-то. Потом хлопнула дверь, и воцарилась тишина.

Тишина в моей квартире.

В моей жизни.

В сердце.

Часть вторая

1

Нас с Юрой быстро разводят, даже месяца не проходит. Причём инициатором становится сам Юра. Он отказывается от примирения, которое предлагает нам судья, объясняя, что не достоин такой жены, как я.

Он же общается с родителями, которые налетели в наш дом, узнав обо всём. Говорит всем тоже самое, что и в суде. Что он не достоин меня, что был плохим мужем, не ценил меня как женщину, что это решение полностью его. Он всё оставляет нам с сыном, и очень скоро найдёт работу и будет обязательно платить алименты.

Родители в шоке.

Я, если честно, тоже.

Пытаюсь вызвать его на откровенный разговор, когда мы остаёмся одни, но он только зло кривит побитую рожу, но даже взгляда косового не допускает в мою сторону. Собирает и исчезает из моей жизни.

Только фамилия и осталась, которую я не стала менять.

Впрочем, Ямал тоже исчезает.

Кир не появляется, после того дня.

Я набираюсь, смелости и звоню ему. Но ответа нет. Толи номер сменил, толи заблокировал меня.

Потом меня увольняют с работы.

Ашот Гургенович, выдумывает ряд причин, почему я теперь не востребована в его ресторане, и почему он вынужден отказаться от моих услуг, но только мне всё понятно. За этим, как и за разводом, стоит Кир.

Директор выплачивает мне три зарплаты, за сокращение, причём, судя по размеру, своих. На этом он прощается со мной, и мне ничего не остаётся, как уйти.

Устраиваться бежать сломя голову на новую работу, необходимости нет. Денег достаточно, тем более ещё остались те, что я готовилась вернуть Киру.

Беспокоит другое, чего добивается Кир?

Исчез, но незримо присутствует в жизни, проблемы решает, наверняка следит.

Набраться смелости и съездит в одно из его жилищ?

С Кира станется меня послать. И раз он ушёл, то может и не стоит так упрямо его возвращать.

Ну да, сердце ноет, и воспоминания тревожат, почти ни ночи не проходит, чтобы не снился этот гад! Но я же не его придаток. Я самостоятельный человек. Самодостаточный! Я же понимала, что рано или поздно это закончиться. И как же давно было желание, чтобы всё это завершилось.

И вот оно завершилось.

Я сосредоточилась на сыне. Мы, наконец, стали проводить вместе больше времени. Андрейка был счастлив, ну а я вдвойне. Под лучами его счастья моя грусть отступала, тревога рассеивалась.

Почти сразу позвонила Иришка, и позвала к себе на работу. У них освободилось место портье, она могла составить мне протекцию. Мне не привыкшей сидеть дома, эта новость пришлась по душе, и уже через неделю я стояла за стойкой, проходя стажировку у Иришки.

Самый модный отель в нашем городе. Очень большой и красивый. При нем работал шикарный ресторан, и поэтому народу было много. Работа была сложная, но интересная. Я быстро отточила процесс, и вскоре, уже действовала по наитию, когда Ира была занята, или отсутствовала.

И благодаря всем этим новым эмоциям некогда было грустить, копаться в себе. Нужно было успевать, хватать всё на лету, потому что хотелось остаться здесь. Закрепиться.

Поэтому когда постоянно стало тянуть внизу живота, я не обратила на это внимание. Ну, тянет и тянет. Предвестники месячных, так бывает. Особенно болел, когда простою весь день на ногах, или по лестницам побегаю.

И когда в очередной раз, тянущая боль сковала низ живота, я вытянула из кармана свой телефон. У меня там была программка, женский календарь, который отслеживал мой цикл. Я хотела посмотреть, когда уже начнутся эти месячные. И глянув на экран, телефона, чуть не сползла под стойку.

Пятый день задержки. За всеми этими переживаниями и новыми впечатлениями не обратила внимание, что месячные не пришли во время.

Я попросила напарницу Лену, покараулить, а сама нетвёрдой походкой пошла в туалет. Был у меня в сумочке дежурный тест на беременность.

— Не может этого быть! — спустя несколько минут, он показал мне две полоски.

Я ведь принимала таблетки, те которые мне назначили клинике, в которую меня возил Кир.

Но с фактами не поспоришь, хоть я и попыталась, сделав ещё парочку тестов, надеясь, что предыдущий был ошибочный. Но куда там!

— Так, сначала к гинекологу, — по деловому заявляет Иришка, когда я ей излила душу, — потом, что-то можно решать!

— Что решать? — повторяю за ней. — Нечего тут решать! Я не собираюсь рожать от бандита, тем более которого и след простыл!

— Без врача тебе всё равно не обойтись, так что записывайся на приём, — отрезает подруга.

— За что мне это? — поднимаю глаза к потолку, гостиничного ресторана, где мы с Иришкой устроились на обед.

— Юль, может разыскать его? — спрашивает Ира, копаясь вилкой в салате. — Я могу Паше позвонить, через него попросить встретится с тобой.

Я думала об этом, но как, то уж совсем я жалко выгляжу. Беременная брошенка!

Ушёл, значит ушёл.

— Это же, и его ребёнок. Он по идее должен знать! — продолжила тем временем подруга.

— Да плевать мне, чего он должен, — вздыхаю я, — не буду я ему ничего говорить.

— Ну, дело твоё, — неодобрительно смотрит подруга.

— Ир, ты же не скажешь, не из каких добрых побуждений не скажешь! Дай мне слово! — вижу, что она опускает глаза, и совсем не одобряет моих намерений, но сделать всё равно ничего не может

— Даю слово, — глухо бросает в ответ.

Так-то лучше.

2

Я вышла из женской консультации и присела прямо на занесённую снегом лавочку.

Сегодня я взглянула в глаза реальности. Беременность шесть недель. Отсчитав время назад, понимаю, что это произошло в нашу самую сладкую ночь, после примирения.

Меня чуть в больницу не уложили, прописали множество лекарств. Угроза выкидыша высокая. Матка постоянно в тонусе.

Надо же! Как только появилась реальная угроза потерять этого ребёнка, которого я так не хотела, я вдруг, на уровне инстинкта, пытаюсь сохранить его. И даже не заикаюсь об аборте, что и было моей целью. Только постоянно талдычу гинекологу, что я пила противозачаточные. А она так спокойно, видя моё ошарашенное состояние, повторяет и повторяет, что стопроцентной гарантии не даёт не один метод контрацепции, кроме перетяжки маточных труб, и вазэктомии у мужчин.

Но всё же, угроза потерять ребёнка меня отрезвляет. И плевать мне на Кира. Я сама могу родить и вырастить этого ребёнка. Ведь он мой. Только мой.

На работе беру больничный. Быстро переговариваю с Иришкой, сообщаю новости.

Неделю исправно пью все назначенные лекарства, ставлю свечи, лежу в кровати не вставая. Андрей, не понимая моего состояния, ухаживает, просто видя, что я приболела. А я всё думаю, что надо ему сообщить, что скоро у него будет брат или сестра.

* * *

— Слушай Юль, тебя там одна гостья в ресторане, зовёт, — шепчет Лена.

Я уже второй день после больничного, дело близится к новому году, и работы невпроворот. Понаехало туристов, еле успевали расселять.

— Какая ещё гостья? — раздражённо смотрю на Лену, которая слиняла в самый час пик.

— Блондинка высокая, — поясняет Ленка, совершенно не замечает, что я на неё злюсь.

— Описала тебя и попросила позвать!

— Да кто там? — уже откровенно злюсь. Я вообще теперь, постоянно, то злюсь, то реву, то хохочу.

С Андреем так не было. Таких диких перепадов настроения. Видимо зависит от возраста.

Я шагаю в ресторан, и замечаю её сразу.

Жанна, жена Кира. Сперва хочу слинять, пока она меня не видит, но потом, одёргиваю себя.

Какого хрена! Да и тем более, она знает, что я здесь работаю. Пусть выскажется, может на ответку нарвётся.

— Добрый день! — приветствую её.

Она поднимает на меня глаза. Надменно осматривает мою фигуру, потом, голубые глаза впиваются в моё лицо.

А она довольно симпатична.

В тот раз мне было не до её внешности, но сейчас в спокойной обстановке ресторана, могу рассмотреть её. Хорошенькая, словно кукла. Но старше меня, хотя и выглядит сногшибательно. Ей от силы лет двадцать восемь. Аккуратные черты лица, вся такая миленькая. И фигурка тоже точёная, ладная. Одета в элегантное платье, кофейного цвета.

Вот зачем Кир вздумал от неё гулять? Она же просто мечта.

— Ну, привет! — тянет она и кивает на стул напротив.

Я сажусь.

— Не успели тогда познакомиться, меня зовут Жанна, — поедает меня глазами.

— Юля, — коротко представляюсь я.

— Хорошо выглядишь Юля! По крайней мере, лучше, чем в последний раз, когда мы виделись, — усмехается она, и делает глоток вина, предлагает мне, я отказываюсь.

— Послушайте Жанна, мы с Киром расстались, причём в тот же день, так что если ко мне есть претензии, то я не знала, что он женат.

— Расстались? — услышала она из всего мной сказанного.

— Да, расстались, — кивнула, поморщившись, почувствовав небольшую тошноту.

— А что так? — насмешливо посмотрела на меня.

— Я же сказала я не знала, что он женат, — повторяю я, пока ещё спокойно реагируя на её закидоны.

— А то, что он бандит знала?

— Знала.

— И что, не смутило тебя это?

— Ну, тебя же не смутило, когда ты за него замуж выходила, — парировала я, резко переходя с ней на «ты».

Она надменно растянула губы в улыбке.

— Мы женаты семь лет, — говорит Жанна, и снова прикладывается к бокалу, — из них он шесть сидел. Как тебе такой расклад.

— Я знаю, что он сидел, — не удивила она меня.

— А за что знаешь?

— За убийство! — отвечаю.

— Сам рассказал, или справки навела? Хотя какие ты могла навести справки, — усмехается она. — Интересно чего это он разоткровенничался? Из него же слово не вытянешь!

Я потупилась и нетерпеливо вздохнула.

— Ну, хорошо, — усмехнулась она, видя, что мне скучно, — а кого он убил, говорил тебе.

— Нет, мне и не интересно, тем более, сейчас!

— Блин! И про Катьку свою, что ли не рассказал?

— По какую Катьку? — я раздражённо повела плечами.

— Про свою ненаглядную Кэт, которая ему всю жизнь поломала, и не верит он больше бабам. Понимаешь, Юля, была в жизни Кира, светлая полоса. Был он крутым чемпионом, служил в ОМОНе, и встретил девочку, полюбил. И не был он таким мрачным и угрюмым. Ну, я так думаю. Но был он беден, и девочка хоть его и любила, но думая о будущем, свалила к мажору, потому что, видимо деньги любила все же, больше. И тогда наш Кир, ты не против, если он будет наш? — вдруг отвлеклась от рассказа Жанна и сделала очередной глоток вина.

— Мне всё равно! — жму плечами.

— Судя по тому, как блестят твои глазки, ни фиги тебе не всё равно, — подмечает она.

— Тебе кажется. Ты закончила?

— Тебе что совсем не интересно, почему он бандюком стал?

— Да я уж догадалась, несчастная любовь!

— Ещё какая! — усмехнулась Жанна. — Он же с ней встречался даже после свадьбы, отпустить не мог, и смириться. А она ни в какую не уходила от мужа. Так что ему не впервые изменять. Ну а потом их застукал муж Кэт. Его избили. И статью повешали.

Условкой отделался. Из спорта выперли, из органов тоже. Вот и пошел у нашего мальчика кривой путь. С его то габаритами, только в бандиты. А там дело нехитрое. Бабло поднял, да мажора того убил, а Кэт его и сдала. Как адвокаты, купленные, не старались, не отмазал его, только срок смогли скостить, шесть лет сидел.

— А ты не дождалась? — задрала я бровь.

— Я не дождалась ещё до тюрьмы, — вдруг вздохнула Жанна, — месяца три нам вроде весело было. Сама знаешь, он не скучный, да только мрачный жуть. Всё по своей Кате убивался. Достал! Не понимаю я, зачем он вообще на мне женился, да ещё и брачным договором привязал, и я теперь, чтобы с голым задом не остаться даже развестись с ним не могу. Развестись не могу, но уйти, пожалуйста, поэтому и не ждала я его из тюрьмы, просто решила забить, а у него же везде уши, да глаза, докладывают, доносят, шаг вправо, шаг влево...

Не понимаю, зачем она мне всё это рассказывала. Но благодаря этому я немного поняла мотивы его поступков, да только теперь без толку.

— Что ты от меня-то хочешь? — я комкала в руках салфетку, потому что мне было больно за него.

Да гад! Сволочь! И даже убийца.

Но мне было больно, я переживала, представляя ту душевную боль, что досталась ему. А может это гормоны, фиг его знает.

— Да всё просто, — вытягивает губы Жанна, — судя по тому, как ты тогда вылетела из квартиры, и как он за тобой ломанулся, всё намного серьезнее, чем я предполагала.

Я только хмыкаю. Жанна пропускает это мимо ушей.

— Мне нужно чтобы ты дала свидетельские показания в суде, что Кир мне регулярно изменял, шлюхи, видишь ли, у нас не в счёт, а вот если серьезные отношения...

Я рассмеялась.

— Серьезные отношения? — переспросила я, скрывая под этой бравадой, колотьё в сердце. — Скорее первое, именно то, что у вас не в счёт.

— Не похожа, ты на шалаву, — прищурилась Жанна.

— Спасибо конечно за комплимент, — фыркнула я, — но только это так, и мы уже не встречаемся, и в суд соответственно я не пойду!

— Я тебе денег дам!

— Ну да, это решающий аргумент, — раздражаюсь я.

Везде только деньги. Всё и всегда. Деньги, деньги.

— Разводись так.

— Так он оставит меня без гроша, — пожаловалась она, словно мы с ней секретничали, — я семь лет прожила с этим чудовищем, не для того чтобы остаться с голой задницей.

Я только усмехнулась. Да я его тоже частенько звала чудовищем. Только если честно, положила руку на сердце, я бы предпочла его приручить, что у меня так и не вышло.

— Значит живи дальше и терпи, — я встала из-за стола, сама мысль того что Кир, живёт с Жанной дальше, под одной крышей, а возможно и делить постель, омрачила и без того мерзкое настроение, да так, что меня затошнило, только стоило представить их вместе.

— Ну вот, Юля, — прищуривается она, — а говоришь несерьёзно у вас.

У меня сложилось впечатление, что этот вывод ей, почему-то был важен.

— Нет больше никаких нас, ты разве не слышишь меня, — рывкнула уже, не стесняясь

никого.

Зачем она это заладила? Что за бред? Давит и давит на большую мозоль!

Жанна только довольно улыбнулась, и подмигнула мне.

— Спасибо, что уделила мне время!

— Да не за что. Засунь себе своё спасибо! — зло выругалась я, не понимая её да конца, но отчётливо чувствуя какой-то подвох. Так и ломала голову да конца рабочего дня, зачем она приходила, и к чему весь этот разговор.

3

Я работала двадцать восьмого, и двадцать девятого в ночь, а тридцатого и тридцать первого, была дома. Ну и первого, второго.

Мы с Андреем запланировали много мероприятий на эти дни. Новый год решили справлять с моими родителями. Сын заказал кучу различных блюд. Чувствую, за их приготовление предстоит приняться за два дня. Ещё в новый год решила поговорить с родителями, всё им рассказать, и возможно найти поддержку, ведь рано или поздно правда сплывёт наружу. Вернее сказать, вырастит.

Я шла после ночной смены, прикидывая зайти ли в магазин сейчас, или потом тащить всё скопом. На улице стоял морозец, и ещё совсем было темно, Всё же восемь утра. Остановка была совсем рядом, почти за углом, и автобусы в моём направлении, всегда шли свободные. Можно было усесться на свободное сидение, и вытянуть уставшие ноги. В голове составляла список того, что надо было купить на праздничный стол, неплохо бы записать всё, а то, что-нибудь, да забуду. Вдруг дорогу мне преградила большая машина, я остановилась и удивлённо уставилась на внедорожник, тем более, что дверца пассажирского сидения открылась, и оттуда вышел низкий крепкий мужчина, не по погоде одетый в лёгкую куртку, без шапки. А за ним на сидении, сидел испуганный Андрей.

— Мам, — пролепетал сын, и шмыгнул носом, сдерживая подступающие слёзы.

Я в негодовании уставилась на мужика, потом на сына.

— Андрей? Что происходит? Почему ты... — договорить мне не дали. Мужик бесцеремонно, и молча, затолкал меня к сыну.

Я не сопротивлялась только потому, что там был Андрей. Я неуклюже бухнулась на сидение, поправляя съехавшую на глаза шапку, и притянула сына к себе, осмотрелась.

— Что происходит?

Низкий мужик запрыгнул следом за нами, потеснив нас на заднем сидении. Дверцы тут же заблокировались. Машина поехала. С переднего сидения, наконец, соизволил обернуться ещё один пассажир. Здоровый мужик, кавказец. Тёмные глаза, короткие волосы, борода. Он повернулся и заполнил собой всё пространство, даже дышать стало тяжело. Я вжалась в сидение, и прижала Андрея ближе.

Бедный мой мальчик! Как же ему здесь было страшно!

— Вы кто такие? Совсем охренели? — рявкнула я, уже догадываясь, что дело худо. — Что вам нужно? И как вы посмели тронуть моего сына?

— Язык как помело, — скривился кавказец, и что-то сказал водителю на незнакомом языке, криво усмехнулся, и снова посмотрел на меня своими чёрными глазами.

— Не люблю таких дерзких баб, — выдал очередное умозаключение он, — такой член в рот засадишь, а она того и гляди его откусит.

— Что, были прецеденты? — морщусь я от его слов, и закрываю уши Андрею.

Чёрные глаза кавказца смотрят с таким пренебрежением, словно я кусок мяса,

посмевающий, раскрыть рот. Он слегка склонился ко мне, и в нос ударил его аромат. Сильный, мощный, раздражающий ноздри. Так и захотелось откашляться, открыть окно и глотнуть свежего воздуха.

— Слушай сюда, сучка борзая, ты мне нужна, в относительно целом состоянии, поэтому на первый раз я тебя прощаю, но запомню твою дерзость, — проговорил он, и перевёл глаза на Андрея, — не забывай, что ты не одна!

— Зачем я тебе нужна? — спросила, стараясь не дать дрожь в голос.

— Просто заткнись, и делай что скажут, и останешься целой. Ты и твой пацан, — кавказец отвернулся.

Я ещё долго гипнотизировала его взглядом, но он больше не повернулся и ничего не сказал. Мельком глянула на соседа.

Тоже каменное лицо. Мысли в панике металась в голове. Я прижимала Андрея и гладила его головку, пытаюсь успокоить.

Кто бы меня успокоил, и рассказал что происходит.

То, что это бандиты и так понятно.

Но зачем мы им? Чего они хотят? Выкуп? От кого? Опять Юра вляпался куда-то? Или это связано с Ямалом?

Все мои попытки хоть что-то понять не увенчались успехом, со мной больше никто не разговаривал, и мы, прижавшись, друг к другу с сыном, сидели и следили за дорогой.

Мы выехали за город.

Ну почему всегда за город?

Все бандитские дела твориться за городом. Потом вообще была какая-то заброшенная пром-зона. Машина притормозила у разрушенного здания, нас вывели, отобрав мою сумку, и бесцеремонно обыскав нас обоих.

Что искали-то? Оружие?

Потом по хрустящему, не тронутому снегу повели вовнутрь какого-то заброшенного здания. Мы еле доковыляли, выворачивая ноги в глубоких сугробах. Андрей постоянно увязал, и мне приходилось его вытягивать, О помощи со стороны даже говорить было нечего. Все сапоги набились снегом, и я начинала мелко дрожать, прижимая сына, и постоянно интересуясь как он.

Было страшно. Не за себя. За детей. За нынешнего, и ещё не рождённого.

Чего они хотят? Куда нас ведут?

Мы спустились вниз, когда, наконец, преодолели сугробы, и вошли под разрушенную крышу. Там обнаружилась лестница, которая привела нас в подвал. Нас подвели к железной двери, подсвечивая телефонами, темные проходы. Щёлкнул замок. Дверь тяжело открылась, и на нас пахнуло тяжёлым, затхлым запахом. И подуло теплом. Какая-то бытовка, судя по выхваченным светом фрагментам. Здесь пролегали трубы теплотрассы, прямо так, тараня стены, и поэтому здесь было тепло, но и воняло соответственно. На полу валялись тюки. Голые цементные стены и потолок. Небольшая отдушина, в стене. Из неё еле-еле было видно улицу, очень далеко, и чуть поступал свежий воздух.

Это по всей видимости была наша с Андреем тюрьма.

— Послушайте, мы ничего не сделали, отпустите нас, или хотя бы ребёнка, ему всего девять, — запричитала я, понимая, что они собираются бросить нас здесь.

Мужчины даже глазом не повели, и тогда отстранив Андрея, я бросилась к кавказцу.

— Прошу, свяжитесь с Ямалом, он нас знает...

Он легко перехвати меня запястья, и прижал к стене. Андрея дёрнувшегося ко мне на защиту, придержал низкий мужик.

Кавказец, впился в моё лицо крупной ладонью, и его жуткие чёрный глаза, стали ещё страшнее в этой полутьме.

— Я знаю, что он тебя знает, — наконец подал он голос, — и возможно мы совершим взаимовыгодную сделку. Но даже если нет, я в накладе не останусь.

Он схватил мою руку и положил себе на ширинку. Под моими пальцами ощущался толстый член.

— Заставлю самолично проверить все твои догадки, — оскалился он, опять убивая наповал своим парфюмом. Меня так затошнило, что я побоялась, что меня сейчас вырвет на него.

— Вы все сволочи, только и можете женщинами и детьми распоряжаться, а считаете себя мужчинами, — не сдержалась я.

Мужчина отвесил мне оплеуху. Я вскрикнула и стекла по стенке. Ко мне опять попытался прорваться Андрей, но его не пустили. Я слизала кровь с разбитой губы, и сплюнула её под ноги бандиту.

— Как Ямал тебя не прибил, с таким характером, — проворчал бородач, — я уже готов свернуть тебе шею!

Я потупила злой взгляд, чтобы не навлечь на свою голову ещё больше неприятностей.

Я не одна, нужно думать о детях.

Кавказец отошёл, что-то сказал своим подельникам опять на незнакомом языке. Андрея отпустили, и он кинулся ко мне, заплакал, и прижался. Я тоже еле боролась со слезами. Нам бросили две бутылки воды и вышли. Заскрежетал замок, потом наступила тишина, прерываемая нашими всхлипываниями.

А потом я взяла себя в руки, и успокоила сына. Наобещав ребёнку, что нас обязательно спасут, найдут и вызволят. Что скоро здесь будет МЧС, и полиция. Сын успокоился и задремал на моих руках, а я сидела, крепко сжимала его, и тихо плакала, потому, что меня успокоить было некому.

4

Сколько прошло времени, не знаю. Но судя по свету в отдушине. День и ночь.

Мы с Андреем почти не двигались. Нашли удобное положение, разместившись на тюках, и полулежали.

Слава Богу, здесь было тепло.

И, Слава Богу, нам оставили воду. Один из дальних углов мы оборудовали под туалет, но он особо и не понадобился. Стресс, организм уходит в анабиоз.

Мы лежали и вспоминали первые соревнования сына. Потом я рассказывала ему сказки, вспоминая из прочитанного, а где-то добавляя от себя. Хотелось есть, но ещё было не критично, даже Андрей признался, что ему терпимо. А потом как-то получилось, что я взяла и рассказала, что скоро, у него появиться брат или сестра. Сын долго молчал, обдумывал, а я не торопила и не приставала. Потом обнял меня, и признался, что давно мечтал о брате. Это было так мило, что мои гормоны снова дали сбой, я расплакалась.

А утром, наверное, это было утро, заскрежетал замок. На нас упали лучи фонарей.

— Подъем, — это был низкий мужик.

Он вывел нас, и усадил в машину, сам теперь уселся на переднее сидение к водителю. Кавказца не было. Он кинул нам по шоколадному батончику, и бутылку воды. Машина

тронулась.

Мы с Андреем подкрепились. Я пригладила его топорщившиеся волосы, поправила одежду. Сама просто пригладила свои волосы, и провела под глазами, собираю остатки туши.

Куда нас везут мне так и не ответили, просто проигнорировав все мои вопросы. Другого я в принципе и не ожидала, надеялась только, что эта не очередная промзона.

На удивление, это был ресторан. Один из лучших в городе. Нас с Андреем провели вовнутрь, и усадили в пустом зале, за стол. С нами сел низкий мужик.

Здесь было очень красиво. Стилизация под шатёр шейха. Богатый и роскошный. Всё украшено к новому году. Явно здесь подавали восточную кухню. А потом до меня дошло, что это, скорее всего ресторан кавказца. Раз среди дня он совершенно пустой. Хотя этим людям ничего не стоит, выгнать всех на улицу по своей прихоти.

— Хочешь кушать? — вдруг подал голос низкий. Я перевела на него взгляд, а он смотрел на Андрея.

— Нет, — выпалил мой сын и гордо вскинул голову.

Даже в такой непонятной, стрессовой ситуации, нашелся повод, гордится моим мальчиком. Я сжала его плечо, давая понять, что он молодец!

Мужик только усмехнулся и снова застыл с каменным лицом.

Вскоре прибыли первые гости.

Кавказец, шёл во главе, огромной разношёрстной толпы. Их было человек двадцать. Жёсткие, наглые взгляды. Огромные бородатые мужчины. Они тихо переговаривались, и бросали на нас с Андреем заинтересованные взгляды. Кавказец только раз посмотрел на меня, и уселся за стол стоявший посередине. К нему тут же подошёл официант. Поставил чашку кофе, и бутылку воды, и стакан.

Потом по паркетному полу процокала Жанна. Она посмотрела на меня, и довольно улыбнулась, и подошла к кавказцу. Что-то жеманно проговорила, заискивающе улыбаясь, поправила на бёдрах короткое платье, открывающее её стройные ноги, и перекинула через плечо светлые волосы.

— Посмотрим, — громко ответил ей мужчина, не впечатлявшийся по-моему, всем этим спектаклем, — не очень-то он торопиться вызволять её, а об остальном и говорить нечего, пока ещё нечего не произошло. Поэтому сядь и жди.

Жанна поджала алые губы, и, скинув меховую курточку, уселась за соседний столик, перекинула ногу на ногу. Кинула на меня насмешливый взгляд, и залипла в телефоне.

Из услышанного мне стало понятно, что ждали Кира. Меня и Андрея хотели использовать, как рычаг давления на него. Вот только навряд ли у них это получится. И от этого становилось страшно, потому что не понятно тогда, что с нами будет дальше. А вернее сказать, предельно понятно, и от этого становилось жутко.

Мужчины тихо гудели. Жанна так и залипала в телефоне. Мы с Андреем сидели в ожидании. Нас разместили спиной ко входу, поэтому когда я невзначай оглянулась и встретила взглядом с серыми глазами, то вздрогнула.

Ямал шел один. Любимая кожаная куртка, на черную майку, и синие джинсы, высокие тяжелые ботинки из черной кожи. Слово и не зима за окном, а тёплый летний вечер. Он снова зарос бородой. И аккуратную стрижку, сменили тёмные вихры, с нитками седины. Лицо осунулось, но неизменно хранило непроницаемое, отстраненное выражение.

Его глаза обожгли холодом. И глядя на его расслабленную походку, на безразличный

взгляд, я поняла, что нас отсюда живыми не выпустят, потому что он точно не станет вступаться за нас. И делать то, что нужно этому кавказцу, тоже не станет. Ни ради меня, ни тем более ради Андрея. Интересно, а если узнает, что я жду его ребёнка, он сжалиться над нами?

Он вообще хоть помнит, что такое жалость?

Не уверена.

Ямал тем временем подошёл к столу, где восседал кавказец. Мужчины замekli, Жанна тоже вынырнула из телефона.

— Сархан, чё за канитель, — разнёсся по залу низкий голос Кира.

Сархан встал, протянул ему руку.

— Приветствую, Кир!

Кир неохотно пожимает протянутую руку.

— Присаживайся, побазарим! — кивает Сархан.

Кир подцепляет ближайший стул, и, повернув его спинкой вперёд садиться, напротив Сархана, сложив руки впереди.

В зале сейчас тихо, и мы сидящие за дальним столом, прекрасно слышим их разговор. А ещё нам видно лицо Сархана, и широкую спину, Кира. Он стягивает с широких плеч, куртку небрежно её откидывает, достаёт из кармана сигареты и прикуривает. Официант тут же приносит ему пепельницу, и интересуется, чего тот изволит. Кир только вертит головой, и парень уходит.

— Ну, давай базарь, чего у тебя там? — выпускает он сизый дым.

Сархан, поджимает губы в бороду, вроде, как и на его территории, встречаются и толпа за ним, а Кир ведёт себя так, словно это Сархан пришёл у него просить, а не наоборот.

О, да Кир, это умеет. Его главный талант, ставить людей на место. Желательно пониже своего.

— Я не хочу ссориться с тобой Кир, но раз появилась такая возможность, — и Сархан кидает взгляд, на Жанну, — я бы хотел вернуть свою землю.

— Говоришь, ссориться не хочешь, — тянет Кир, — а сам, как крыса последняя, исподтишка действуешь.

Позади Сархана, зашумели мужчины. Сам кавказец, стал мрачнее тучи.

— Выбирай выражение, — рявкнул он, — эта земля был изначально наша...

— Я понял, — перебил его Кир, — чего ты хочешь?

Сархан, зло улыбнулся.

— Всё очень просто, ты возвращаешь нашу землю, и ещё двадцать пять процентов, со всех твоих казино, иначе ты даже моргнуть не успеешь, Шмидт порешит и бабу и пацана, — по-деловому говорит Сархан.

5

Я перевожу глаза на низкого мужчину, что сидит перед нами, и такая пропасть в его светло-зелёных глазах, становится жутко, от такого безразличия. И ещё я понимаю, что нам конец. Ямал никогда, не на что не согласится. Ради своей жены, может ещё да, но не ради меня, и Андрея.

Я прижимаю сына ближе, сердце дробит. Затравлено смотрю, на мужчину перед нами. Последние минуты. Как только Кир озвучит свой отказ, возможно, нас не станет.

— Согласен на всё, — разносится по залу спокойный низкий голос. — Отпусти их прямо сейчас.

Сархан кивает, и отзывает Шмидта, который спокойно встаёт и уходит из-за нашего стола.

На моё плечо ложиться, тепля ладонь, я и вздрагиваю. Ещё не могу поверить, что всё это правда, только что к смерти готовилась, а тут угроза миновала. Я поднимаю ошарашенный взгляд, рядом стоит Паша.

— Пойдём, — говорит он.

— Куда? А Кир? — заупрямилась я, всё же поднимаясь.

— Пойдём, — повторил Паша.

— Сархан, — воскликнула Жанна, и я обернулась, уже у самых дверей, — а как же наша договорённость. Это ведь я догадалась, что он за эту девку всё выложит. Я хочу развод!

Я перевела взгляд на Кира. Он легко поднялся, встал напротив Жанны.

— Затейница ты моя! — прорычал он, и прихватил её за светлый хвост, подтащил к себе, завизжавшую женщину.

— Что Сархан, и с бабой моей не дашь разобраться?

Жанна извивалась в его руках, и просила Сархана помочь.

— Разбирайся Кир, мой ресторан в твоём распоряжении, — оскалился Сархан.

Жанна завизжала пуще прежнего, а я поспешила вывести Андрея, и мы пошли за Пашей.

На улице стояло машин двадцать. Все сплошь черные внедорожники. Ещё больше там было здоровых мужиков. Все как на подбор. Страшные и опасные. Стояли вокруг своих тачек, курили. И всем словно жарко и время года не для них. Кто в пиджаках, кто в тонких рубашках, без шапок. А на улице на секундочку, наверное, около минус пятнадцати.

Меня с Андреем, они проводили заинтересованными взглядами, пока мы не сели в такую же здоровую машину. За руль сел Паша.

— Паш, куда мы? — спросила я, когда мы отъехали от ресторана.

— Всё увидишь, Юль, не цекоти, — видно было, что он тоже напряжён.

На приятном лице застыло сосредоточенное выражение. Вечный балагур, и шутник, был сейчас мрачен, и следил за дорогой, слово в первый раз на права сдавал.

— Блин все мои вещи в сумке остались, а сумку они забрали, — пожаловалась я.

— Привезу потом, — глухо ответил Паша.

— Мам, мы домой? — спросил Андрей.

— Паш, мы домой? — спросила я в свою очередь.

— Нет, — мотнул он головой.

— Но ведь, Новый год, — жалобно протянул Андрей.

— Новый год, ведь, Паш, — повторила я, всматриваясь в его отражение в зеркале.

— Заканчивайте вопросы задавать, всё увидите скоро! — буркнул он, в ответ.

Я пожалала плечами, и прижала сына к груди. Андрей расслабился, он видел, что я не боюсь, и поэтому и ему не стоит.

* * *

— Это что за развалюха? Мы что туда пойдём? — я стояла возле машины, и не двигалась с места, как Паша не зазывал меня.

— Юль, заканчивай, — выдохнулся он. — Вам что в подвале понравилось? Вам нужно пару дней отсидеться пока Ямал всё уладит. Какая разница, тебе же не жить здесь!

Мы стояли на краю какой-то глухой деревни у самого страшного дома. Вид у него был заброшенный, и не обжитый. Весь двор был завален снегом. Только к дому вела тонкая цепочка следов, да из трубы, валил дым.

— А там кто-то есть! — показала я Паше на дым.

— Там Петрович, печь растопил, и, между прочим, там есть водопровод, и даже можно помыться, не такой он и убогий, — обиженно проговорил он.

— Ты так говоришь, словно это твой дом, — фыркнула я, и обречённо пошла к крыльцу, потянув за собой сына.

Да, не так я представляла себе встречу Нового года. Ещё вчера утром, было столько планов, а теперь приходится прятаться в развалюхе какой-то. Причём прячет один бандит, от другого бандита.

А с другой стороны, главное, что мы живы, и я непроизвольно погладила свой живот, прямо по пуховику.

— Паш, но Кир же согласился на все условия этого Сархана, зачем нам прятаться? — мы зашли в заваленные тёмные сени.

— Значит надо так, женщина, угомонись, и делай, что тебе говорят, — разозлился Паша, и прямо таки втолкнул меня в прихожую. За мной несмело вошёл Андрей, и только потом Паша, поправляя на ходу своё полупальто.

Я обиженно на него глянула и решила больше с ним не разговаривать.

Долго, правда, не получилось, потому, что пока мы толкались у дверей, к нам вышел, какой-то мужичок. Весь лохматый, заросший, в морщинах, видно, что злоупотребляет. И одежда на нём была такая же, помятая и грязная. Мужчина глядя на нас, растянул морщинистое лицо в улыбке, и вытер о брюки руки. Мы же с Андреем отступили к двери, и уперлись в Пашу.

— Ну чего вы испугались? — усмехнулся он. — Это Петрович, знакомьтесь, Юля, Андрей.

— Здравствуйте, — тоненько протянул сын.

— Здравствуйте, — вторила я ему.

— Здрасте, здрасте, — засипел Петрович.

Паша опять подтолкнул нас вперёд.

— Всё сделал? — спросил он у мужчины.

— Всё, как было велено, — стал тот отчитываться, — печь натопил, порядок навёл, продукты и вещи, какие были в списке, всё купил.

— Молодец, — Паша хлопает Петровича по плечу, потом ныряет в карман и достает две купюры по пять тысяч и протягивает ему.

— Давай завтра тоже за печкой проследи. Что надо, Юля скажет, сделаешь, и смотри не бухай, — он показал ему кулак.

Петрович, сразу же замотал головой.

— Ну что ты Паш, договор, есть договор, — забубнил он.

— Ладно, — Паша махнул рукой, и посмотрел на нас с сыном, так и стоящих на пороге, этой халупы.

— Ну, чего вы замерли-то? — заворчал он. — Что? Не помыться нет желания, не поесть?

Мы стали раздеваться с Андреем развесив свою верхнюю одежду на захлавленную вешалку. Потом я посмотрела на пол, раздумывая, а стоит ли снимать сапоги, но тут было так тепло, что сапоги не вариант.

— Щас подожди, — сказал Паша и скрылся в одной из комнат. Вернулся с пакетом, и вытряхнул мне под ноги, пушистые розовые тапки. Я прямо в ступор впала.

— А тебе вот, — протянул Андрею кеды.

— А можно мне кеды, — простонала я.

Андрей тут же схватил их, понимая, что может проиграть и быстро переобулся.

— Не придирайся, скандалистка, — вспомнил, блин, — что было в местном магазине, то и купили.

Петрович тут же закивал. Я натянула тапки.

— Давай проходи, я всё покажу, и поеду, — сказал Паша.

— Ты уедешь, — расстроилась я, — но ведь новый год...

— Вот именно, я Иришке обещал быть, итак задержался, — проворчал Паша.

Моё настроение, так испортилось от этой новости, что я совсем не замечала, и не слушала Пашу. И даже новость, что подруга опять дала ему зелёный свет, меня не взволновала.

Грёбанные гормоны! Хотелось плакать! Хотелось, чтобы со мной остался мужчина, и пусть, хотелось другого на его месте, но тот не доступен, пусть хотя бы будет этот.

Я ходила за Пашей, который показал мне сперва кухню, на столе стояли большие пакеты со всяческой едой.

Потом была гостиная, наверное, как ещё назвать большую комнату. У стены стоял большой диван книжка, напротив, в старомодной стенке, забитой книгами, стоял телевизор. Большой стол посередине, рядом разномастные стулья. На полу вытертый ковер. На облупленном потолке пятирожковая люстра. В комнате очень мало света, потому что два окна, просто очень грязные и дневной свет не до конца проникает сюда.

Потом Паша показал мне санузел. Здесь хоть порадовал, потому что был и унитаз, и ванная с душем. Относительно чистые.

Был ещё второй этаж, с маленькой комнаткой, и узкой кроватью. Здесь стоял большой шкаф, захламленный всяким тряпьем.

Мы вернулись вниз.

— Рассмотрю все пакеты, там должна быть сменная одежда, бельё для вас, все мыльно-рыльные принадлежности, всё что понадобится. В кухне ты видела много продуктов. Вам хватит, если что связь через Петровича держи. Он завтра придёт вам печку снова растопит.

— Понятно, — вздохнула я. — Дай родителям позвоню, они нас сегодня ждут в гости.

Паша протягивает мне свою трубку, и я быстро на память набираю мамин номер.

Разговор выходит трудный. Мама, никак не может понять, какие это обстоятельства, что мешают нам с Андреем приехать. Я юлю, выдумываю, не говорить же, в самом деле, что нас украли, а теперь прячут.

В общем, мама расстроилась, я тоже.

— Ну, чего ты киснешь, Юль? — видимо проникся моим понурым видом Паша.

— А он приедет? — вдруг поняла, что это самое важное для меня.

— Не знаю! Представляешь, он мне до сих пор не докладывает, — съязвил Паша. — Давайте умывайтесь, и поешьте, потом и новый год встретите, нечего грустить! — Паша глянул на часы. — Всё я погнал. С наступающим!

— Паш, — окрикнула его у самого порога.

Он обернулся.

— Спасибо, — грустно улыбнулась ему.

— Слава Богу, она сподобилась! — в своей привычной манере начал он хохмить.

— Да иди ты! — отмахнулась я, чувствуя, что настроение меняется.

— Всё пока, — улыбнулся он, и вышел.

Потом ушёл Петрович, пообещав вернуться завтра, и поздравил с наступающим.

И мы остались одни.

6

Первым делом, мы умылись и накинулись на еду. Откопали в пакетах, всякие мясные нарезки, сыр, хлеб. Консервы, паштеты. Были какие-то пироги, по запаху мясные. Много овощей. Много фруктов. Сок. Вода. Шампанское. Газировка. Всякие сладости. В общем сплошной калорийный сухпай. Очень вкусный, надо сказать, особенно когда просидишь в подвале, не зная выживешь ты или нет.

К вечеру, я заставила помыться Андрея. В пакетах нашлось всё, как говорил Паша, и полотенца, и сменная одежда, и бельё. Правда трусы, и майка для Андрея были великоваты, как и сменные джинсы и футболка.

У меня же был интересный набор, из комплекта хлопковых трусов неделька и маек, и длинной футболки, которая доставала мне почти до лодыжек. Но зато это всё было новое, и приятно было его надеть на чистое тело. Ещё в пакетах нашлись новые комплекты постельного белья, что тоже приятно, если судить в каком состоянии дом.

Я приготовила праздничный ужин, из того что было. В основном это были бутерброды, и овощной салат. Андрей тем временем мучился с антенной от телевизора. Хотелось по привычке посмотреть какой-нибудь старый фильм, или концерт. Но телевизор шёл с помехами, и сын мельтешил по всей комнате, выбирая, где поставить злосчастную рогатину, чтобы хоть что-то был видно. Наконец что-то вышло. С экрана запела знаменитая певица, комната наполнилась звуком.

Я накрыла стол, и мы уселись. Я прижала Андрея к себе, и постоянно нацеловывала, и шептала, как я его люблю. Сын блаженно растянулся, уплетая бутерброд, и смотрел телевизор. И в сущности это был самый классный новый год. Мы живы, в тепле, сыты, и мы вместе.

Как мы уснули? Прямо за столом вырубались. Я, правда, когда начала валиться, пришла в себя, и поддержала сына.

— Андрюш, пойдём, я тебе наверху постелила, — я повела сонного ребёнка по скрипучей лестнице вверх. Уложила в кровать, полежала рядом, борясь со сном, а может и, не борясь, потому что пару раз я засыпала. И когда я снова начала вырубаться, решила что надо вставать, вдвоём на этой узкой койке, неудобно.

Я поцеловала Андрея и вышла, притворив за собой дверь. В гостиной так и вещал телевизор, и давал приглушённый свет. Я проскрипела вниз, по лестнице, решая по пути, куда деть недоеденное, да так и встала на пороге.

Кир сидел за столом, ко мне лицом. Вся его огромная фигура была подсвечена экраном телевизора. Он, молча, смотрел на меня, замершую на пороге. Сидел, широко расставив ноги, немного сгорбившись. На лице читалась усталость, и светлые глаза сейчас в полумраке комнаты казались темнее.

— Иди ко мне, — три слова, тихим низким голосом, отозвавшимся дрожью по всему моему телу.

Я облизываю пересохшие губы, и никак не могу вспомнить всё то, что собиралась ему сказать. Просто всё из головы вылетает. После этой хриплой просьбы, после этих слов.

И я иду.

Шаг за шагом, в этих дурацких тапках, и длинной футболке.

Мы так долго не виделись.

Интересно он видит во мне какие либо изменения. Подмечает, что я поправилась, потому что, у меня бывают ночные набеги на холодильник. И грудь моя стала пышнее, и наливается с каждым днём.

Отмечает ли он, как я смотрю на него, выискивая в его чертах, только мне приметные детали. Тонкий шрам на брови, и чуть заметную горбинку на носу.

Делает ли он тоже самое?

Тянет ли он воздух, чувствуя мой аромат. Особенный, принадлежащий только мне.

Потому что я, стоит мне только сделать пару шагов к нему, ощущаю, и горечь, свойственную его парфюму, и тонкую древесную нотку, а когда подхожу вплотную, улавливаю тонкий запах бензина, чуточку пота.

Всё это будоражит, и руки мои трясутся, когда я несмело, касаюсь его щеки. Веду по мягким волоскам бороды, рассматриваю его лицо, пристально, внимательно.

Что я там хотела ему сказать, ещё тогда когда он исчез в первую неделю?

Что он гад. Узнать, почему бросил.

А потом...

Потом, тоже были одни ругательства, и обжигающее чувство одиночества, пустота там, где сердце.

И потом, когда благодаря ему нас подвергли опасности, тоже, ничего доброго сказать ему не хотелось.

И вот он сейчас рядом. Желанный объект моих мечтаний. Такой невыносимый, и непримиримый, выводящий меня на эмоции, и самый сногшибательный мужчина в моей жизни.

Он притягивает меня ближе и зарывается лицом в моей груди. Дышит с рычанием. Втягивает аромат, и даже через ткань футболки, меня обжигает его горячее дыхание. Ладони скользят по спине, верх, вниз, судорожно ощупывая, оглаживая моё тело. Словно он хочет убедиться, что я не сон. Что я реальна. Можно подумать, что порой ему приходилось видеть мой образ, и сейчас, он тактильно подтверждает моё наличие рядом с собой.

А я, зарывшись пальцами в его волосах, глажу его, склонившись к пропахшей табаком голове. Какой родной и гармоничный аромат. Меня сейчас часто тошнит, от запаха табака, а его запах хочется поглощать, дышать ненасытно, чтобы запомнить, чтобы запечатлеть.

Я вздрагиваю, когда он проводит ладонью по животу, касаясь его невзначай, мимоходом. Гладит мои бёдра, и утягивает к себе на колени. Сажусь и кладу голову ему на грудь.

Кир целует мою макушку, и закрывает в объятиях. Сжимает бережно руки, и держит. И так удобно и комфортно. Не хочется говорить, и выяснять что-то. Хочется наслаждаться этим теплом, уединением. В этой убогой комнате. В странном доме. Сидеть на коленях любимого человека, и впитывать эту неожиданную ласку, без намёка на пошлость. Так словно, он тоже скучал.

Страдал.

Тосковал.

И словно он любит меня.

7

Я задремала, а поняла это, когда меня разбудили взрывы фейерверков.

Надо же, даже в этой глуши, и то не скрыться, от ставшей уже привычкой, у наших

людей палить в небо по любому поводу.

Вскинула лицо.

Телевизор так и светил экраном разгоняя темноту. На экране люди веселились, жгли бенгальские огни, пили шампанское. Звук еле-еле долетал до нас.

Оторвала голову от твердой груди.

Мы сидим за столом. Кир по прежнему держит меня на руках, а я без зазрения совести уснула, наконец, почувствовав его тепло, по которому так тосковала.

— С новым годом! — шепчу, заглядывая в усталое лицо.

— С новым годом, — повторяет Кир.

— Что дальше? Опять уйдёшь? — решила я не тянуть, сразу расставим все точки.

Его лицо не меняет отстранённого выражения. Он смотрит на меня, но словно сквозь.

— А ты хочешь, чтобы я остался? — наконец подаёт он голос.

— А тебя волнуют мои желания? — выдаю с обидой, потому что, не смотря на все те трепетные чувства, что взмыли у меня в груди, при его появлении, ещё тяжёлым осадком давила обида.

— Если захочу остаться, позволишь? — спрашивает он, игнорируя мой выпад. И честно говоря, сбивает с толку, потому что именно спрашивает. Не давит, не утверждает. А ещё я и сама не знаю, позволю ли.

Нет, я знаю, что хочу его. Хочу, чтобы был рядом, хочу, чтобы любил. Но между нами же пропасть... Это тогда, мы играли в подобие отношений, но сидение в заброшенном подвале отрезвило меня. Ведь всё могло сложиться не так удачно, а сколько ещё вот таких Сарханов может быть. И это вносит коррективы... Да и не достаточно мне теперь роли одной из его «девушек». А большего он мне вряд ли предложит.

— Остайся на эту ночь, — нахожу компромисс между своими желаниями и доводами разума. В конце концов, у нас не было никакого прощания, путь эта праздничная ночь сойдёт за него.

Кир молча, поднимает меня на руки и несёт к расстеленному дивану.

Как мы с Андреем корячились, чтобы разложить эту книжку!

Он аккуратно опускает меня на постель, садиться рядом. Гладит мои плечи, ладони скользят ниже, очерчивают грудь, потом живот, бёдра. И сейчас в этой ласке нет ничего порочно, просто нежное поглаживание. Он не отводит свои серых глаз от меня. И в них таких холодных, сейчас сверкает боль.

— Я сперва отдал за тебя миллион, — говорит он, поднимаясь рукой к моей шее, смыкает пальцы, но не давит, нежно поглаживает, — сегодня, почти всё, что имел!

— Ты боишься, что прогадал? — язвлю я.

— Я ничего не боюсь, — отстраняется он, и выпрямляет спину, убирает ласкающую меня руку, — вернее до определённого времени не боялся ничего! А потом стал бояться тебя потерять. Когда ты, как ненормальная кинулась на нож своего мужа, тогда и осознал. Словно момент истины. Понял, что если тебя не станет, и тогда и мне пиздец. И тогда я решил уйти сам. И ушёл.

— Тебе стало легче?

— Легче, — усмехается он, и потирает глаза, — по мне не видно, как я свечусь от счастья.

— Кир, ты ушёл, и прекрасно дал мне понять, что я не нужна тебе...

— Я стал уязвим, Юля, благодаря тебе, на меня теперь можно надавить...

— Ты мог отказаться от всех условий этого... Сархана, — фыркнула я, сложив руки на груди.

— И смотреть, как вас рвут на куски? — приподнял он бровь.

— Зато ты бы остался неуязвимым, — продолжала гнуть я свою линию.

— Это да, — кивнул Кир, и огладил свою бороду, — неуязвимым, богатым, и съехавшим с катушек!

— Поэтому нам не стоит продолжать дальше... Мне тоже не понравилось быть разменной монетой... Ты даже не представляешь, что довелось пережить нам с Андреем...

— Я уйду, красивая. Сделаю так, что больше не услышишь обо мне. Не увидишь никогда. И никто тебя больше не тронет, обещаю.

— Да, так будет лучше, — выдавливаю из себя, а сама, впиваюсь пальцами в его футболку, притягивая ближе.

— Для нас обоих, — продолжаю тянуть его на себя, а он покорен моим движениям, и смотрит только на мои губы, и его светлые глаза сейчас, темны, как провалы, но мне всё равно в них чудиться искры, а может это отблески от света телевизора.

— Сделаю, как скажешь, красивая, — жарко шепчет, обрамляя моё лицо своим дыханием, а сам уже задирает мою футболку, жадно сжимая моё тело. И оно реагирует моментально, подстраиваясь, выгибаясь, вспоминая.

Успеваю коротко застонать, перед тем как его рот накрывает мой, и язык нетерпеливо раздвигает мои губы, ныряет глубоко.

Слишком я соскучилась по нему. Трудно совладать с собой, когда тебе дают, то чего ты так долго жаждал. А я очень хотела его. Не пересчитать сколько, ночей подряд я просыпалась, с чётким ощущением его в себе. Как горело моё тело только от одних воспоминаний, об этих грубых поцелуях, о дерзких, бесцеремонных руках. Сколько раз, разочарование заволакивало моё сознание, и я лежала вся в слезах, понимая, что больше не увижу его никогда.

Кир нетерпеливо рычит, и носом шумно хватает воздух, и стонет так проникновенно, мне в рот, низко и протяжно. Наши языки сплетаются, в бешеном ритме. Я обхватываю его за шею, привлекаю ближе. Он тяжело наваливается сверху, и тянет мою футболку ещё выше, пока не разорвав поцелуй, скидывает её с меня.

Отстраняется, смотрит, словно проверяет, я ли перед ним. Его взгляд движется вместе с руками, которые гладят, сжимают, давят мою кожу. Лихорадочно, алчно, и я выгибаюсь ему навстречу. Готовая отдать всё.

Тяну вверх его майку. Также хочу ощутить жар его тела, провести по гладкой коже ладонями, зацеловать всё его тело. Он даётся мне, но ненадолго, как всегда, перенимает лидерство, и мне остаётся только, вцепиться в его плечи, когда он склоняется и жадно целует мою грудь, втягивая в рот мои соски, царапая их зубами. Грудь сейчас стала такой чувствительной, что я почти кончаю, только от одних этих ласк. Его отросшая борода щекочет мою кожу, когда он продолжает дорожку из поцелуев вниз, оглаживая мой пупок. Нежно гладит мой живот, спускаясь всё ниже, и ныряет между ног, влажно и длинно лижет моё лоно.

Я зажимаю себе рот, чтобы не стонать громко, но очередное его влажное движение, подкидывает меня, выгибает, и с губ срывается вскрик. Я кидаю взгляд на закрытые двери комнаты, остатками ума понимая, что нужно вести себя тише, и не разбудить Андрея. Но с Киrom всегда так ярко, что удержать свои эмоции почти невозможно.

Он тем временем, нетерпеливо стягивает джинсы, и одним быстрым движением погружается на всю длину, сгибая мои ноги в коленях, и соединяя наши тела, тут же целует, передаёт мой вкус со своих губ.

В голове мелькает мысль, что нужно попросить его ослабить напор, он может навредить ребёнку, но сил хватает только вымолвить:

— Чуть медленнее, прошу.

Но и это срывается, он притормаживает, замедляется, и я, расслабляясь окончательно, позволяю мыслям утечь, и сосредоточится на удовольствии.

А после мы лежим, слившись в объятиях друг друга, слушая дыхание, тихий гомон телевизора, ощущаем замедляющееся сердцебиение, и думаем наверняка об одном.

О расставании.

8

— Ах ты, маленький ростовщик, решил уморить меня налогами, — беззлобно ворчит Кир.

— Плати, или в тюрьму, — это уже Андрей.

Я прищуриваю один глаз и выглядываю из под одеяла. На улице уже день. Комната залита дневным светом.

Кир и Андрей сидят за столом и играют в Монополию.

Я приподнимаюсь, и сажусь, кутаясь в одеяло.

Честно, я думала, что он уйдёт, ещё до пробудки, и совсем не ожидала увидеть их совместную игру с Андреем.

— О, красивая, мы тебя разбудили? — оборачивается Кир.

Он гладко выбрит, свеж, и очень даже улыбочив. И видимо решил задержаться.

— Привет, мам! — машет Андрей.

Сын тоже опрятно одетый в сменные вещи, сидит довольный за столом.

— Привет, — я встаю, и потягиваюсь, откидываю одеяло, и надеваю тапки, — давно вы встали?

— Да не очень, — отмахивается Кир, и кидает кубики.

— Завтракали? — прохожу мимо, заглянув в развернувшуюся баталию. У Кира почти нет, ни денег, ни предприятий, зато у Андрея их складывать некуда.

— Да, дядя Кир, пожарил мне яичницу, с сосисками, — кивнул Андрей.

— Какой дядя Кир, молодец, — хмыкаю я, и бросаю взгляд на невозмутимого Кира.

— А то, — криво улыбается он, — умывайся, и тебя накормлю.

Он поправляет отросшую челку, что падает ему на глаза, а я бесстыже залипаю на прокаченном бицепсе, под разрисовкой кожей. Черная футболка не скрывает прочие выдающиеся мышцы, и я беззастенчиво скольжу взглядом, по его фигуре, пока не натыкаюсь на его взгляд, под вздёрнутыми бровями.

Кир смотрит насмешливо, и я тут же отворачиваюсь.

Я спешу ретироваться в ванную. По ходу натыкаюсь на Петровича, который шуршит у печки. Мы здороваемся, и я проскальзываю за дверь санузла.

Привожу себя в порядок, заплетаю косу, натягиваю на свою футболку, длинный тонкий джемпер, и выхожу.

Кир и Андрей так и продолжают играть, немного сдвинулись, для моего завтрака. На тарелке лежит пожаренный омлет и две сосиски, свежий хлеб, и большая кружка чая, рядом конфеты.

Я сажусь за стол, от омлета приятно пахнет, а вот сосиски вызывают во мне сомнения. Но мне не хочется обижать Кира, и я делаю большой кусок омлета, и маленький отламываю от сосиски.

— Вкусно, — говорю, прожевав, и наконец, поднимаю глаза.

Кир отрывается от своих бумажных сокровищ, и смотрит на меня.

— А по виду не скажешь, — скептически тянет он.

— Это из-за ребёнка, — выдаёт Андрей, и Кир тут же переводит взгляд на него, — маме часто плохо по утрам.

Я давлюсь злосчастной сосиской, и начинаю кашлять. Мысли мечутся в голове, но надсадный кашель не даёт сосредоточиться ни на одной.

— Из-за ребёнка? — удивляется Кир.

— Да, у мамы будет ребёнок, она сказала мне, когда нас украли, — сын бросает на меня взгляд, а потом переводит опять на Кира, видимо поняв, что сказал что-то не то. Потому что у Кира такое вытянутое лицо, а я и вовсе, вылетаю из-за стола, и бегу в ванную, потому что весь съеденный завтрак проситься назад.

Меня выворачивает, и сразу становится легче, но как только я оборачиваюсь к раковине, чтобы умыться, тут же натыкаюсь на Кира, который застыл в проходе.

— Это что за новости, красивая?

— Вот такие новости, — жму плечами.

— И кто отец?

— А сам как думаешь? — начинаю закипать, — наверняка же следил, знаешь, что никого у меня не было.

— Ты сделала это специально? — вроде вопрос, но больше обвинение.

Я резко оборачиваюсь.

— Ты совсем уже со своими бабами, верить людям перестал. Если ты не помнишь, я к тебе в постель не стремилась, ты меня не спрашивал, просто брал.

Его взгляд наливается сталью.

— Я так понимаю, сообщать ты мне не собиралась?

— Когда я должна была тебе об этом сообщить? — мой голос дрожит от гнева. — Когда ты ушел, или также внезапно вернулся! Когда?

Но в глубине души я чувствую вину, и это злит меня ещё сильнее.

— Ну, если это мой ребёнок, тебе не кажется, красивая, что я как минимум должен знать об этом, — чеканит Кир, нисколько не делая мне скидку на мой расхристанный вид.

— Как минимум, теперь ты знаешь. Что изменилось?

Меня вдруг резко накрывает такой апатией. Я перестаю злиться, и даже обижаться, просто атрофия всех чувств.

Кир молчит, сверлит меня взглядом. По его лицу всегда было трудно читать эмоции, но эта его каменная физиономия говорит сама за себя.

Ничего не изменилось, и не изменится. Конечно, мне хочется, и его признаний и его любви. И я понимаю, что огорошила его, и разозлила. Но получилось, как получилось, и надо исходить из сложившихся обстоятельств. Но он не готов, а ждать когда он созреет, я не готова.

— Уходи, — говорю и отворачиваюсь.

И он уходит, не проронив больше ни слова.

— Мам, а куда Кир уехал, мне он понравился, — спрашивает сын, отрываясь от экрана нового телефона.

Я, не совладав с эмоциями, разревелась в этой злосчастной ванной, и теперь шмыгала красным носом.

— Не знаю, Андрюш, — вздыхаю я и начинаю убирать со стола.

— Мам, вы поругались? — спрашивает сын.

— Да, Андрей, поругались, — отвечаю, не глядя на сына.

— Жаль, Кир классный! — развивает тему ребёнок.

— Да? И чем же? — смахиваю слезинки.

Интересно, чем подкупил сына, Ямал.

— Он обещал меня научить машину водить, говорит, у него есть спортивная, да и просто интересно с ним, — мечтательно тянет Андрей, а мне кажется, что всё проще, новый телефон, крутой марки, который Андрей не выпускает из рук, тому виной. Ну что ж, у всех у нас есть, чем нас можно подкупить. Андрея телефоном, меня лаской, и признанием в любви. Вот только мне уж точно ничего не светит.

После обеда одеваемся и идём гулять. Нет совершенно никаких сил, сидеть в этой избушке. На улице так классно. По нетронутой целине снега, искриться солнце. Оно сверкает так ярко, что больно глазам. Андрей, не стесняясь, прыгает в ближайший пухлый сугроб, и делает ангела. Хохочет так заразительно, что я тоже не удерживаюсь, и падаю рядом. Вскоре весь двор перепахан нами, не остаётся не одного не примятого сугроба. Потом веселимся, играем в снежки. Печаль отступает, я даже забываю на время, про Кира. Бегаем пока не замерзаем окончательно. Дома развешиваем всю мокрую одежду, и, переодевшись, сидим перед телевизором, смотрим Шрека и пьём горячий чай.

Вечером приходит Петрович, подтопить печь. Я вылетаю в коридор, и разочарованно здороваюсь с ним. Почему то мелькнула мысль, что это Кир. На что надеюсь, глупая, ведь сама его послала.

Я понимаю, что мне третьего на работу, начинаю выяснять у Петровича, что шустрит у печки, как отсюда выбираться, и может ли он в этом помочь.

— Не раньше десятого, — отвечает мужчина, выгребая угли на поддон.

— Офигеть! Мне так-то третьего на работу! — я опираюсь о стенку.

Что же делать? Надо хоть Иришку предупредить, хотя, если она с Пашей, то наверняка в курсе. Петрович только жмёт плечами и продолжает работу.

И телефон-то есть, но самое обидное, что наизусть я помню только номер Андрея, Юры, мамы, и Кира.

И кому звонить?

Ладно, подождём до завтра, там решим, как выбираться.

Весь этот ворох мыслей не даёт заснуть. Время полночь, и я ворочаюсь, неумолимо ловлю его запах от постельного белья, что остался с прошлой ночи, и в голове так и долбит, что всё бы я стерпела, лишь был рядом. И так погано, от осознания своей никчёмности, что я соскакиваю, и прямо в темноте начинаю срывать со старого дивана постельное бельё, скидываю его на пол. А потом, завернувшись в плед, снова падаю на диван, приказывая себе не думать о нём, и не прикидывать варианты, как оно могло бы быть.

Что-то тревожит мой сон, и я открываю глаза.

Он сидит рядом.

Сперва неверю, списывая всё на своё воображение, но он шевелиться и не смотря на

темноту становиться вполне осязаемым. Я резко сажусь, и, повинувшись порыву, обнимаю его, утыкаюсь носом в грудь, и тяну родной аромат и тепло.

Проиграла тут же, даже не начав.

Кир отстраняет меня от себя и вталкивает мне в руку, что-то твёрдое и бархатистое.

— Что это? — я верчу перед глазами, но тут такая темень.

— Подожди, — Кир достаёт из кармана телефон и включает фонарик, наводит на мои руки. На них я вижу маленькую коробочку.

— Что это? — опять повторяю я.

— Это предложение, — поясняет Кир.

— Предложение? — как полоумная переспрашиваю я.

— Не тупи, Юля, — видно, что он нервничает, — предложение стать моей женой.

— Женой? — мои глаза ещё больше, и я снова смотрю на коробочку.

Он нетерпеливо берёт её из моих рук, и открывает, и вытаскивает кольцо, тянется к моей руке.

— Я не могу, — прячу руки.

Вопреки всем своим желаниям действую, хотя казалось вот оно, то чего я так хотела. и он сам пришёл к этому.

Но нет...

— Это ещё почему? — в его голосе слышится сталь.

— Ты женат, — я соскакиваю на ноги, прямо на диван, и отхожу по нему к стене.

— Ко времени нашей свадьбы, разведусь, — Кир тоже встаёт, и светит фонариком прямо на меня.

Я прижалась к стене, жмурюсь от света.

— Всё? — ой как нехорошо звучит его голос.

— Нет, — выдыхаю я.

— Нет? — удивляется он, откидывает телефон.

На мгновение становиться темно, но потом вспыхивает люстра.

Кир стоит у стены и исподлобья режет тяжёлым взглядом. Я остаюсь на своём месте, смотрю исподтишка, пытаюсь отсюда оценить нанесенный его гордости ущерб.

— Ну и? — делает шаг навстречу.

— Ты должен завязать, — набираюсь смелости, — не хочу сидеть по подвалам, и трястись от ужаса, за себя и за своих детей.

— Охуеть, — присвистывает он, — значит трахаться со мной можно, детей заводить, а замуж пойти, ряд условий!

Кир останавливается у дивана.

— Если что, ты уже со мной повязана, красивая, после того как я перед всеми вписался за тебя, — цедит он сквозь зубы.

— Кир, почему ты не хочешь прекратить всё это...

— Юля, давай ты не будешь совать свой нос туда, куда взрослые дяденьки бояться лезть, — рычит он.

— Это моё условие, Кир! Я не выйду за тебя, пока ты бандит! — верчу головой.

10

Он как был в ботинках, залез ко мне на диван, упёр руки в стену по бокам от меня, и впился таким убийственным взглядом. Его лицо даже побледнело от бешенства.

— У твоей борзоты вообще нет пределов, красивая? — цедит он, а я слатываю от

страха, но даже глаза не рискую отвести. — Ты чё, вздумала мной проигратся? Как мальчика меня погонять? Выебушки мне тут корчишь? Зачем всё это?

— Вот именно, Кир, зачем? — не остаюсь я в долгу. — Мне не нужно от тебя номинальное кольцо, и звание твоей жены.

— Да, а что же тебе нужно?

— Мне нужны гарантии, Кир. Если я с тобой, то я и мои дети, не должны быть в опасности, понимаешь.

Мы режем друг друга взглядами, непримиримыми и бескомпромиссными.

— Ты думаешь, это так просто? Раз и всё, я мальчик-колокольчик! — говорит, наконец, Кир.

И мне не верить. Неужели я продавала свою позицию? Морально я уже была готова к тому, что мы всё же попросимся окончательно.

— Нет, не думаю, что это просто, но ты даже не собираешься этого делать! У тебя даже намерения такого нет. А значит, оставим всё как есть! — я поправляю футболку, что сползла с моего плеча, и он прослеживает этот жест взглядом.

— Нет, — говорит тихо, словно только сейчас принимает решение, раздумывает, — не оставим. Я подумаю над этим, — уже глухо заканчивает он, принимая поражение. — Но завтра же, вы переезжаете ко мне, — уже уверенно, и за подбородок моё лицо поднимает, — и ты перестаёшь трахать мне мозг, становишься покладистой, и послушной! — рычит в мои губы.

— И что, я должна поверить тебе на слово? — чисто из вредности верчу головой, скидывая его руку, и пытаюсь оттолкнуть. А ещё мне не верить, что он согласился на мои условия.

— А когда я тебя обманывал? — взгляд Кира наливается хищным блеском, скинутая рука, скользит по моим бёдрам задирая футболку. Видимо он решил, что мы обо всём договорились, раз решил преступить к действиям.

— Тебе напомнить про твою жену, — не сдавалась я, ну по крайней мере, старалась, потому что так легко скинутая рука с подбородка, совсем не хотела убираться с моего бедра, и неумолимо ползла выше. А твёрдое колено вклинивалось между моих ног, разводя их.

— Я не врал. Просто не считал нужным говорить, — хмыкает он, и одним резким движением подсаживает меня на свои бёдра. Я только охнуть успеваю, и вцепиться в его плечи. Он тут же вминает меня в стену своим телом, и я прекрасно чувствую, как он возбуждён.

— Где гарантии, что тебе не захочется умолчать еще о чём-нибудь? — ёрзаю у него на руках, по факту теснее притираюсь, и подстраиваюсь под него.

Кир держит крепко одной рукой меня под ягодицы, зажав между собой и стеной, а второй сдирает с плеча футболку, оголяя грудь.

— Неужели не понимаешь, что всё по-другому сейчас? — голос его приятно хрипит, а горячие губы, ползут по моей коже, подбираясь к оголенной груди.

Я вздрагиваю от внезапного укуса в плечо, и почти упускаю нить разговора, от сладкой боли, что ползёт по телу.

— По-другому? — вырывается из меня стоном.

— По-другому, — вторит мне Кир, втягивая в рот острый сосок, и лишая меня на мгновения дара речи. Так сладко мне от его поцелуев, от его крепких объятий, от крупной дрожи его тела, что уже хочется откинуть все сомнения, и отдаться на волю чувствам, но...

— Скажи, Кир! — вырывается из меня с такой мольбой, что он останавливается и снова смотрит своим затуманенным взглядом.

Мы замираем, считывая эмоции друг друга, и передавая дрожь своих тел.

В его глазах мне кажется многое, и в том числе страх. Страх измены и обмана, и мне хочется утешить его, заверить, что я никогда не предаю его, но я молчу, пытаюсь на ментальном уровне передать ему все свои чувства.

— Всё по-другому, Юля, — наконец говорит он, — потому что, я люблю тебя!

— Любишь? — вырывается у меня, словно не верю ему, хотя всё моё существо уже ликует.

— Люблю. Заноза моя. Наркота моя, — он говорит это и так смотрит, что одним своим взглядом плавит. А когда, отмерев, быстро разбирается с нашей одеждой, что стоит препятствием между нами, и входит одним толчком, и вовсе выносит мою душу из тела.

Я склоняюсь ему навстречу, и сама впиваюсь в его губы, сцеловывая жадно его вкус, и те сладкие слова, что осели на них.

Кир впивается в мои ягодицы, ещё сильнее и, кажется, хочет меня растворить в себе, так сильно прижимает, что я немного теряюсь от лёгкой асфиксии. Голова итак кругом, и всё происходящее словно не со мной, но в то же время каждая моя клеточка поёт от счастья.

— Люблю тебя, люблю, — уже забыв обо всём, кричу от восторга, что топит меня. Я и нескольких минут не продержалась, мне хватило всего нескольких толчков, чтобы забиться в экстазе. Но и Кир догоняет меня следом, блаженно выдыхая, горячим дыханием в лицо.

— Охуеть, красивая, год начинается! — говорит он, улыбаясь, и не давая опомниться, снова целует, уже без надрыва, почти нежно, и так опьяняюще, что на глазах моих выступают слёзы, от переполняющих меня эмоций.

— Юль, заканчивай, сырость разводить, — беззлобно ворчит Кир. Но, тем не менее, нежно стирает со щёк моих влагу, и аккуратно ставит меня на подрагивающие ноги.

— Это всё гормоны, — оправдываюсь я.

Он достаёт из кармана коробочку с кольцом, и протягивает мне. Я вытягиваю его из коробочки, и рассматриваю в тусклом свете люстры.

Тонкий ободок из платины, с россыпью бриллиантов.

Красивое.

Элегантное.

Остаётся только удивляться, где он его раздобыл в праздничные дни.

— Мне нравится! — улыбаюсь я.

— Ну, так давай надену, — Кир забирает кольцо, но я опять прячу руку.

— Что опять? — обречённо вздыхает он.

— Ну, это же предложение, и...

— Ты хочешь, чтобы я встал на колени? — прожигает взглядом.

Я, молча, кусаю губы.

— Мало я у тебя в ногах валяюсь! — ворчит, но с мятой постели слезает, и управляет сползающие джинсы, встаёт на колени.

Реально встаёт на колени.

Красивый, чёрт!

Весь взъерошенный.

Сильный, и буйный Ямал, стоит передо мной на коленях.

— Красивая, ты первая в моей жизни женщина, перед которой я стою на коленях, —

хрипит его голос, а я, не отрываясь, смотрю на него, и залипаю на этого бога. Мне кажется, что в этот момент я заново его полюбила, потому что, он не только может подчинять и прогибать, но и сам может подчиниться и прогнуться.

— Надеюсь, ты ценишь это!

— Я ценю, Кир, — подползаю к нему, и кидаюсь на шею, — и очень тебя люблю!

— А замуж-то пойдёшь? — спрашивает он, отрываясь от моих губ.

— Да, — и Кир, наконец, надевает мне на палец кольцо.

11

— Это чё за наряд? — Кир ловит меня у гардеробной, откуда я выскакиваю, торопясь, натягиваю жакет. Он стоит по своему обыкновению, положив руки в карманы брюк. На нём тонкая голубая рубашка, и сверху пиджак. На ногах начищенные туфли.

Я озадаченно оглядываю белую блузку, и черную юбку-карандаш.

— А что не так, классическое сочетание! — фыркаю я, и пытаюсь его обойти.

Мы итак уже опаздываем. Приходиться торопиться, потому что до Андрюшиной школы, как минимум минут двадцать. Конечно, могли бы доехать и за десять, но мне мои нервы мне ещё пригодятся.

— И куда ты такая классическая собралась? — фырчит Кир, и не даёт пройти.

— На работу, — я искренне, не понимаю, что не так.

Скромная блузка, ну да немного, облегает грудь, но у меня сейчас всё облегает грудь. Она с каждым месяцем наливается больше. И это только третий месяц, я боюсь представить, какой размер будет дальше. Всё бюстгальтеры пришлось покупать заново. Ну и юбка, тоже вполне себе невинная, ниже колен, по фигуре, немного облегает наметившийся животик. Очень элегантный образ.

— Переоденься, — командует Кир, и складывает руки на груди, тем самым показывая, что спорить, не намерен.

Но я все же, пытаюсь.

— Кир, да что на тебя нашло, мы итак опаздываем! — я пытаюсь его обогнуть, но он ловко подцепляет меня, и разворачивает к гардеробной.

— Сиски вываливаются, и жопа вся в обтяжку, так что член в штанах шевелиться, поэтому переодевайся! — доходчиво поясняет он.

— Да, это потому что ты озабоченный! — фыркаю я, хотя уже понимаю, что проиграла. — Я всё равно надену форму на работе!

— Допиздишься, — угрожает он, — вообще работы не будет.

— Да, пожалуйста, — совершенно не убоялась я, и стянула жакет, и бросила его ему под ноги.

За месяц, что мы живем вместе, такие стычки случаются постоянно. Кир ревнивый собственник. То ему не тот наряд на мне, то я вызывающе накрасилась. И каждый раз в завершении ссоры бурный секс, словно он доказывал мне, кто тут хозяин.

По началу, первую неделю, мы почти не спали по ночам. Здесь в этой огромной спальне, в его загородном доме, где никто не мог потревожить нас, и я совсем расслабилась, не боясь, что услышит Андрей, потому что, его комната была в противоположном конце коридора. Не переживая, что он невзначай зайдёт, потому что дверь всегда запиралась на замок, я позволяла, делать Киру с собой, всё что ему заблагорассудится. И порой я выползала из под него, на последнем дыхании. Он был, неутомим. Не слышал моих жалоб, что я устала, и больше не могу, зажигал меня снова, своими умелыми ласками, и я горела, вновь и вновь.

Но сейчас было не до выяснения отношений, и уж тем более не до секса. Я остервенело, расстегиваю блузку, срываю её со своих плеч, потом снимаю юбку, остаюсь перед ним, в одном нижнем белье, и колготках.

— Тиран! — кидаю ему, и скрываюсь в гардеробной. — Узурпатор!

В бешенстве переворачиваю полки с одеждой. Натягиваю широкие брюки, и свободны свитшот, ищу глазами кроссовки.

— Пойдёт! — выхожу к нему.

Кир вроде бы лениво отрывает взгляд от телефона, но смотрит цепко. Ничего не отвечает, что само по себе ответ, означающий, что он удовлетворён моим видом, и мы, наконец, спускаемся вниз, где нас уже ждёт Андрей.

Дорога занимает пятнадцать минут, стараниями Кира, который гонит, под моё неодобрительное шипение. Но зато Андрей успевает на уроки. Провожая его до дверей, и целую, возвращаюсь в машину.

Едем до моего отеля. Кир молчит, что само по себе уже плохо. Он злиться на меня, потому что в очередной раз я «вытрахала», ему мозг, как он выражается. Я тоже молчу, потому что он разозлил меня очередной собственнической выходкой. Но когда мы подъезжаем к отелю, он мягко притягивает меня к себе, нежно целует и гладит мой живот.

— Я заеду вечером, — мурлычет он мне в губы, когда я совсем разомлев от ласк, забываю обо всём, растекаюсь по нему.

— Как и всегда, — хриплю в ответ, и подставляю губы для новой порции поцелуев.

— Опоздаешь, — смеётся Кир, и снова целует.

Опоздаю, конечно, но вот так ласково, у нас не всегда, и поэтому хочется насладиться этим моментом по полной. Но приходится остановиться, потому что его руки совсем осмелели, и я знаю, чем это чревато, с него станется разложить меня прямо в машине, ведь он не ведает что такое совесть. Я отрываюсь от него и поправляю макияж, стараясь не обращать внимание, на его голодный взгляд.

Боже мой, когда он насытится?

Смотрит, будто мы не виделись месяц, будто не было у нас бурной ночи, вот несколько часов назад. Я даже не рискую, больше, к нему приблизится, мило улыбаюсь его кривой усмешке, и выскакиваю из машины. Чувствуя пятой точкой, как её просто жжет от его взгляда.

Новогодний поток схлынул, и поэтому сейчас более менее, спокойно, а иногда даже и скучно. В такие минуты, трудно найти себе дело. Ленка откровенно залипает в телефоне, я же, как более ответственная, сканирую пустое лобби, размышляя на тему, чтобы съесть на обед, который уже близится.

Мой телефон пиликает. В мессенджере приходит сообщение от Кира.

Он пишет редко, предпочитает звонить. В моём телефоне он так и остался Ямал, и картинка ледокола. Однажды увидев это, Кир долго ржал, сказав потом, что более точного сравнения ему никто не давал.

Я открываю сообщение, и давлюсь воздухом.

«Красивая, пришли мне свои сиськи!» — пишет этот похабник.

«Нет» — даже не буду трудиться набирать текст, объясняя, что-либо.

«Давай, красивая, иди в туалет, сфоткай мне свой дыньки, только соски подкрути, чтобы торчали» — не унимается этот гад.

Мои щёки горят от стыда, а ещё я возбуждаюсь, как представлю себе это действие.

«Кир, не сходи с ума, ты на них ещё не посмотрелся? Зачем они тебе в телефоне?»

«Догадайся» — коротко в ответ, и я прямо таки вижу его ухмылочку на лице.

Не успеваю набрать ответ, как опять прилетает.

«Давай, не кочевряжься!»

Я обдумываю то, что он мне предлагает, представляю смогу ли я вообще пойти на такое.

«Кир, я не смогу» — пишу, наконец.

«Договор, красивая, щас приеду и разложу тебя прямо на твоей грёбаной стойке. Завела сперва с утра, потрясла перед лицом своими прелестями, а теперь заднюю даёшь!» — и я представляю, как он начинает собираться, потом, как ураган врывается сюда, и пусть на стойке у нас ничего не будет, но зато при всех утянет в номер, и продержит там неизвестно сколько.

«Манипулятор» — отправляю ему.

«Жду» — правильно понимает он, что я сдаюсь.

12

Предупреждаю Лену, что иду в туалет.

Для персонала, он отдельный. Мужской и женский.

Запираю сперва дверь самого туалета, а потом ещё и в кабинке прячусь. Наверное, сама от себя, потому что мне так стыдно, а ещё волнительно. Чувствую, как затянуло низ живота, и между ног стало влажнее.

Закрывает крышкой унитаз и села на него, и отложила на бочок телефон. Дрожащими пальцами расстегнула блузку, и посмотрела вниз.

Грудь упиралась в тонкое кружево бюстгалтера, плющась об него. Соски розовели под белой тканью. Четвёртый размер. Просто обалдеть. Она и раньше не была маленькой, но сейчас, налитая, в тонусе, казалась и вовсе огромной. Киру очень нравилось, зарываться в неё, мять, сжимать, шептать всякие пошлости, которые изощреннее самых откровенных ласк, и ещё делать ряд всяких похабностей, при воспоминании, о которых у меня горели щёки, и спазм простреливал живот.

Я порядком возбуждалась, поэтому, когда спустила вниз кружевные чашки, и дотронулась до торчащих сосков, не смогла сдержать стон. Низ живота болезненно затянуло, и я выгнулась, сжав бёдра. Облизала пересохшие губы, и пожалела, что Кира нет рядом.

До черных точек перед глазами его захотелось.

Дрожащими от возбуждения руками я взяла телефон и настроила камеру, навела на грудь, и обняла себя одной рукой, немного собирая её вместе. Мелкие розовые соски с тонкой ареолой смотрели прямо в кадр, белая пышная плоть вздымалась от моего частого дыхания. Я постаралась замереть и нажала на дисплей. И недолго думая, а вернее пока не передумала, отослала фото Киру.

«Заебись!!!» — пишет Кир, и не успеваю я оправиться, как прилетает ещё одно сообщение.

«А теперь пришли мне свою влажную киску!»

Я чуть телефон не выронила. Мне эта-то фотка далась с трудом, а он хочет зайти ещё дальше.

«Нет, Кир, прошу, не заставляй меня!» — строчу дрожащими пальцами.

«Я и не заставляю! Ты же сама хочешь! Раздвинуть ножки, и помассировать немного клитор, представляя, будто я тебя там касаюсь языком. Вылизываю так, что ты течёшь мне в рот, и ждёшь, когда я вставлю в тебя свой член, и отдеру так, что пар из ушей идёт!»

Я перевожу дух. Представляя всё в мельчайших деталях, даже слышу наше хриплое дыхание, и терпкий вкус, после того как он поцелует меня, и снова тихо стону, свожу вместе бёдра, двигая ими, чувствуя как напряжение мышц, подводят к такой нужной сейчас разрядке. Этот демон искуситель совсем меня испортил, если я занимаюсь таким.

«Фото влажных губок» — прилетает от Кира.

Я уже порядком возбуждена, поэтому сознание моё затуманено похотью.

Поднимаю вверх юбку, снимаю колготки, и развожу ноги. Моя ладонь скользит по кромке белых трусиков, спускается ниже, гладит. Нахожу чувствительный бугорок, и надавливаю сквозь кружево, выгибаюсь. Отодвигаю кружево в сторону, и уже скольжу по гладкому лобку, размазывая обильную влагу. С трудом навожу камеру, потому что перед глазами всё пляшет от возбуждения, жму на кнопку.

Похабнее фото я в жизни не видела, а ещё оно такое возбуждающее, откровенное, открытое, пропитанное моим желанием к нему. Зажмурившись, отсылаю ему.

Он тут же перезванивает.

— Кир? — хрипит мой голос.

— Давай, красивая, поиграем, — голос его тоже напряженный и хриплый, — засунь пальчик поглубже в себя.

— Кир, — протестую я, хотя уже моя рука тянется к влажным складочкам.

— Давай, представь, что это я трогаю тебя там, также как и я представляю твои сомкнутые губы на своём члене, — командует он, и я подчиняюсь, толкаю палец в свой влажный жар. Ещё и ещё.

— М-м-м! — стону в трубку.

— Да, умничка, теперь добавь ещё один пальчик, а другим надави на клитор, помассируй, — хрипит он.

Я подчинюсь, и делаю, как он говорит, и мне хватает пары движений, чтобы взорваться. Я выкрикиваю его имя, и выгибаюсь, пронзённая острым сладким чувством оргазма. Мои мышцы вибрируют, а живот привычно теперь стягивает, матка приходит в тонус.

На том конце провода, я слышу его глухой рык, он тоже кончил, почти за мной следом.

— Ты испортил меня в конец, — шепчу, немного отдышавшись.

— Это и было в планах, — хрипло смеётся Кир, — я люблю тебя, Юля!

— И я тебя, мой ледокол! — вздыхаю.

Он отключается. Я привожу себя в порядок, выхожу. Вся наша игра не заняла и десяти минут, а такое ощущение, что час прошёл. Ленка так и залипает в телефоне. Охранник Виталик переговаривается со швейцаром Семёном Павловичем. Никто ничего не замечает. И я перевожу дыхание. Я бы со стыда бы сгорела, узнай кто, чем я сейчас занималась.

Минут через десять, я собираюсь сказать Лене, что пойду на обед, как в разъезжающие двери, входит пышный букет пионов. Вернее конечно его вносит курьер. Но он настолько большой, в яркой плетёной корзине.

Сколько там этих бархатных бутонов? Не сосчитать. Нежно-розовые, лиловые, красные.

Курьер, молодой паренёк, аккуратно ставит корзину на стойку перед нами с Леной, здороваются.

— Мне нужна Кузнецова Юлия, — читает он с бланка заказа.

Ленка фыркает, все уже привыкли, что Кир балует меня цветами, поэтому никого не удивляет, что очередной мне. Никого, кроме меня. Мне столько цветов, за всю жизнь не дарили! И это не надоедает, особенно когда от любимого человека. Особенно когда твои

любимые. Особенно когда такие красивые, опьяняюще ароматные.

Парень придвигает корзину ко мне и прощается, а я зарываюсь носом, в нежные бутоны тяну аромат.

— Мне что ли тоже бандита найти, — тянет Ленка.

— Завидуй, молча, — фыркаю я, и вытягиваю один цветок, протягиваю ей.

Она улыбается. Наивная, знала бы она, чего всё это внимание стоило мне, не факт, что согласилась бы поменяться местами. Да и я бы не согласилась, променять его ни на кого.

«Спасибо!» — набираю Киру.

Фраза повисает на экране, после всей нашей пошлой переписки, и смотрится нелепо и смешно.

«Тебе спасибо» — пишет в ответ Кир.

Я улыбаюсь, отправляюсь на обед.

13

Дату свадьбы, мы долго обговаривали. Играть её после рождения ребёнка, Кир отказался категорически. Сделать её менее пышной, тоже. В общем, путём трудных и долгих переговоров, мы назначили дату на начало марта, пока мой живот совсем не полез мне на нос, хотя я, конечно же, мечтала о летней свадьбе, с лёгким струящимся платьем, но разве в этом суть. Главное, что мы вместе.

Про моё условие, я пару раз заикалась, пытаюсь узнать, как идут дела. Натыкалась на раздражённое рычание, и предостережение не лезть не в своё дело, дабы не быть жёстко посланной. В конце добавлял всегда, что всё помнит, и привык держать своё слово.

Почти каждый день, он уезжал куда-то, когда и здесь я засунула свой нос, меня аккуратно прихватили, за подмышки, оттащили в машину, и отвезли в офис охранного агентства «Беркут». Кир любил вот так наглядно продемонстрировать свою власть надо мной. Как я была удивлена, когда он подвёл меня к одному из кабинетов на самом верхнем этаже, на табличке которого красовалась его имя.

«Беркутов Кир Дмитриевич, генеральный директор»

За пустующую стойку, возле кабинета, процокала длинноногая секретарша. Стройная брюнетка, удивлённо уставилась на Кира, и меня, в угах, спортивных трекошках, наспех натянутую куртку, на яркую футболку. На голове моей красовалась лохматая гулька. Ни грамма косметики. Кир же вовсе, был в своих любимых потёртых джинсах, в белой футболке поло, и кожаной куртке.

— Кир Дмитриевич, — пропела красотка, низким голосом, — вы же предупреждали, что вас сегодня не будет?

— Всё норм, Лена, не напрягайся, все по плану, — отозвался он.

Лена кивнула, на редкость понятливая для такой хорошенькой головки.

Эх, ревность!

Кир открыл кабинет, и втиснул меня туда. Я бросила последний взгляд на секретаршу, и прошла в просторный кабинет.

— Всё? Все вопросы я надеюсь, исчерпаны, — задрал он бровь, привалившись к двери и сложив руки на груди.

— Так значит ты генеральный директор? — не удержалась я, разглядывая, длинный стол для совещаний и ряд стульев, во главе стоял большой стол с удобным креслом. Из больших окон падал дневной свет. У противоположной стены стояла высокая полка, забитая всякими папками, и документами, тут же пара кресел, столик.

— Ага, — кивнул Кир, продолжая меня рассматривать.

— И секретарша у тебя соответствующая, мог хоть предупредить, — насупилась я, — я бы приличней оделась.

— Ревнуешь опять, — усмехается Кир, и отклеивается от двери, идёт ко мне — носишь моего ребёнка, замуж за меня выходишь и всё равно ревнуешь.

Я повернулась к нему, и скинула куртку на кресло, стало жарко.

— Кир, а что она обязательно должна быть такой словно с подиума сошла? Других критериев нет при отборе? — да я ревную.

Он что не видит, какая у него красотка под дверью сидит. Уверенна стоит её только поманить, она и дополнительную работу на себя возьмёт.

— Во-первых, её нанимал мой зам, — Кир как всегда скрепя зубами, начал мне разъяснять вещи, которые, по его мнению, меня не касались, но он делал над собой усилие, — во-вторых, у Елены Михайловны, диплом о высшем экономическом, и она действительно профессиональна, — он наступал на меня, а я отступала.

Нет, не боялась, пыталась разгадать чего он хочет.

— В-третьих, раз уж ты так тревожишься за мою благодетель, не сдерживайся, можешь орать во всю глотку, когда я тебя сейчас буду трахать вот на этом столе! Чтобы не только Лена слышала, но и все сотрудники агентства.

Я уставилась на него.

Он что серьёзно?

Хотя это же Кир! Конечно, серьёзно.

Он подошёл вплотную ко мне, навис, уперев руки в стену, в которую я уперлась спиной, рядом с моей головой, глядя потемневшим взглядом. Прикрыл глаза и втянул аромат моих волос, мазнув носом по голове.

— Ну что притихла, красивая? — усмехнулся Кир. — Поставишь секретаршу на место?

— Мог и дома всё мне рассказать, — решила я поиграть, и равнодушно, оттолкнула его.

Нравилось мне, как срабатывал его инстинкт охотника. Мне вообще всё в нём нравилось.

Естественно далеко я не ушла, захваченная крепкими руками и прижатая спиной к его крепкому телу.

— Но наглядно-то лучше, — хрипит его голос над ухом, и он прихватывает зубами мочку моего уха, по телу тут, же пробегает стая мурашек. Низ живота начинает тянуть. Я вздрагиваю, когда он нежно касается местечка уже за ухом, ведёт влажную дорожку к основанию шеи, и снова прихватывает зубами. С губ срывается стон.

Кир легонько толкает меня, и я упираюсь руками в широкий стол руководителя, в его стол. Горячие ладони накрывают чувствительную грудь, зажимают соски, и я опять вскрикиваю, выгибаю спину, уперев зад, чётко в его бёдра.

— Вот, уже хорошо, — хрипит Кир, снова осыпая поцелуями мою шею, от чего я дрожу, и таю от неги, сжимаю ладонями край стола, и теснее жмусь к его бёдрам. — Но ты, же можешь лучше, я то знаю.

Кир стягивает вниз мои спортивные штаны, вместе с бельём, оголяя ягодицы, и несильно по ним хлопает. Я вздрагиваю, и снова подставляю их, под очередные хлопки, выгибаюсь, как течная сучка, ему навстречу.

— Даже не знаю, что мне больше нравится, твои сиськи, или твоя жопа, — пыхтит он, разминая и наглаживая мои ягодицы.

— Кир, это звучит отвратительно, — стону я, и откидываюсь на его плечо, завожу руки назад, обнимаю этого нахала.

— Это звучит естественно, — парирует он, и жадно целует, мои губы, перемещая горячие ладони на живот, нежно гладят, обрисовывают ещё еле наметившуюся округлость. Потом спускаются ниже, по гладкому лобку, туда, где жарко и влажно. Кир дотрагивается до клитора, сперва нежно, и не спеша, а потом, всё настойчивее, и я дёргаюсь в его руках, кричу прямо в его губы. Это так мучительно, больно и сладко. И новая порция влаги течёт по моим складочкам. Он не отпускает мои губы, шаря языком по всему рту, оглаживая нёбо, ныряя в горло, сплетаясь с моим языком, и глушит новые стоны, что вырываются из моего горла.

— Кир, пожалуйста, — хнычу я, и трюсь голыми ягодицами о его выпирающую ширинку.

— Давай чётче, красивая, — как он любит, чтобы я повторяла за ним все пошлости, описывала, что он должен сделать со мной.

— Возьми меня уже, наконец, — всхлипываю я, неустанно верчусь на его руке, но он только гладит рядом со входом, размазывая обильную влагу, и терзая клитор. От этого все мои мысли сбиваются, они все между моих ног, где закручивается тугая спираль, и требует выхода разрядка.

— Как ты хочешь? — рычит он, скидывая мои руки, и упирая их в стол, прогибает мою поясницу.

— Хочу, чтобы ты вошёл сзади, быстро, но осторожно, — принимаю правила игры, и подстраиваюсь удобнее. Полностью починаюсь ему. Его силе, и мощи. Слышу, как звякает его пряжка, как расстегивается ширинка.

— Очень хочешь? — спрашивает этот садист и водит головкой члена по мокрой промежности, совсем не ведая жалости. Разводит пальцами нежную плоть, и жмётся, почти входя, и тут же соскальзывает.

— Очень хочу! — срываюсь на стон. — Кир! Тебя хочу!

Он тут же толкается, входит, и делает как я и просила, быстро, но в конце притормаживает, действует уже более сдержанно. Раскачивается медленно, притягивая меня всё теснее. Я закусываю губу, чтобы не кричать, но громкий стон всё же вырывается.

Кир притягивает меня к себе, меняя угол, и начинает медленно двигаться, поддерживая меня, и нежно лаская мою шею языком. Я разворачиваю голову, и ловлю его губы, стону его имя, закатывая глаза от удовольствия, и он тут же целовывает его.

— Никак не растрохаю тебя, красивая, всё такая же узкая, тугая, — рычит он, сжимая меня крепче, и начиная, ускорятся.

Одной рукой продолжает прижимать меня к себе, а другой спускается опять между моих ног, водит вокруг клитора, давит на него, и я начинаю биться в его руках, словно бабочка, насаженная на иголку. Искры летят из глаз, от одуряющего удовольствия. Я стараюсь двигаться в унисон ему, чтобы не потерять этот чудесный ритм, что дарит мне сногшибательные ощущения. Так правильно и естественно принадлежать ему. Только ему.

Я всё же закричала, выгнулась, завибрировала и сжала Кира внутри, от чего он тоже зарычал над моим ухом, кончил, и особенно жестко прихватил меня, в самый волнительный момент.

* * *

— Нам надо возвращаться, там Андрейка уже, наверное, с тренировки вернулся, да и проверить всё ли готово, ведь завтра приезжают наши родители!

Мы сидим в кресле перед столом. Вернее Кир сидит и держит меня на руках. Я что-то так увлеклась, что даже расплакалась, так мне было офигенно, что я не совладала с эмоциями. Да и низ живота снова затянуло. Матка становится всё чувствительнее, сразу же реагируя на возбуждение. Мы наспех оправили одежду, и он тут же прижал меня к себе, утешая и глядя, зарываясь носом в волосы, пуская там стаи мурашек от его горячего дыхания.

— Что там может быть не готово? — ворчит Кир, трётся носом о мою шею. — Ты всё на сто раз проверила, успокойся!

— Ты не понимаешь, я очень волнуюсь, — вздыхаю я и с неохотой отлипаю от него.

— Я понимаю, — Кир тоже встаёт, — я родителей не видел лет семь, только созванивался!

— Что же так? — удивилась я. — Они не навещали тебя в тюрьме?

— Нет, — и по этому короткому ответу, я поняла, что эта тема закрыта.

Я вздохнула и натянула куртку. Он всё ещё закрывается, и есть вот такие темы, как тюрьма, его Катя, его сомнительные дела, про которые он мне не рассказывает. И очень злиться, если я настаиваю. И поэтому, сейчас тем более, я отпускаю эту тему, может быть потом.

Мы выходим из кабинета. Профессиональная брюнетка Елена Михайловна, даже виду не подаёт, что, что-то слышала, мило нам улыбается, они с Киrom быстро обсуждают расписание на следующую неделю, потом она прощается, и мы уходим.

И мне приятно.

Да это может быть пошло, трахаться в кабинете своего будущего мужа, но я рада, что эта красotka не станет питать иллюзий, по поводу моего мужчины.

14

Я танцую под Denis First [1], подпевая во весь голос. Сверху льются тёплые струи воды, смывая с меня остатки пены, и сна. Я наслаждаюсь, утренним душем, не стесняясь, врубив громко музыку. Кир уже давно привык, что она теперь по дому везде. На кухне, в ванной, в комнате, и даже в машине приёмник настроен на мою любимую станцию.

Песня заканчивается, и я оборачиваюсь, тянусь за полотенцем.

— Ой! — вырывается у меня, когда я вижу Кира стоящего рядом и наблюдающего за мной.

— Бля, я бы тебя прямо здесь бы трахнул, вот на хрена я пришёл с тобой прощаться?

Я быстренько обматываюсь полотенцем, чтобы хоть немного укрыться от потемневшего взгляда, и встаю на носочки чмокаю его в губы.

— Ты опоздаешь в аэропорт, — назидательно говорю я, и делаю колонки тише. — А мне тоже некогда, надо быстро привести себя в порядок, скоро все соберутся.

— Некогда тебе? — ворчит Кир, и всё же прижимает меня, обнимая сзади не переживая что его белая рубашка намокнет, и помнется.

— И тебе тоже, — выбираюсь из его рук.

Конечно, он это позволяет, потому что если бы он был совсем против, то фиг бы, я так легко отделалась.

— А для меня потом станцуешь? Голая? — улыбается он. И глаза холодные, таким озорством блестят, словно не мужик здоровый стоит передо мной, а мальчишка.

— Посмотрим на твоё поведение, — фыркаю я, и прохожу мимо в гардеробную, там накидываю на плечи халат, и только потом снимаю полотенце.

Этому зверю только дай повод.

— Ну, дразнись, дразнись, — хитро улыбается Кир, и натягивает на плечи пиджак, — потом посмотрим, кто первый взвоят и попросит!

— Ты же первый и взвоешь, — беззаботно улыбаюсь я ему, — ты из нас самый озабоченный!

— Ну, ну, — ухмыляется Кир, склоняясь к моему уху, и чувствительно прикусывает мочку. По телу сразу же проносится дрожь, и я рвано выдыхаю, и подставляю губы для поцелуя.

— Ладно, я в аэропорт, Андрей уже завтракает, — вместо одного говорит мне Кир, и с самодовольной улыбкой уходит.

— Вот же... — раздосадовано ворчу я, но звать и завершать начатое им, я не рискую, потому что времени и вправду мало.

Спускаюсь вниз, уже полностью готовая.

Концы волос слегка завилы и собрала сзади часть в хвост, часть оставила распущенными. Легкий макияж. Простое невычурное платье, нежного голубого цвета. Длинное, с широкой юбкой, с завышенным поясом, и круглым вырезом горловины. Короткие рукава. Мне оно почему-то казалось уместным именно в такой ситуации, как знакомство наших родителей. И скрывало о любопытных глаз моё положение, о котором мы с Киrom решили пока умолчать. Даже Андрея предупредили, никому не рассказывать.

Андрей сидел на кухне, поглощая кашу, и смотрел мультики, но увидев меня, тут же бросил своё занятие, и вскочил со стула, обнял меня.

— Ты такая красивая, мамочка, — пролепетал мой сын.

— Спасибо, мой хороший, — было так приятно.

— Что у нас на завтрак? — я заглянула в кастрюлю на плите.

— Кир сварил овсяную кашу, очень вкусную, — похвастался Андрей.

Кир ему очень нравился. Ему нравилось, что он с ним разговаривал на равных, не относясь снисходительно к его возрасту. Свободно общается на все предложенные темы, не отмахиваясь. Нравилось, что он разбирался в спорте.

А ещё Андрею нравилось, что Кир любит меня.

Это мой сын, сам мне сказал.

А ещё Кир готовил, конечно, по желанию, но он это умел. Мог вот так запросто встать раньше всех, и напечь блинов, или сварить кашу. И нас с Андреем уже с утра встречал вкусный аромат.

Как он и обещал, в доме не было посторонних. Вхож был только Паша, и очень редко появлялись те двое, что я видела ещё осенью. Но теперь они приходили, как и полагается в чужой дом. Звонили в дверь, а не шатались сами по себе. И разговоры вели сугубо в кабинете у Кира.

Ещё в доме порой появлялись несколько помощников, наводили чистоту, что немало важно для такой махины. Иногда приходил повар, как например, сегодня, когда готовился большой праздничный обед.

И были ещё мужчины из охраны.

Мы с Андреем позавтракали. Его по случаю праздничного обеда, освободили от школы.

К назначенному времени, пришли повар, и две девушки из клирингового агентства.

Помимо нас троих, и наших родителей, на обед позвали моих подруг Иришку и Наталью. А также друзей Кира, Пашу и тех двух, которых звали Михаил и Алексей. Всего вышло двенадцать человек.

Сказать, что я волновалась, не сказать ничего. И знакомство с родителями Кира, и мои родители, всё это закручивалось в волнительный клубок. Не удивительно, что к середине дня я почувствовала лёгкое головокружение. Слава богу рядом не было Кира, а то бы он быстро свернул бы все эти смотрины.

Я присела на диван в гостиной, и дала себе пару минут отдыха.

Мои родители очень сомнительно приняли новость, что я снова выхожу замуж, ещё и так быстро, только развелась и на тебе. Это они ещё не до конца знали, кто такой Кир. Для них он конечно бизнесмен, директор охранный агентства. Если бы я маме сказала что он бандит, она бы костями легла, но не позволила своей великовозрастной дочери выйти за него замуж, а уж про папу я вообще молчу. И тем более я не стала афишировать, что я беременна.

По одной новости, в одно событие.

В столовой накрыли большой стол. Он ломился от закусок, и угощений. Нет, мне не хотелось произвести впечатление, мне просто казалось, что мало еды. Кир ворчал, что я закормлю всех насмерть, когда я набрасывалась список меню, включая всё новые позиции. А я думала, а вдруг кто-то останется голодным. Сейчас глядя на ломящийся стол, я понимала что переборщила.

Ну и ладно, зато теперь, можно об этом не переживать, все наедятся.

Первыми приехали мои подруги. Они взволновано ходили по дому и рассматривали всё подряд. Восхищались стилем и делали мне комплименты, за мой цветущий вид. Потом прибыл Паша с мужчинами. Эти особо не церемонясь, коротко со мной поздоровавшись, привычно расселись в гостиной.

Паша тут же подхватил Иришку под локоток, и отвёл в сторонку, стал выяснять что-то. Я позвала смущающуюся Наталью с собой на кухню, под предлогом проверит, как идут приготовления, хотя итак всё было готово. Просто мне, как и ей, некомфортно было под наглыми взглядами двух амбалов, что расселись в гостиной.

— Юлюся, ты просто цветёшь, — улыбалась Наташка.

— Спасибо Наташ, — я сегодня прямо купаюсь в комплиментах.

— Правда, правда, великолепно выглядишь, вот что значит, когда рядом любящий мужчина, — продолжала Наташка.

Ещё какой, подумала я, готов любить везде и всюду. И невольно улыбнулась, вспоминая Кира.

— Ну, чего сбежали-то? — на кухне появилась Иришка.

— Что у вас с Пашей? — спросила я, видя, что она немного расстроена.

— Ой, плевать мне на этого Пашу, только языком трепать умеет, — отмахнулась Ира.

— Ну, это сразу понятно было, — усмехнулась я.

Тут позвонили в дверь.

— О, это наверное мои, — я подскочил как ошпаренная. В подтверждение моих мыслей, со второго этажа сбежал Андрей, с криками, что это баба и деда, видимо, увидел из окна машину отца.

Я распахнула дверь. На пороге, немного растерянно стояли мои родители. Мама держала папу под локоть, и ошарашено оглядывала дом, ещё даже не пройдя во внутрь. С улицы, понесло прохладой, и я поджала ноги в тонких балетках.

— Привет, — я кинулась обниматься, — проходите, что же вы?

Андрей тоже подскочил к ним, и они немного оттаяли.

Из кухни вышли мои подруги, и это тоже помогло родителям немного прийти в себя. Мы ещё не успели закрыть дверь, как ворота снова начали разъезжаться, открывая проезд для машины Кира.

— А вот и Кир! — обрадовалась я.

[1] Denis First — российский EDM артист со своим индивидуальным имиджем и звучанием.

15

Мама с папой повернулись, с интересом разглядывая Кира.

Он вышел из машины, и помог выйти женщине.

Она была низкой, и худенькой в простом пальто, без шапки, и её каштановые короткие волосы заиграли на солнце. В руках у неё были цветы. Потом с соседнего сидения вышел высокий статный мужчина, и сразу стало понятно, в кого Кир вышел таким ростом.

Кир достал из машины ещё четыре букета. Они улыбнулись нам, даже Кир изобразил подобие улыбки, и пошли к нам. Из гостиной вышли мужчины. Мы все встретились в большом вестибюле.

Сперва представили родителей друг другу. Потом Кир вручил букет моей маме, и познакомил меня со своими родителями, и представился сам. Потом раздал цветы моим девочкам. Они засмутились и разулыбались. И пока все раздевались, улучил момент, и склонился ко мне, вкладывая в руки любимые пионы.

— Какого хуя стоишь, ноги морозишь? — заворчал он мне на ухо.

— Прости! Так получилось, — пожалала плечами.

— Отлично выглядишь, — сменил он гнев на милость.

— Спасибо! — чмокнула его в колючую, прохладную щёку.

— Так ладно, Андрей показывай, где мыть руки и все за стол! Красивая, там такой пир наготовила, что начинать есть надо сейчас! — проговорил громко Кир.

Мы переглянулись сперва с подругами, потом с родителями. Обменялись улыбками, и пошли все в столовую.

За столом говорили много тостов. Родители обменивались историями. У отца Кира был такой же низкий сильный голос, а мама наоборот была тихая и скромная. Она бросала на сына взгляды полные гордости, и мне они были очень знакомы, я тоже также смотрела на Андрея. Они были простые люди. Отцы наши так вообще сошлись на фоне нелюбви к власти, и часто выходили покурить вместе. Мама, вовлекала Аллу Юрьевну в разговор о даче, которую боготворила. У них тоже нашлась общая тема. Подружки мои, причём одна из них замужняя, строили глазки, друзьям Кира. Андрей умчался смотреть мультики. А я сидела, пришибленная счастьем, боялась вздохнуть. Так волновалась, переживала. А все оказалось, даже лучше чем я представляла. Кир не выпускал меня из объятий, то и дело, интересуясь моим самочувствием, видя, что я почти ничего не ем. А я настолько была рада, всем этим людям, что у меня кусок в горло не лез. И тогда он начал меня уговаривать, хоть что-нибудь съесть. Ну как уговаривать. Кир вообще не умеет уговаривать. Он просто стал шептать мне на ухо, что затрахает меня до смерти, если я сейчас же не съем, хоть что-нибудь, и начнёт прямо сейчас. Пришлось подчиниться. Не думаю что всем присутствующим, понравилось бы наше отсутствие.

Потом были танцы. В большой гостиной с камином, играла музыка, и я кружилась в объятиях Кира. Рядом танцевали Паша с Иришкой. Они сегодня то обиженно друг на друг молчали, то снова начинали улыбаться, разговаривать. Вот и сейчас, что-то тихо обсуждали,

и на губах Иришки скользит лёгкая улыбка, а Паша притягивает её ближе.

Наташка, скромница, блин, кружит с Мишей в танце. И вроде, безобидная поза у них, а глазки у неё блестят. Я ей не заметно показала кулак. Знаю я этих бандитов, им только повод дай, иным и он не нужен, возьмут не посмотрят, что девка замужем. Вскружит голову. Я потом перед Валерой не оправдаюсь.

— Кир, скажи Мише, чтобы к Наташке не приставал, а то он совсем ей голову вскружил, — пожаловалась я Киру, разглядывая парочку из-за его плеча.

Он тоже оглянулся на них, но ничего не ответил, но только я уже знала, что услышал и принял к сведению.

— У тебя хорошие родители, простые и добрые, — замечаю я, кладу голову на его плечо, и втягиваю горький аромат его парфюма.

— У тебя тоже норм, — хмыкает он, — на маму очень похожа!

— А ты на отца, — поднимаю голову, улыбаюсь ему, и тянусь к его губам, коротко чмокнув его.

— Как думаешь, из нас выйдет семья?

— Выходит же, — пожимает плечами, и обнимает за талию.

— Это пока всё в новинку. Но семья, же это не только бесконечный секс, но и ответственность друг за друга, принятие слабостей. У нас с Юрой вот не вышло!

— Не напоминай мне про своего бывшего мужа, хотя я ему должен быть благодарен, что он такой мудила! — ворчит Кир. — Уж я-то тебя никому не отдам! — обещает он.

— Не отдавай, никогда! Я люблю тебя! — снова тянусь к его губам.

— Давай завязывай, зеленоглазая, а то щас в спальню оттанцуем! — отстраняется Кир.

— Ну, кто бы сомневался, — фыркаю я, — ещё и спорил, кто из нас взвоят!

— Скажи ещё, что сама не хочешь, — лыбиться этот обормот.

— Иди вон, тебя Паша заждался, уже весь извёлся, — отталкиваю его, а сама устало опускаюсь на диван к маме.

— Не знаю дочка, — говорит она, когда я спрашиваю её о том, что она думает о Кире, — он очень властный! Тебе с твоим характером, тяжело будет с таким мужчиной. Была замужем, знаешь, как не любят мужики команды выполнять.

Я туплюсь, и улыбаюсь. Как мама метко подметила всё.

— Смотрю на вас, видно, что любите друг друга, но и с Юрой у вас всё лучезарно было, а по итогу, развод.

— Мам, Юра во многом был виноват сам, — фыркаю я.

— Не факт, что и Кир таким не окажется. Все ошибаются, нужно уметь принимать ошибки других людей. Тем более мужа. Думаешь, у нас с папой всё гладко? Нет. Но, тем не менее, живём, и тебя вырастили.

— Да это всё понятно...

— Вы же с Юрой развелись, потому что ты Кира встретила? — напрямик спросила мама, и посмотрела на меня строго.

Я вздохнула. Ну, всё-то подмечает моя родительница.

— Не совсем так. И в том, что мы повстречали друг друга, виноват сам Юра, — уклончиво ответила я.

— Ладно, не хочешь говорить, не говори, твоё дело. А вот, то, что ты в положении, могла бы, по секрету, матери и сказать! — щурит мама глаза, и кладёт на мою руку, свою ладонь, сжимает.

— Что? Как ты догадалась? — удивляюсь я.

— Слишком цветущий вид у тебя Юленька, — подмигивает мама.

— Только по этому?

— Ты когда Андрюшу носила, тоже также цвела! — улыбается она.

— Ну, ты и проницательна! — дивлюсь я.

— Какой срок?

— Пятнадцать недель уже, — робко улыбаюсь. — Совсем не планировали, что так получится.

— Бывает и такое. Ну а как Андрей, относится к Киру? — переводит мама тему.

— Кир ему очень нравится, а тот его не обижает, — отвечаю я.

— Хочешь, мы его заберём с дедом погостить?

— Если только он сам захочет, он нам совершенно не мешает, и никогда не помешает, — я оглядываюсь на сынишку, сидящего рядом с дедами. Они что-то вдвоём ему втолковывают, а он внимательно их слушал.

— Ну и хорошо, — кивает мама.

Иришка с Наташкой о чём-то болтают в сторонке. Кир с мужчинами куда-то исчезли. Наверное, пошли мангал разжигать. Шашлык им захотелось. Алла Юрьевна выходит из кухни, несёт на подносе, кружки с чаем и кофе.

— Ну что вы, я бы сама, — спохватилась я.

— Не переживай Юлечка, — ставит она поднос на столик, — отдыхай, ты и так за целый день устала, — и так добро улыбается мне.

Да, похоже, наш секрет, уже не секрет.

Потом был шашлык, и опять много тостов, пару раз даже горько звучало. Захмелели все, кроме нас с Андрейкой. Даже мой папа, который не собирался пить, потому что он за рулём, но Кир уговорил его, пообещав вызвать водителя, чтобы отвезти их с мамой домой. И даже сам Кир, был вполне себе пьян. Расслабился, и стал чаще улыбаться, и вместо хмурых взглядов и едких замечаний, смеялся с друзьями на их подколы по поводу меня. А эти нахалы, только и знали вгонять меня в краску, всё допытывались, что я такого сделала, чтобы циничный Ямал поплыл. Я отмахивалась от них, прекрасно зная, по Киру, какая у них в головах пошлятина. Кир обещал им все, потом рассказать, чем вызвал, моё негодование и новый взрыв смеха за столом. И хоть я и не пила, но словно была пьяна. От счастья, от радости. Кайфовала, наслаждаясь этим моментом единения, когда все твои близкие рядом с тобой. И это по сути благодаря ему. Грубому, циничному Ямалу, который сидит сейчас по правую руку от меня, и, улыбаясь, разговаривает с Пашей. Тот, который насильно пришёл в мою жизнь, просто таки втиснулся в неё, не слушая никаких возражений. А я рядом растекаюсь лужицей, и всё больше залипаю, на него.

Разве можно так любить?

Так растворяться в ком-то?

Но сейчас даже мой внутренний голос молчит парализованный эндорфинами, эманациями счастья. Придавленный распирающим чувством радости, и любви. И я таю.

— Заканчивай, Юль, я же не железный, — ворчит Кир, и аккуратно пальчик за пальчиком, отлепляет мою руку от своего бедра.

Ого, как меня накрыло, ещё чуть — чуть, и добралась бы до самого ценного.

— Слушай, сюда, — притянула я его за рубашку, пытаюсь скопировать его же манеру.

Кир послушно склонился, его взгляд снова потёк ртутью, обволакивая меня. Я тряхнула

головой, прогоняя наваждение.

— Кир, если ты меня бросишь, я тебя убью, — шепчу ему прямо в ухо, пользуясь моментом, что на нас никто не смотрит. — Если будешь трахать других баб, тоже не жди пощады. Как ты мне сказал, назад хода нет!

— Красивая, ты чего разошлась-то? — усмехается он, и притягивает за шею к себе, лбом в лоб упирается. — Нет меня без тебя, успокойся!

Отстраняется и внимательным взглядом ведёт, словно и не пил, и трезв совершенно. И я верю ему. Не могу не верить. Потому что ради чего тогда всё это. Ведь я же готова была и на меньшую роль, только делить его с кем-то всё равно бы не согласилась. Никогда!

16

Вечер подходит к концу. Первыми уезжают мои родители.

Кир, как и обещал, вызвал водителя. Мы долго прощались, обнимались. Папа то и дело пожимал руку Киру, потом договаривался о встрече с Дмитрием Алексеевичем, зазывал их с Алой Дмитриевной в гости, потом снова прощался, и вот так раза с десятого, довольные и счастливые мои родители, уезжают.

Потом засобирались мои подруги. Паша тут же вызвался провожать Иришку, а Миша, Наташку. Я обеспокоенно взглянула на Кира. Он раздражённо вздохнул, и оттянул друга в сторону.

— Наташка, с ума сошла! — зашипела я ей в ухо. — Не забыла что у тебя дома Валерка, и Дашка?

— Ой, а что такого? — наивно захлопала она глазками, краснея.

— Наташ, поверь мне, не стоит с ним флиртовать, они не знают слова нет, если у него совсем башню сорвёт. Тем более он пьяный! — напутствовала я, поглядывая на Кира и Мишу.

Кир как всегда в своей манере, с непроницаемым лицом, спокойно разъяснял Мише, все будущие перспективы, Миша только глазами зло сверкал.

— Да я же ничего, такого, — испугалась Наташка, и проложила руки к горящим щекам.

— Ты, может и нет, а Михаил, на тебя уже планы на вечер строит, так что давай-ка с Ирой и Пашей, они тебя завезут, — я помогаю подруге надеть пальто.

Она краснеет ещё больше, и поспешно обматывается шарфиком. Миша просто прожигает её взглядом из-за плеча Ямала.

— Кисонька, не обижайся на меня, — говорю ей, обнимая на прощание, — но они же, бандиты, беспринципные мужики. Он растопчет тебя, и забудет, как звали.

— Я поняла уже, — вздыхает Наташа, — но Кир, же не такой, он внимательный к тебе, и смотрит с любовью.

Я усмехаюсь.

— И Кир такой же, — хмыкаю я, — Хуже них всех. Знаешь, сколько раз я думала, что не оправлюсь, после его слов, и поступков. Он чудовище. Но он моё чудовище!

Наташа вдруг краснеет и переводит глаза за меня. Позади стоит мама Кира, и я прикусываю язык.

Блин, чего я разоткровенничалась!

Просто хотелось припугнуть Наташку как следует, чтобы понимала куда лезет. Алла Дмитриевна делает вид, что ничего такого не услышала. Она прощается с моими подругами и Пашей. Они с Дмитрием Алексеевичем остаются у нас до завтра, потом улетят домой.

Миша даже не подходит, когда все выходят на крыльцо, только Кир, но он не трудиться

ничего объяснять, а я и не требую, подавленная чувством стыда перед его матерью, и усталостью.

Кир с отцом и друзьями остаются ещё внизу, за столом, когда мы с Алой Юрьевной поднимаемся наверх. Я показываю ей их комнату. И даже сейчас она молчит, ни словом, ни видом не выказывает того, что слышала от меня. Конечно, надо поговорить, и извиниться, только духу мне пока не хватает, да и устала я очень. Мы прощаемся, желаем друг другу спокойной ночи.

Я всё ещё погруженная в свои невесёлые мысли, на автомате заглянула к сыну, который уже давно видел десятый сон. Поправила его одеяло, чмокнула в щёку.

Все-таки надо извиниться перед Алой Дмитриевной. Если бы кто-то назвал Андрейку чудовищем, мне было бы неприятно и обидно. Наверняка она знает про сына многое, но он же, её сын.

Я твёрдо намеривалась с утра поговорить с бедующей свекровью, извиниться за свои слова. Но всё потом, ноги уже не держали. Скорее бы в кровать.

* * *

Меня будит громкий смех, и грохот распахнутой двери. Я резко сажусь, подтянув одеяло чуть ли не к носу.

В комнату вваливаются Кир, Дмитрий Алексеевич, который его держит, и Миша с Лёшей, которые держат друг друга.

— Тихо, блядь, — командует Кир.

— Кир не выражайся, и ты сам орёшь, — спокойно говорит Дмитрий Алексеевич, удобнее перехватывая здорового детину.

Понятно кто из них самый трезвый.

— Тихо, блядь, — шепчет Кир, и мужчины начинают смеяться, совсем не тихо.

Я спускаю ноги на пол, и подтягиваю к себе пеньюар, натягиваю его на плечи, и включаю ночник.

— Юля прости, что мы тебя разбудили, — Дмитрий Алексеевич, заваливает Кира на кресло, — просто он никак не унимался, всё к тебе рвался.

Позади, закивали Миша с Лёшей, подтверждая слова будущего свёкра. Кир сидел, развалившись в кресле, склонив голову вперёд, и непонятно, спал или нет.

— Всё нормально, — вздохнула я.

— Не трогай его, пусть здесь спит, — напутствовал Дмитрий Алексеевич, отступая к выходу, выгоняя из комнаты друзей.

— Спокойной ночи, — говорят они вместе и опять ржут.

Я невольно улыбаюсь.

Дураки.

Подхожу к Киру, обхватываю ладошками его лицо, поднимаю. Он медленно открывает глаза. Взгляд мутный, расфокусированный. Блудит по мне, и губы в улыбку складываются.

— Ты чего так напился? — спрашиваю.

Впервые вижу его в таком состоянии.

— Заноза моя, — заплетается его язык, и он сгребает меня ближе своими лапищами. Утыкается носом в мой живот.

— Кир, — немного отстраняюсь, — давай осторожней, в тебе силы немерено!

По телу невольно проносится дрожь, от больших ладоней, словно импульсы, бежит тепло, расходиться. Горячее дыхание опалает кожу сквозь шёлк ночной одежды. Запах

коньяка щекочет ноздри.

— Блядь, как же ты пахнешь, охуенно, — бормочет он, ослабляет хватку, но продолжает шарить по тонкому шелку носом, а я зарываюсь в его волосы, и глажу голову. — Не может так человек пахнуть! А ты и не человек! — выдаёт он в конце.

— А кто? — смеюсь я.

— Ты наркота моя, мой личный сорт, — снова втягивает мой запах, — бля, щас кончу!

— Кир, давай спать ложись! — фыркаю я, знаю, сейчас его понесёт.

Но он не разжимает рук, держит меня крепко, головой прижимается, наслаждаясь моей лаской. Я думала, что уже заснул, когда он затих, но руки его держат меня крепко, и когда я пошевелилась, он поднял лицо.

— С отцом, наконец, помирился, — выдаёт он.

— А что, вы в соре были? — глажу его лицо, расправляя морщинки.

— Он многое во мне не принимал, — тихо говорит Кир, снова склонив тяжёлую голову — не мог простить убийство. Может и не смирился до конца, но сегодня, впервые за семь лет пожал мне руку. А ты примешь меня таким?

— А ты считаешь, что у меня есть выбор? — усмехнулась я, и вспомнила свои слова про чудовище.

— Нет, никакого выбора не дам, — вертит головой, и осоловелым взглядом смотрит, — только со мной будешь, ни с кем больше!

— Да я уже поняла, — склоняюсь и чмокаю его в лоб, — ты же ледакол, прёшь напролом!

— А ты заноза моя, блядь, весь мозг мне вытрахала! Только членом и думаю! Каждый раз, прикидываю, как бы натянут тебя!

— Кир! — возмущаюсь я, и мои щёки горят.

— Я же на тебя запал, ещё в том грёбаном автобусе, — признаётся он, и усаживает на свои колени, откидывается на спинку и гладит меня. Я обвиваю его шею, кладу голову на плечо.

— Да ну! — не верю я, вспоминая, как он прожигал меня ненавидящим взглядом.

— Сам не понимал тогда ещё. Только освободился, домой сунулся, а там Жанка всё подчистую вынесла и срулила, сучка. Думал, убью. Сидеть заново не хотел. А тут ты, такая борзая! Так и прикидывал, прихватить тебя с собой, еле сдержался! — журчит в тишине его тихий рокот.

Я слушала внимательно, впервые Кир был таким разговорчивым. Вот это признание! Оказывается, наше знакомство могло начаться раньше.

— Дерзкая такая, заплатила за меня! А у меня тогда не копыа не было! Потом в рестике у Ашотика увидел, как тебя пацаны Шмеля зажимают, пока нашёл вас, они тебя уже помять успели.

Я вздрогнула и поежилась, вспоминая двух отморозков, которые чуть не изнасиловали меня.

— Я их на части порвал, — коротко бросил Кир, а я промолчала. Не стала уточнять, живы ли ещё эти части, или уже нет.

— Кир, расскажи про Катю? — осмелилась я задать давно мучивший меня вопрос.

— Катя, — посмаковал он имя бывшей, — нет больше в моей жизни Кати. И нечего о ней вспоминать.

— Ты любил её? — коснулась пальцем, шеи и провела по кромке букв татуировки, по

разлёту ключиц.

— Ты же знаешь всё, зачем спрашиваешь? — он накрывает мою ладошку, и прижимает к груди, и я чувствую гулко бьющееся сердце.

— Я не знаю о тебе почти ничего, Кир, — вздыхаю я, — все, что мне известно, я вырываю с боем у тебя, либо это обстоятельств так складываются, либо мне кто-то рассказывает. Ты закрываешься постоянно.

— Юля, все, что тебе нужно, ты знаешь, — отрезает он.

— Я не пойму, Кир, — откровенно злюсь, — ты, что сломаешься что ли, если расскажешь о себе!

— Да блядь, не хочу я вспоминать эту суку, ради которой я всё похерил. Неужели не понятно! — Кир сталкивает меня с коленей, делает это правда аккуратно.

Я встаю, обижено надуваю губки, а он рывками, остервенело, скидывает с себя одежду.

— Любил я её, до поросячьего визга, а ей только деньги нужны были, и срала она на мою любовь, а я всё равно любил, — кричит он, скидывая вещи.

— А сейчас любишь? — складываю руки на груди.

Он останавливается, смотрит на меня, прожигающим взглядом, словно прикидывая, вменяемая я, или нет.

— Дура ты, красивая, — бросает мне Кир, и стягивает брюки, откидывает их на кресло, забирается в кровать под одеяло и отворачивается.

А я так и стою, понимая, что да, действительно дура. Сама же вывела мужика, а теперь ещё и обижаюсь на него.

Поплелась к кровати, залезла под одеяло. Стало холодно, без горячих ладоней на боку, без твердого теплого тела рядом. Блин и кровать то огромная, тут невзначай повернуться не получится, вроде раз и оказалась рядом, тут ползти надо, прижиматься, сопеть в изгиб шеи, скрестись, чтобы впустили, и обогрели.

Ползу, подбираюсь ближе, и застывшие конечности, прислоняю.

Молчит, может спит.

Обнимаю со спины, и носом в основание шеи упираюсь. Всё равно молчит. Точно спит.

Расслабляюсь, устраиваюсь поудобнее, согреваюсь, и почти на кромке сна чувствую, как он разворачивается и сгребает меня в объятия. Прижимаюсь ближе и засыпаю окончательно.

17

С утра Кир куда-то сбежал, ещё до моего пробуждения, и поэтому меры по выпрашиванию прощения приходится переносить на вечер. Привожу себя в порядок и спускаюсь вниз. На кухне нахожу Андрейку и Аллу Дмитриевну, которая нажарила целую горку сырников.

— Доброе утро! — улыбаюсь я обоим.

— Доброе утро! — вторит мне Алла Дмитриевна.

Андрей только кивает, жуя лакомство.

— А где наши мужчины? — спрашиваю я, наливая себе чай, садясь за стол.

— Куда-то сорвались с утра, и Дима и Кир, и этих двоих прихватили, — пожимает плечами Алла Дмитриевна.

У них видимо тоже женщин особо в мужские дела не посвящают.

— Понятно, а вы давно встали? — подхватываю с тарелки самый румяный сырник, и впиваюсь в него зубами. — М-м-м вкусно! Вот от кого у Кира талант к готовке!

Алла Дмитриевна смеётся.

— Да, было дело! Учила его! Неужели он готовит?

— Бывает, — киваю я, и снова кусаю творожную сладость.

— Надо же, — удивляется она, — не думала, что он помнит.

Я прожевала сырник, и посмотрела на женщину внимательнее, мне она почему-то показалась грустной. Я сразу вспомнила свои слова.

— Андрюша, ты уже всё? — спросила у сына допивавшего чай, желая поговорить с Алой Дмитриевной наедине.

Сын кивнул.

— Иди, собирай сумку, через полчаса выдвигаемся на тренировку, — поцеловала его в макушку, и он выбежал из кухни.

— У тебя прекрасный сын, Юлечка, воспитанный, добрый, любознательный, — каждый эпитет, что произносила Алла Дмитриевна про Андрея, словно удары по щекам. Мне стал невыносимо стыдно, ведь она моего сына хвалила, а я её назвала чудовищем.

— Алла Дмитриевна, я должна извиниться, — перебила я её, — я не должна была называть Кира чудовищем. Простите меня!

Женщина грустно улыбнулась.

— Ты думаешь, Юля я не знаю, кто мой сын? — посмотрела на меня светлыми глазами. Они были темнее, чем у Кира, и поэтому взгляд не был таким жёстким и холодным как у него.

— Знаете? — не то что бы я удивилась, но, наверное, прибывала в некой уверенности, что его родители не совсем в курсе его дел.

— Кир, своего рода, знаменитость у нас в городе. Сперва выдающиеся результаты в спорте, потом служба в армии и полиции. Его знали, да и знают все. И про него тоже всё знают, потому что есть, кому рассказывать.

— А кто рассказывает? — не поняла я.

— Сейчас это сделать может каждый. Интернет. Вседоступность и безнаказанность, — вздыхает Алла Дмитриевна. — Я знаю, что мой сын чудовище, Юля. Мне почти на протяжении семи лет, талдычат об этом.

Я прикрыла пылающие щёки ладонями и в упор смотрела на Аллу Дмитриевну.

— Он рос, прекрасным ребёнком, — снова подала она голос, и смахнула со стола, несуществующие крошки. — Дима с раннего детства приучил его к спорту. Дзюдо — гибкий путь. Потом армия. Первая любовь. Ему уже было двадцать два, когда он встретил Катю. Она переехала от родителей, снимала квартиру в его доме, и они встретились в лифте. И всё. Ей тогда только восемнадцать исполнилось. И всё прекрасно. Хорошая девочка. Учиться на филологическом, в институте. Родители интеллегенты. Всё шло к свадьбе. Кир только о ней и говорил. Двое суток отработает и к ней. Не выспится после ночной, не позавтракает. Летит сломя голову. Потом даже съехались, мы с отцом не препятствовали, дело молодое. Да и Кир такой, что не попрёшь против.

— Это точно, — хмыкнула я, внимательно слушая рассказ.

— А потом как-то всё в одночасье оборвалось. Они сориться стали часто. Свадьбу отложили. Пыталась выяснить у него. Но разве чего добьёшься — вздохнула Алла Дмитриевна, и я опять с ней согласилась.

— Как потом оказалось, Катя думала наперёд, и зарплата омовца, пусть и с надбавками за службу в горячей точке, была для неё маловата. Она давно мечтала сюда

переехать из нашей глуши, карьеру журналистики сделать. Бросила его раз. Он всё равно к ней вернулся. Потом и вовсе замуж вышла за олигарха местного, да только и с Киrom встречалась, пока он их не застал. Кира тогда чуть не убили, — Алла Дмитриевна перевела дыхание, видимо вспоминая те события, — он еле за жизнь держался. А как только оклемался, новый удар. Из органов поперли. Статью повесили. Обрубили все концы. Ни я, ни отец, ничего сделать не могли. Пил целыми днями, где-то шатался. Потом оказывается, в боях каких-то участвовал. Там его заприметил какой-то бандит, и пошло-поехало. Лихие деньги, гулянки, сомнительные друзья. Потом и вовсе сюда переехал.

Женщина перевела дыхание, а я слушала, закусив губу. Словно фильм смотрела, так живо картинки перед моими глазами мелькали.

— А потом однажды вернулся. Совсем другой человек. Вроде мой сын, и уже нет. Жёсткий взгляд, весь в татуировках, слова отрывистые бросает. Ещё больше стал, и злее. А под окном огромные машины чёрные стоят. Дима тогда сразу неладное почуял. Давай выпрашивать у сына, что тот задумал? А Кир только скалитесь в ответ. А на утро нам позвонили и сообщили, что он арестован по подозрению в убийстве. Сперва вроде думали, пронесёт, адвокаты у него шустрые больно были, да не учли показания главного свидетеля.

— Катя! — догадалась я, да и знала, Жанна же рассказывала.

— Да Катя выступила в суде как главная свидетельница, и Кира посадили, потом правда выкрутили как самооборона, и скостили срок вдвое, но сам факт предательства. А когда Кир в тюрьме сидел, узнали что он женат, тоже через адвокатов, лично по сей день незнакомы.

— А почему не навещали его? — спросила я, вспомнив как Кир, говорил, что не видел родителей почти семь лет.

— Запрещал, — ответила Алла Дмитриевна, — только по телефону созванивались.

— А Катя, что с ней? — я поддела нам кипяточку в кружки.

— А что с ней. У покойного мужа, сразу нашлась куча наследников. От денег ей почти ничего не осталось. Сперва она молчала, а потом развернула в интернете целую компанию против Кира. Ну и нам досталось, конечно. Мы родители убийцы и бандита.

— Неужели он не может вас перевезти сюда? Оставайтесь здесь! — совершенно искренне воскликнула я.

Алла Дмитриевна улыбнулась.

— Когда, неделю назад, позвонил Кир, сказал что хочет нас познакомить со своей невестой, и её родителями, мы как то сразу с отцом поняли что вот теперь всё верно, и по правилам. Не переживай Юлечка, мы уже давно это пережили, да и Катя уже как полгода уехала, и стало спокойно, скорее всего она опасалась, что Кир вернётся и начнёт мстить. Мы тоже этого опасались, но, слава Богу, он встретил тебя, и теперь не одержим ей.

— У нас тоже, всё не так однозначно, — замялась я, пытаюсь оправдать свои слова.

— Я понимаю, и знаю это, потому что знаю Кира. Ты права он чудовище.

Я попыталась вставить слово, но Алла Дмитриевна меня остановила жестом.

— Но ты права и в том, что он твоё чудовище. Само то, что он познакомил нас, познакомился с твоими родителями, говорит о многом. Ведь Жанну мы даже ни разу не видели. А ещё мы очень рады за вас, и с нетерпением ждём внуков, — она посмотрела на мой живот.

Я немного опешила от таких признаний.

— И всё же простите меня за мои слова, я не должна был так говорить. И спасибо, что рассказали мне о нём, из него же слова не вытянешь.

— Это он сейчас такой стал, хмурый да закостенелый, а раньше, пятёрку в школе получит, придёт, танцует! — смеётся Алла Дмитриевна, и я вместе с ней.

В кухню вваливаются запыхавшиеся мужчины. Кир, Дмитрий Алексеевич, и Миша с Лёшей. Все в спортивных костюмах, вспотевшие, и пахучие, просто жуть.

— Вы где были-то? — спрашиваю я Кира, когда он тянется к бутылке с водой.

— Батя противополохмельный забег устроил, — отвечает Кир и пьёт жадными глотками воду. Миша с Лёшей так вообще развалились, осев на полу.

— Салаги, — смеётся Дмитрий Алексеевич.

* * *

Кир ловит меня в гардеробной. Я собираюсь отвезти Андрея на тренировку, а он выходит после душа. Стоит весь такой ароматный, со стекающими капельками воды по мощной груди, и рукам. На бёдрах полотенце намотано. Я даже облизнулась при виде него.

— Иди поближе, красивая, — притягивает к себе, — я найду, что тебе полизать.

— Кир, — выбираюсь из его рук, — мне Андрея на тренировку везти, а тебе родителей в аэропорт.

— Чё сильно обиделась на меня, за вчерашнее? — спрашивает он, скидывая полотенце, и демонстративно проходит мимо, вытаскивая из стопки чистого белья боксеры.

— Н-н-ет, — зависаю я, без стыда пялясь на его член, пока он не надевает трусы, и мне приходится перевести взгляд выше.

— Соскучилась? — кривится в усмешке. — Так давай устроим пятиминутный минет, никто не будет против!

— Тебе не хватит пяти минут, мы застрянем тут как минимум на полчаса, — возражаю я, и отворачиваюсь, чтобы не пялиться, и не соблазняться.

— Да и по хуй, — подходит ближе, обнимает со спины, и за талию притягивает и в тело своё впечатывает — тебя хочу, красивая, аж яйца сводит.

— Кир, — стону я, вот зачем я сюда запёрлась, — отпусти, мне неудобно будет перед твоими родителями, ведь они всё поймут. И Андрей уже ждёт.

— Пиздец тебе ночью, — жарко шепчет мне в макушку, — все твои дырки затрахую, готовься!

Его слова такие пошлые, похабные, и так меня заводят, что я дрожу от возбуждения даже когда мы едем с Андреем на такси, до спортивного центра.

Сын мне что-то говорит, а его блаженная мать поражённая нимфоманией, только и мечтает, чтобы скорее бы пришла ночь.

18

— Ты невероятна! — выдыхает мама, глядя на меня, когда я выпорхнула из комнаты, где меня последние три часа, причёсывали, красили, одевали.

— Это просто что-то невероятное! — она смотрела на меня во все глаза, и мне уже не терпелось увидеть, что же там такого невероятного.

Я приподняла нежный, лёгкий подол платья и подошла к зеркалу.

— Обалдеть! — я выпала в осадок.

На меня смотрела богиня, не больше, не меньше. Волосы собраны в низкий пучок в греческом стиле, с небрежно выпавшими, завитыми локонами, украшены, тонкой серебристой веточкой, заколкой. В проколотых мочках, мерцают жемчужинки сережек. Огромные, просто нереально большие, глубокие, зеленющие глаза, умело подчёркнутые, лиловыми тенями.

Просто невероятные смоки!

Ресницы, словно бабочки порхают, над щеками. Кожа светиться изнутри. Такая свежая, ровная. Высокие скулы.

Откуда?

И нежные персиковые губы. Я даже дотронулась до лица, чтобы проверить, я ли это.

Многослойный, прямой, тонкий, лёгкий подол платья, дымкой взметнулся за моими движениями. Завышенная талия стянута атласной лентой. Скрывает моё интересное положение. Грудь надёжно держит драпированный кружевом корсаж. Элегантный вырез, даёт только намёк на откровенность. На телесной подкладке, по ключицам и спине, расходятся узоры кружева, спускаясь на короткие рукава. Платье припыленного, пудрового цвета.

Рядом с зеркалом, на вешалке висит норковая белая шубка. Здесь же, на полу упакованные в коробки, три пары обуви. Для улицы, тонкие бежевые сапожки, для зала, туфли на высоком каблуке, и балетки, когда ноги устанут.

— Дай я тебя сфотографирую, — мама наводит на меня телефон, щёлкает.

— Ты просто великолепна, Юлечка! — снова она заливается соловьём.

— Это всё заслуга тех фей, что трудились надо мной всё утро, — скромничаю я, хотя, да я великолепна, словно дорогая фарфоровая куколка. Я так хороша, что боюсь сделать лишнее движение, чтобы не испортить что-нибудь.

— Как ты себя чувствуешь? — мама намекает, на утреннюю тошноту.

Всё утро меня мутило, я даже пожаловалась Киру, который с утра позвонил, узнать, не передумала ли я выходить за него. Сам он ночевал в квартире.

Дурацкая традиция. Почему-то решили ей следовать, встретится в загородной резиденции, где будет торжество.

— Красивая, одно твоё слово, и всех разгоню, — хрипит он в трубку.

Я по большому счёту и не хотела такую пышную свадьбу. Кир настоял, хотел праздника для меня, и я поддалась, и конечно, теперь назад не повернёшь.

Пятьдесят гостей!

О, откуда, только столько набралось, непонятно. Зарезервированная загородная резиденция, с шикарным особняком, и великолепным залом. Фотографы и ведущие. Музыканты, и все, все, все. Как такое свернуть, потерплю уж.

— Нет уж, гульнём, раз собрались, — придаю голосу беззаботности.

— Смотри, приедешь зелёная, разверну домой! — Ямал, как всегда, в своём репертуаре.

— На ком тогда женится-то будешь? — усмехаюсь я.

— Ни чё, нас и так распишут, я договорюсь, — хмыкает он.

— А если я передумаю, — решила немного подразнить зверя.

— Значит, потом снова передумаешь, — невозмутим Кир.

— Как ваш мальчишник? — меняю тему. — Всех стриптизерш собрали?

— Красивая, такой задницы, как у тебя, ни у кого нет, так что не переживай, тебе нет равных, — усмехается Кир.

— Ты как всегда элегантен в комплиментах, — фыркаю я.

— А то! Могу продолжить, и вспомнить про твои сиськи...

— Кир, ты специально! — верещу я в трубку. — Я для тебя только задница и сиськи!

— Ну что ты, красивая, я тебя за характер люблю, — невозмутимо хмыкает Кир.

— Какая же ты сволочь! — и сердится то на него трудно, но хотя бы в этот день мог

поумерить свой похабный пыл. — Я же не пою оды твоему члену!

— Могла бы иногда, — ржёт этот нахал.

— Вот сейчас доржешься, что не приеду на свадьбу, — обиделась я.

А что? Я всё-таки женщина, а не микросхема. Почему в меня только и можно, что тыкать в различные отверстия.

— Ну ладно, Юль, — примирительно засопел Кир, видимо поняв по моему тону, что я на грани, — ты же знаешь, что я люблю тебя! — еле выдавил из себя гад, потому что, голос его был сдавлен.

— Иди на фиг! — держу оборону.

— Давай, красивая не перегибай, — ворчит Кир.

— Это я ещё не догибаю, — фырчу, но уже успокаиваюсь, — если я не приеду, в этом будешь виноват ты! — и кладу трубку, пусть помучается гад.

Он, конечно, сразу перезванивает, но я сбрасываю.

Потом, пишет угрозы, и тогда ради спокойствия я выключаю телефон.

Вот такая романтика!

А потом пока накладывали макияж, и делали причёску, так и ждала, что вот-вот ворвётся и за шкуру оттащит, но было тихо. И я расслабилась. Затем и вовсе забыла про этот разговор. Не до того стало. Много разных хлопот. Приготовление. Последние штрихи. Телефон так и не включила, только в сумочку закинула, когда садились в лимузин.

19

Мама с папой тихо переговариваются, сидя рядом на сидении, Андрейка машет ножками, смотрит в окно. А я плотнее сжимаю свой букет из нежных розовых пионов, и почему-то сильно нервничаю. Копаюсь в себе и никак не могу установить причину.

Сомневаюсь в нём?

Нет.

Всё, что хотел мне доказать Кир, уже доказал. Да характер у него не подарок, как и мой, впрочем. И мы иногда так накаливаем обстановку, что искры летят в разные стороны. И тем обжигающее и приятнее примирение.

Значит дело во мне?

Но и здесь, покопавшись внутри себя не нахожу, отклика. Я решила для себя всё уже давно. Ещё тогда, когда узнала про Жанну, и поняла что не смогу его отпустить, хоть и давит сердце болью от предательства, всё равно, лучше с ним, чем без.

Тогда что?

Почему так волнительно?

Неужели я, как сопливая девчонка, волнуюсь именно из-за свадьбы. Переживаю, понравлюсь ли я ему. Думаю, о том, как всё пройдет? Всё ли готово?

Ведь я почти не участвовала в приготовлениях. Этим теперь занимаются специальные люди, которые берут на себя все хлопоты, а тебе на утверждение только предоставляют готовые результаты. А когда у тебя немерено денег, так тут вообще, только командуй, всё как ты пожелаешь.

Да я так не переживала, когда восемнадцатилетней девчонкой, ослеплённой любовью выходила за Юру. Тогда у нас уже был Андрей. Мы скромно расписались в ЗАГсе, и собрали родителей и немногочисленных друзей, на званый обед у родителей Юры. Всего было двенадцать человек. А тут пятьдесят.

Откуда?

Лимузин уже выехал за город. Погода сегодня не подкачала. Хотя на улице и было холодно, всё же март, в средней полосе, ещё совсем не весна. Но именно сегодня, ярко светило солнце, переливаясь на остатках подтаявшего снега, заглядывало в тонированный окна машины, бликовало в зеркалах. Ласково и игриво, словно уговаривая, поскорее раздеться и окунуться в весеннее настроение, когда вся природа просыпается, оттаивает.

Машина подъехала к большим кованым воротам, которые тут же начали распахиваться. Вдали виднелся шикарный особняк. Мы проезжали по дороге вымощенной камнем. Вокруг открывался вид на спящий ещё под снегом сад, с белыми статуями, и разбросанными повсюду беседками. Летом здесь, наверное, да что там, наверное, совершенно точно, красота. Но и сейчас, под яркими лучами солнца, было некое очарование. Застывшая на время природа пробуждалась, тянулась к жизни, возрождалась. Проталины тянулись трещинами по бурой траве, испарывая серый снег. И везде, куда хватало глаз, было солнце. Яркое, невыносимо слепящее.

— Приехали, — вздохнул мама, когда машина затормозила у двухстворчатых резных дверей особняка.

Я посмотрела на неё, потом на папу.

— Так волнительно, словно впервые тебя замуж выдаём, — папа высказывает то, что у всех на сердце.

— Главное чтобы в последний, — кивает мама, и касается моей холодной руки, сжимает, — главное чтобы на всю жизнь!

— Я так на это надеюсь, — сжимаю её руку в ответ, потом прижимаю к себе сына.

— Ещё чуть-чуть! — шепчу всем, и мы замираем. Наслаждаемся тишиной, прежде чем шагнём в другую жизнь.

— Слава Богу, вы здесь! — дверца открывается, и в машину заглядывает девушка-организатор нашей свадьбы, Марина.

— А что мы опаздываем? — роюсь в сумке, чтобы посмотреть на телефон. Он мигает потухшим экраном. Я включаю его.

Мы все выходим на улицу.

— Нет, нет, просто, ваш жених, почему-то уверен, что вы не приедете, и готов тут уже всё разнести по камешку, — смущаясь, произносит Марина.

В моей руке вибрирует телефон, оповещая, о бесконечных сообщениях и пропущенных вызовах. Кир рвет и мечет. Угрозы перемежаются с уговорами, и обещаниями, того что он со мной сделает. Я же вроде, как оставила наш спор открытым, ещё и телефон выключила. В общем, никому здесь не завидую, кто стал свидетелем его буйства, видимо Марине досталось больше остальных. Она прямо трясётся.

— Марина простите его, пожалуйста, он просто...

— Он безумно вас любит, — заканчивает она, — он мечется, как раненый зверь. Уверен, что вы не приедете!

Мы заходим в шикарный вестибюль. Справа за закрытыми стеклянными дверями, виднеется наш зал для торжества. Там под натянутым шелком потолком свисают цветочные гирлянды. На окнах в свете солнечных лучей, переливаются нити стекла. Многочисленные круглые столики украшены яркими цветочными композициями, когда вся гамма, выдержана в приглушённом кремовом, бежевом цвете. Это очень красиво и изысканно.

Но мы идём в другую сторону. И здесь тоже роскошная гостиная, где уже меня ждут мои

стилисты поправить мой макияж, отпарить складки на платье.

Я точно сегодня принцесса. Красавица. Надо только своё чудовище успокоить.

«Ямал угомонись, и перестань всё крушить вокруг, я уже здесь» — скидываю сообщение, пока девушки суетятся надо мной. Марина убегает всех расставить по местам. Мама с Андреем уходят с Мариной, папа остаётся со мной.

Смотрю на телефон. Ответа нет, но видно, что сообщение дошло, и прочитано.

Буду надеяться, что не убьёт при всех, подождёт хотя бы вечера.

Когда всё готово, я благодарю своих фей, как я прозвала девушек стилистов. Возвращается Марина, говорит, что всё готово.

— Как Кир? — спрашиваю, когда мы идём к выходу на задний двор, туда, где и будет происходить церемония.

— Вроде нормально, по нему трудно понять, но буйный огонёк из глаз вроде пропал! — отвечает Марина.

Да Кир изваяние, лишний раз на эмоции не выведешь. У меня только и получается.

Я распахиваю норковую шубку, чтобы было больше платья. Беру папу под руку. Марина открывает двустворчатые двери, и мы попадаем в сад.

Ну и что, что природа спит ещё. Это для сказки не помеха. Потому что по-другому не могу охарактеризовать, всю красоту этого места. И даже папа вздыхает ошарашено и крутит головой.

От порога ведут белые мраморные ступени. От ступеней ведёт такая же белая дорожка, сплошь усыпанная лепестками роз. А вдоль дороги стоят мраморные колонны, увитые цветами. Алыми, розовыми, малиновым. А возле колонн, все наши друзья, родственники, восхищённо и восторженно смотрят на меня, не идущую, плывущую среди всей этой красоты, в потоках солнечного света. Туда где колонны сходятся, и причудливые лианы цветов переплетаются в арку, на небольшом постаменте. Звучит лёгкая красивая мелодия. Люди вокруг улыбаются. Машут подруги, охают тётушки. Мама так и вовсе всплакнула. А я во все глаза смотрю вперёд, туда, где с каменным выражением лица застыл мой бог.

При виде Кира я чуть не выпала в осадок, хорошо, что папа меня поддерживал. Это был не мужчина, это был какой-то небожитель.

Темно-синий элегантный костюм тройка облегал высокую, мощную фигуру. В расстегнутом пиджаке виднелась модная жилетка. Узкие брюки облекали стройные ноги. Кипельно-белая рубашка с воротником стойкой, стянутым широким узлом пудрово-розового галстука, и такая же роза, приколотая на лацкане. Волосы в стильной стрижке, модно уложены. Непроницаемое лицо, чисто выбрито. И серые глаза, холодные, обжигающие, текут ртутью. Впиваются в меня. Вбирают без остатка. Обжигают своей стужей. В самое сердце смотрят, пронзают. И тянут к себе. Увлекают в свой холодный водоворот. Привораживают.

Папа подводит меня к нему, и передают мою руку в его горячие ладони. Он сжимает мои пальцы, чувствуя какие они холодные, и недовольно кривится, запахивает на мне шубу, и притягивает за плечи, в губы мои своими впечатывается. И я как будто во сне, тону в этом сладком омуте, поглощенная им полностью. И даже не слышу, как восторженно ахнули и заверещали гости, реагируя на наш поцелуй. А женщина регистратор, вставшая за стойку, громко прокашлялась.

— Мы немного забежали вперёд! — шутит она, и все вокруг смеются, и я с неохотой отстраняюсь, и пытаюсь настроить зрение на ней.

Кир снова берёт мою ладонь, сжимает в своих, согревает. Я как дурочка стою и

улыбаюсь, сжимая другой рукой свой букет, в пол уха слушая речь регистратора. Стараюсь сосредоточиться, но мысленно, возвращаюсь в сладкую негу нашего поцелуя.

— Прошу ответить вас невеста! — доносится до меня.

Я выплываю из своих мыслей.

Кир смотрит на меня выжидающе.

— Да, — отвечаю я, — конечно, да! — голос дрожит.

Регистратор кивает, и поворачивается к Киру.

— Является ли ваше желание Кир Дмитриевич, свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по собственному ли желанию и доброй воле вы заключаете брак? Прошу ответить вас жених!

— Да! — отвечает Кир.

— Ваше взаимное согласие даёт мне право зарегистрировать ваш брак, — торжественно произносит регистратор, — прошу скрепить подписями ваше желанием стать супругами.

Мы с Киrom по очереди ставим подписи. Моя маленькая и аккуратная, и его размашистая с красивой буквой «Б».

— Теперь можете обменяться кольцами, — командует женщина, подаёт Киру открытую бархатную корочку, где торчат два гладких, золотых ободка.

Он вытягивает то, что поменьше, и надевает на мой безымянный палец, в соседство с тем, что дарил с предложением. Потом я дрожащими руками, вытягиваю его кольцо, и надеваю, на его палец, на котором выбит узкий и изогнутый хвост змеи, что притаилась на тыльной стороне ладони. Он тут же перехватывает мою руку, снова сжимает, всё пытается согреть. Но я уже вся дрожу от волнения.

— Ну что ж! Объявляю вас мужем и женой. Вот теперь можете поцеловать жену! — улыбается регистратор.

Кир притягивает меня к себе, нежно ведёт по скулам, пальцами приманивая к себе, склоняется, и смотрит, словно не может наглядеться. Обрамляет горячим дыханием, а я и вовсе своё затаиваю, в ожидании первого супружеского поцелуя.

— Люблю тебя! — хрипит его голос.

— И я тебя! — отвечаю, сама тянусь к его губам. Он нежно и легко касается меня, и тут же все взрываются овациями и поздравлениями. А мы целуемся.

Самозабвенно.

Упоённые друг другом.

Секунды.

Минуты.

Часы.

Вечность.

20

Первым к нам бросается Андрей, обнимает меня. Верещит звонким голоском поздравления. К Киру подходят какие-то суровые мужчины, скупно улыбаются, жмут руки, хлопают по плечу. Ко мне кидаются мои подружки. Трещат поздравления, перемежая с комплиментами. Потом подходят родители. Мои и Кира. Напутственно говорит Дмитрий Алексеевич, потом моя мама толкает речь. Обнимают нас по очереди. А потом ещё поток людей, знакомых и не очень. И каждый выражает признание и поздравления.

Мы выстраиваемся под чудесной аркой, с колонами, для фотографии. Потом ещё и ещё, много бесчисленных фото.

На алее замелькали официанты, разносящие напитки и закуски. Под натянутым, рядом, шатром стояли столики и стулья, тоже с небольшим аперитивом. Гости постепенно расходились по алее, греясь на ярком солнце.

Мы вдруг остались одни. Стояли под колонами. Я смущенно посмотрела на Кира.

— Ты, правда, поверил, что я не приеду?

— Было такое подозрение, — хмыкает Кир, — особенно, когда телефон вырубил.

— Кир, ну куда я от тебя денусь? — всплеснула руками, и тонкий подол платья метнулся, словно дымка, потёк по воздуху.

— Красивая, зная твой характер, куда угодно, — он проводит пальцем по контуру моих губ, — ты охуенно красивая! Пиздец, просто глаз не могу отвести! — вдруг признается он.

— Спасибо, — улыбаюсь я, — а нам обязательно оставаться, может ну эту свадьбу! Нас же уже расписали!

— Не дразни меня! — рычит он, склоняясь ниже, и согревает своим дыханием мои губы. — Выкраду, не успеешь и глазом моргнуть! — и только собирается поцеловать меня, как за спиной раздаётся громкий голос.

— Ямал, харе, у вас теперь вся жизнь впереди, пошли нужно выпить! — вопит Паша, прижимая к себе улыбающуюся Иришку.

Кир вздыхает и быстро чмокает меня в губы, обнимает за талию.

— Веди, бармен, будем пить! — усмехается он, а сам ко мне склоняется.

— А ты зашла бы погрелась, руки ледяные, — говорит он, когда мы идём к шатру.

— Не хочу без тебя, — мотаю головой, на что он криво улыбается.

Но в шатре, слишком много желающих с нами выпить. Если учесть, что я не пью, так яблочный сок в фужере, то пьёт в основном Кир, и я опасаюсь, что муж мой ляжет раньше времени. Но Кир, после пятого тоста, благоразумно, теперь только чокается, не пьёт, видимо тоже понимает, что с такими темпами долго не продержится.

А тосты и поздравления сыпаться со всех сторон. Особенно стараются друзья с его стороны.

— Помню, как увидел Юлию впервые, — старается Паша, и получает предупреждающий взгляд от Кира. — Да ладно Кир, не смотри так, но я реально думал, что ту ночь она не переживёт, так она тебе мозг ела, — смеётся этот нахал.

Иришка его тут же бьёт по плечу. Мужчины рядом смеются, и как ни странно я тоже, вспоминая тот вечер, когда испытывала его терпение, а утром всё же нарвалась.

— Помню, как увидела тебя впервые, — не осталась я в долгу, — болтает и болтает, думаю, ну когда успеваешь машину-то вести!

Мужчины опять смеются, зная, какой Паша разговорчивый балагур.

Он тоже смеётся, а я ему показываю язык.

Вскоре нас всех приглашают пройти в зал. Начался банкет.

Мы с Киrom сидим за главным столом. Гости рассредоточились за столами рядом. Андрейка сидит с нашими родителями, нетерпеливо заглядывает на стол, где стоит наш свадебный торт. Я ловлю его взгляд и подмигиваю. Он улыбается мне.

— Чего переглядываетесь? — замечает Кир.

— Да у Андрея слюнки уже текут, при виде торта, — отвечаю я.

Рука Кира ложится мне на коленку, и слегка сжимает.

— У меня тоже бегут слюнки, — Кир как всегда в своём репертуаре.

— От торта? — выгибаю я бровь, делаю вид, что не понимаю его намёков.

— Конечно от торта, — кивает он, — охуенный такой торт. Я бы его в одного бы сожрал, никому бы не кусочка не дал, сперва бы слизал бы весь крем, а потом бы и до начинки добрался. До горячей, влажной, узкой, начинки, прямо языком бы туда нырнул, — всё это он говорит мне приглушённым рыком, пуская мурашек по моей шее, своим горячи дыханием, и зажигая на моих щеках румянец.

— Кир... — пытаюсь его остановить, потому что возбуждаюсь от этих пошлостей.

— А когда закончу с одной начинкой, перейду к другой, не менее тугой, — продолжал этот гад, издеваться надо мной.

— Тихо, подожди! — вдруг вскрикиваю я.

Он удивлённо уставился на меня. А я отрываю его руку от своего колена, и кладу на живот.

— Чувствуешь? — улыбаюсь я во все тридцать два зуба.

Он хмурится, но тут я опять чувствую лёгкие толчки, в животе. Это впервые. И это так здорово.

Кир просто замирает. Он держит уже обе ладони, на моём животе и кажется, не дышит.

— Офигеть, — сипит он, — просто офигеть.

А потом мы замечаем, что среди лёгкой музыки, играющей фоном, не слышно голосов. Мы поднимаем глаза и понимаем, что мы облажались по полной. Тоже мне разведчики. Так спалиться, причем сразу перед пятьюдесятью гостями. Наши гляделки с ними продолжались, до тех пор, пока Паша не соскочил со своего места.

— Ну, ты Ямал силён! Поздравляем!

И все отмирают, зал наполняют голоса. Все вторят Паше. Поднимают бокалы, кричат тосты, и поздравления. Девчонки делают большие глаза и показывали кулаки, видимо сетуя, что я держала это в тайне. Я только покаянно вздыхаю, ну что тут скажешь, виновата. Родители радостно улыбались, а мама моя, которая и так про это знала, опять пустила слезу.

Вечер пошёл своим чередом. Появился весёлый ведущий, потом выступали музыканты. Мы много танцевали, развлекались. Я честно продержалась на каблуках пару часов, а потом без зазрения совести сбросила их, переобулась.

Теперь самым распространенным вопросом был, кого мы ждём. Только мы ещё и сами не знали. Поэтому хором с Киrom отвечали, что ждём ребёнка.

День сменился вечером. За окном засверкала гирлянда. Неоновые огни, словно звезды, мерцали на фоне темнеющего неба. Теперь казалось, что сказочный шатёр перенёсся в чудесную восточную ночь. Глубокую, и ароматную. Потому что запахло кофе, и мускатом. Подошло дело до торта. Кир первым делом, позвал к нам Андрея, и, подняв его на руки, помог тому отрезать столько, сколько он захотел. Сын довольный, тащил к столу половину верхушки торта. Такой забавный. Я обняла Кира за талию, и благодарно чмокнула в щёку.

— Спасибо!

— Устала? — прижимает он меня к себе.

— Еле на ногах держусь, — призналась я.

— Ещё немного потерпи, и поедем домой, — шепчет он.

— Хорошо, — киваю я.

Он усаживает меня у стола родителей, а сам куда-то исчезает. Мы пьём чай, и болтаем. По залу кружиться парочки, под тихую медленную музыку. В дальнем углу, за столом сидит компания мужчин, они продолжают выпивать и о чем-то шумно галдят.

Тут возвращается Кир.

— Пойдём! — протягивает мне руку.

— Куда? — удивляюсь я, следуя за ним. Он выводит меня из зала, помогает переобуться и надеть шубку.

— Мы будем с тобой в первых рядах, — опять тянет, теперь на улицу, но уже к главному выходу.

Мы выходим на улицу. Вечер тут же встречает нас прохладой. Я жмусь к Киру.

— Кир?

— Ну, потерпи, красивая, — усмехается он, и показывает на небо, где загораются первые звезды. А потом внезапно расцветает цветок фейерверка. Накрывает нас своими огнями. Я вскрикиваю от неожиданности, а потом и от восторга. Хлопаю в ладоши, как ребёнок. Потом на небе распускаются сразу три цветка, и постепенно гости наполняют сад. Возгласы, и крики разрывают ночной воздух. Небо всё озаряется и озаряется новыми огнями.

Я стою, прижавшись к Киру, и млею от восторга. Разве могла я подумать, что вот так всё завершится, когда он бесцеремонно, и грубо вошел в мою жизнь. Разве могла подумать, что буду стоять и смотреть фейерверк на нашей свадьбе, когда он выкупил меня на потеху.

Когда терзал своими грубыми ласками? Кто бы мне тогда сказал, что мы будем стоять рука об руку, среди всех наших родных и близких, на празднике посвящённом нашей любви. Стоило ли всё это пройти, чтобы оказаться здесь и сейчас?

Конечно да! Сто раз да!

А потом Кир потихоньку утягивает меня, пока все заняты праздничным салютом. Он уводит к машине. Мы садимся на заднее сидение, и уезжаем, не заметно и быстро.

Андрей сегодня переночует у моих родителей, а остальные не маленькие, сами разойдутся. Свой чудесный букет не стала бросать, а просто подошла к Иришке, и вручила ей.

— Ты следующая подруга, — улыбнулась ей.

Иришка неопределённо пожала плечами, но букет приняла.

А в машине я бесцеремонно заснула и не проснулась даже, чувствуя, что Кир несёт меня на руках.

Открыла глаза уже в спальне, когда он опускает меня на кровать, и разувает.

— М-м-м, надо вставать! — тянусь я.

— Да спи уже, — Кир помогает снять мне шубу.

— А как же торт, которой ты съешь в одного? — зевнула я.

— Я сожру его потом, когда он не будет таким уставшим, — усмехается Кир.

— Вот! Начинается, — беззлобно ворчу я, — не успели пожениться, уже пошли претензии, — и снова зевнула.

— Я же о тебе забочусь, — офигивает Кир.

— Ну, тогда помоги мне раздеться и умыться, потому что, к сожалению, так спать нельзя, а очень хочется.

Кир помогает мне раздеться и даже умыться, а потом укладывает в кровать, и прижимает к себе. И мне хочется во многом ему признаться, потому что грудную клетку просто распирает и теснит, большое счастливое сердце, но я молчу, слушая его глубокое дыхание, греясь о горячую кожу, и вдыхая родной аромат. И мне хочется, чтобы эта ночь никогда не кончалась.

Самая замечательна, первая брачная ночь.

— Юлия Викторовна, добрый день! — секретарша Лена, подлетела при виде меня, и почему-то нервно оглянулась на дверь кабинета Кира.

Я удивленно задрала бровь.

А в чём, собственно, дело?

Ну да, мы видимся всего второй раз.

Сперва Кир не стесняясь, оприходовал меня в своём кабинете почти, у неё под носом. Теперь я с огромным животом, ребёнок явно пошёл в Кира, снова появляюсь, под ясны очи, красивой брюнетки.

Просто получилось всё неожиданно. Я была в клинике, на плановом УЗИ, и новая медсестра, проговорилась, что у нас будет мальчик. Врач, с которой у нас был уговор не говорить без Кира пол ребёнка, ругала её потом, и девушка долго извинялась перед мной, говоря, что не привыкла, что к такому сроку, никто не знает пола ребёнка. Ну да, мы так и не синхронизировались с Киrom. Он много работал, и сдаётся мне, специально увиливал, от того, чтобы сходить со мной на приём, и вот сама судьба решила за нас.

Я успокоила девушку, они там, по-моему, все меня боялись, зная, кто мой муж. Я даже была рада, что так получилось, потому что Кира не дождётся. -К-н-и-г-о-е-д-.-н-е-т-

Я проштудировав интернет, на тему как сообщить папаше, о том, что у него будет сын, выбрала, казалось самый забавный и быстрый способ, потому что не терпелось.

Попросила Вову, водителя которого ко мне приставил Кир, завести меня в магазин для творчества и праздника.

И вот без предупреждения, ведь сюрприз же, явилась к Киру в офис, с тремя шарами, надутыми гелием, внутри которых были голубые конфетти, серпантин и записочки с текстом «У нас будет сын!»

— Кир у себя? — спросила я у Лены, и вручила ей шары, подержать. Стащила с плеч, тонкую кофту, оставшись, в длинном лёгком платье.

Конец апреля, словно лето. Жарко, даже в офисе, где повсюду климат-контроль.

Перекинула кофту через сумку, через плечо косу, и забрала у Лены шары.

— Да... да... конечно, — закивала Лена, и снова оглянулась на дверь.

— И? — не поняла я.

Она тут же склонилась к селектору.

— Да, — услышала я голос Кира из динамика.

— Кир Дмитриевич, а к вам ваша жена, Юлия Викторовна! — доложила Лена, и вроде голос её дрогнул.

Я совсем растерялась, не понимая, что происходит. А когда Кир замолчал, словно, подбирая слова в ответ, я вообще обалдела и кинулась к двери, дёрнула ручку, но она не поддавалась. Дверь была закрыта.

— Кир! — крикнула я, сжимая эти дурацкие шары, и испепеляя дверь взглядом.

Замок щёлкнул, и на пороге показался Кир.

— Красивая, ты чего здесь? — он явно не желал, чтобы я видела что там, вернее кто там, в его кабинете, потому что пошёл на меня, вытесняя в коридор. А самое поганое, что лицо у него было растерянное.

У Кира растерянное лицо!

— Что происходит Кир? — я пыталась выглянуть из-за его плеча, но куда там, он ловко утекдал то в одну сторону, то в другую, всё дальше оттесняя меня от входа.

— Все норм, — ответил, и посмотрел на шары. — Чё за праздник?

— Кир, кто там у тебя? — не стала я ходить вокруг да около.

— О чём ты? — он перехватил меня под локоть, потянул к лифту.

— Да что за фигня, Ямал, ты меня за дуру держишь? — разозлилась я, и вырвала свою руку из его лап, кинулась к кабинету.

Но врываться туда уже не понадобилось. Дверь открылась, и на порог вышла высокая брюнетка. Тонкая, хрупкая. С модным каре, и голубыми глазами. На ней был деловой костюм, с распахнутым джемпером.

Жарко всё же!

Белая блузка, и облегающая стройные бёдра, юбка. И без того бесконечные ножки, удлинняли туфли лодочки. Она смотрела на меня настороженно, но все же высокомерно. Я против неё словно шарик воздушный, что в руках держу. А самое хреновое, я знаю кто это.

Это была Катя.

Любопытно мне было, как первая любовь Кира выглядела, и я нашла её в соцсетях. Уже тогда мне казалось, что я проигрываю ей, но Кир, со своим темпераментом, заставил забыть все эти дурацкие мысли, и вот она стоит передо мной. А несколько минут назад, стояла перед ним, а может и не стояла, кто ж теперь узнает, ведь дверь то они заперли.

— Понятно, — выдохнула я, и словно сама выдохлась, развернулась, не так ловко, как хотелось бы.

— Юль... — начал Кир, и зыркнул на Катю.

— Надеюсь, ты, наконец счастлив, — выплюнула я.

— Чё несёшь, Юль! — Кир обжёт меня взглядом.

Офигеть, это он ещё на меня и злится.

— Вот, это тебе — вручила ему шары, и, выхватив у Лены со стола ручку, лопнула их по очереди. Они рассыпались голубыми конфетти, усыпав всё вокруг. — Поздравляю, у нас будет сын.

— Юль, заканчивай, — глаза Кира блеснули, и даже улыбка промелькнула, а потом взгляд переполз за моё плечо, потом снова на меня. Я обернулась, бросила взгляд на притаившуюся девушку, потом, на секретаршу Лену, которая тоже затихла, и вроде бы как старалась на нас не глазеть. Но мы стоим посреди приёмной. И ситуация, которая унижает меня, тоже посреди этой приёмной. Как в этот момент я пожалела, что не предупредила о своём визите. Я не хотела этой правды, не хотела. Я слишком размякла в своём ванильном мирке, где я самая важная, самая главная.

Это так жестоко! Снова указать мне, на моё место. Словно мы снова в ресторане Ашота, и он ставит меня на колени, и доказывает делом, для чего я ему нужна.

— Не вопрос, закончила, — я пошла к лифту, но Кир сцапал меня за локоть, повернул к себе. И глазами своими ледяными, прозрачными, ртутными, по лицу моему водит. Ощупывает, словно диагностику проводит, насколько глубоко ранил, и какая реабилитация требуется, перевязка или электрошок.

— Я всё объясню... слышишь, — склоняется ниже, затягивает в омут свой, и так хочется туда нырнуть снова, да только боюсь не выдержу очередного погружения, задохнусь. Он всё это прекрасно читает на моём лице. Он всегда хорошо считывает мои эмоции, а я их и не скрываю сейчас.

Мне больно.

Больно дышать.

Смотреть на него больно.

Аромат его горький и такой родной вдыхать больно.

И руки его, что крепко держат, тоже больно.

— Ты что себе напридумывала? — встревожено, бормочет, — Никуда не пойдёшь, пока не поговорим!

И в это время на этаж приезжает лифт. Из него выходят трое мужчин, и все напрямиком к нам.

— О, Кир Дмитриевич, — шутит один из мужчин, и протягивает Киру руку, для рукопожатия — лично встречаете?

— Ага, — скалиться Кир, и поспешно жмёт протянутую руку, и кивает в сторону своего кабинета, — проходите, сейчас буду.

А я, улучив этот момент, пока он меня отпустил, быстро заскакиваю в лифт, и Кир только и успевает, бросит на меня убийственный взгляд, и двери сходятся, и я как ополоумевшая жму на кнопку первого этажа. И оседаю по стенке вниз.

Чувствую, как внутри зарождается истерика, Ползёт, душит, давит. Лишает дыхания, И сердце болью в груди ощущается. Слёзы щиплют глаза. Пытаюсь дышать глубоко, чтобы успокоиться, но выходит плохо. Выходит наоборот. Перед глазами так и стоит высокая, изящная Катя.

Почему я так на неё реагирую?

Что за комплекс неполноценности?

Но не могу, ничего с собой поделать. Кто угодно, но только не она. Даже Жанна, так не жалила. А она, просто наповал.

После того как я узнала, как он её любил, как сносил всё вокруг, только ради неё. Я не могу спокойно сопоставить её и себя, потому что проигрываю. Ей.

Мне кажется, что в глубине души, очень-очень глубоко он её ещё любит, и в этой глубине совсем нет места для меня. Потому что так бесследно не проходит такая большая любовь. Даже если у тебя другая жена, и ты её может даже и любишь, что такого, если кусочек твоего сердца занят другой?

— Эй, вам плохо? — надо мной склоняется какой-то парень.

Да мне плохо! Плохо! Я только что повела себя как ревнивая психичка! Сбежала, поджала хвост, вместо того чтобы спокойно разобраться. В конце концов, Кир не давал мне повода подозревать его в чём-то. Он с ума по мне сходит... Но... Но эта закрытая дверь, она меня вывела из равновесия, снесла мне крышу напрочь.

Парень помогает мне встать на ноги, и что-то говорит, предлагает вызвать скорую. Я отказываюсь, уверяю, что всё в порядке, просто жарко, и голова немного закружилась.

Прекрасно осознаю, что Вова уже получил все распоряжения по поводу меня. Но мне так не хочется домой. Хочется побыть одной, и подумать, собрать в голове весь этот пазл, смириться с существующим положением дел.

Я вызываю такси, и прошу подъехать к самому входу бизнес-центра, потому что Вова припарковался, дальше на стоянке. Он, конечно, стоит у машины и ждёт, когда я выйду. Но мне хватает времени, чтобы прощмыгнуть в машину такси, пока он смотрит в другую сторону, всего мгновение, я уже сижу, скрыта от его глаз.

Называю водителю адрес.

22

Моя старая квартира так и стояла бесхозная, ни кем не занятая.

Я здесь давно не была. Всё осталось, как и было когда мы с Андреем переехали к Киру,

собрав немногочисленные вещи, в основном это были личные мелочи.

Я отодвинула толстую портьеру, в комнате которую раньше занимал Андрей. Её окна выходили во двор. Один из тех, где под тенью деревьев собираются бабульки, и бегают по площадке детишки. Приятный такой двор, домашний, уютный. И очень мало машин, потому что в основном пенсионеры одни живут. Вот сейчас, все выползли на солнышко погреться. Мамаши с детишками в песочнице, старушки по лавочкам, и солнце заливает весь двор, прячется в набухающих почках деревьев, и ласково греет, нежит в своём тепле.

Я оглянулась на запылённую мебель. Когда-то мы с Юрой брали для Андрея эту швейцарскую стенку, в кредит. Андрей прыгал от радости, когда Юра, наконец, приладил её. Не слезал с неё, казалось спать был готов повиснув на брусках. Я качнула их и они медленно, поддались, раскачались. В луче солнца тут же взметнулась пыль.

Я погладила косяк, на котором мы отмечали рост Андрейки. Отметины шли с года. А ещё здесь были надсечки с названием мама и папа. Только они и остались от нашей семьи.

Я прошла в зал и забралась в любимое когда-то кресло с ногами. Здесь было душно, но совсем не жарко, как на улице, ведь окна все закрыты наглухо. И так умиротворяющее тихо. После всех сегодняшних эмоции на пределе, здесь был островок спокойствия и какого-то даже забвения. И это именно то, что мне сейчас было нужно. Немного забвения.

Спокойствия.

Умиротворения.

И я даже не против немного вздремнуть. А может и уснуть.

Меня будит запах сигарет, и кофе.

Я открываю глаза, темно. Обалдеть, я вздремнула.

Неуклюже сползаю с кресла, и против воли потягиваюсь. На кухне горит свет, и я прекрасно знаю кто там.

Кир стоит ко мне спиной, положив руки в карманы. Смотрит в окно, курит рядом с открытой форточкой, зажав сигарету зубами. Его пиджак лежит на стуле рядом со столом, на котором стоит пустая чашка с остатками кофе. Сверху валяется распущенный галстук.

— Успокоилась? — спрашивает он, даже не поворачиваясь.

— Как ты меня нашёл? — вместо ответа спрашиваю я, и давлюсь зевком. В голове неприятно шумит, и тело ломит от неудобной позы, в которой заснула. Я потираю слезящиеся глаза.

— Ты серьёзно думаешь, что можешь сбежать от меня, красивая? — поворачивается он лицом, затушив сигарету в блюдце.

Его лицо непроницаемо.

— Я и не хотела сбежать. Просто хотелось побыть одной, — пожалала плечами, игнорируя тяжёлый взгляд, который чисто физически заставлял трепетать. Но я храбро сбросила этот морок, научилась за это время, и отвернулась, потянулась к кружке, набрала воды и напилась, а, то что-то совсем в горле пересохло.

— А что дома, нельзя побыть одной? — режет слух, низкий недовольный голос.

Он так и стоит у окна, руки по-прежнему в карманах держит. Рубашка на груди расстегнута, и на ключицах и шее, видна надпись. Плечи устало, опущены, и голова немного склонена. Рассматривает меня, наверняка пытается понять, готовлю ли я ему скандал.

— Я что в рабстве? — злюсь.

— Ты замужем, — парирует Кир, — могла бы сообщить, что свалишь на свою старую хату.

— Когда, интересно, я должна была это тебе сообщить, когда ты со своей бывшей закрылся в своём кабинете, или когда выпроваживал меня из офиса? — обида всё ж прорвалась, как я не хотела выяснять по этому поводу отношения.

— Ты вымораживаешь меня своей ревностью, — рычит Кир, подаваясь вперёд, словно к прыжку готовился.

— Считаешь, что напрасно? — гордо вскинула подбородок.

— Считаю, — говорит коротко.

— Ну, тогда объясни, может, я чего-то не понимаю, Кир, — внутри поднималась такая ярость, на то, что он, как ни в чём не бывало, продолжает строить из себя альфа-самца. — Ты сам-то как себя повёл бы, поменяйся мы местами?

Он ничего не ответил, только плотнее сжал губы, так что они побледнели.

— Что никак не привыкнешь отчитываться, ну так ты женат, придётся! — язвлю я.

Видимо его терпению приходит конец, потому что он аккуратно смещает меня к стенке, и также аккуратно меня там зажимает, вроде и не давит, но и свободы особо нет. В стену руки впечатывает, словно в ловушку заключает, и нависает, давит своим взглядом.

— Давно за борзоту свою не отвечала, — рычит он, и носом по моей макушке ведёт, запах втягивает, — всякая ересь в голове!

— А тебе, я смотрю нравится этот накал! — кривлюсь я в усмешке, и толкаю его в грудь, — ну давай продолжай доводить меня! А после, может соизволишь ответить, какого хрена твоя драгоценная Катя делала у тебя в кабинете, в котором вы заперлись? — снова его толкаю, потому что завожусь опять.

Но Кир перехватывает мои руки, и разводит их в стороны, заставляя вскинуть вверх голову и посмотреть на него.

— Ничего мы там не делали, — рычит в ответ, — эта дура припёрлась на работу наниматься, и решила по старой памяти меня соблазнить, и дверь закрыла, а тут ты...

— И что, ты не соблазнился? — хмыкаю я, скинула со своих, его руки, и снова толкнула, потому что душно мне, и дышать совсем нечем. Навис тут своей машиной, ароматом горьким опутывает, глазами ледяными давит, мне жарко стало и сердце задрбило.

— Блядь, когда ты поймёшь, что кроме тебя, мне никто не нужен? — Кир совсем не отталкивается, а даже наоборот, ещё ближе становится, насколько позволяет мой живот, и за подбородок моё лицо держит.

— Даже она? — смотрю требовательно, сканирую, любую фальшь учую.

— Даже она, — склоняется к моим губам, — даже хоть кто, — пробный поцелуй, короткий, быстрый, — только ты, — и снова склоняется, прихватывает зубами за нижнюю губу оттягивает, всасывает, отпускает, — сучка моя борзая!

— Слияла! Полгорода перерыл, Вову чуть наизнанку не вывернул, — и снова в губы вгрызается, стон вырывает. Я обхватываю его за шею, потому что ноги подводят, опора нужна.

— Вот было бы мне по хуй на тебя, вставал бы у меня каждый раз, как ты мимо пройдёшь? — Кир кладёт мою руку на отчетливый бугор под его брюками.

— И всё равно Кир, — капризничаю я, руку, тем не менее, не убираю, сдавливаю твёрдый член, глажу, выпирающую плоть, — тебя это не оправдывает, и не прощает. Мог сразу всё объяснить!

— А ты стала бы слушать? — ворчит он, и дыхание переводит, шумно так с хрипом. — Давай заканчивай, — руку мою отстраняет, — проигрались, и хватит, дома продолжим, если

захочешь!

— Я требую наказания, — надуваю губки, когда он отходит.

— И чего ты хочешь? — Кир натягивает пиджак, и запихивает галстук в карман.

— Пойдёшь со мной на УЗИ, — решаю я.

— Зачем? Мы же вроде уже выяснили, пацан у нас будет!

— Не мы выяснили, а я одна, а хочу с тобой!

— А это не вредно столько УЗИ делать? — делает попытку избежать наказания.

— Не вредно, — развеваю, все его надежды на избежание этой процедуры, — как раз на тридцать второй неделе будет последнее, и если ты найдешь, хоть какой-нибудь способ этого избежать, я тебе весь мозг съем, ты знаешь, я это умею!

— Блядь, а бриллианты не сойдут, — кривится Кир.

— Не сойдут, — показываю язык.

— Ну, тогда готовься отрабатывать сегодня, — прихватывает меня за зад, когда я отвернулась, собираясь выйти.

— Офигеть, Кир! — возмутилась я. — Как это так получается? Ты накосячил, а я отрабатывай!

— Уметь нужно, красивая, — ржёт Кир.

— Эксплуатируешь, беременную женщину, не стыдно? — продолжаю фырчать я.

— Беременная женщина, сама находит приключения на свою задницу — заявляет это хамло.

Так мы и переругиваемся, пока выходим из квартиры, а потом из подъезда.

А на улице резко замолкаем, потому что в нашем уютном, домашнем дворе, где так любят играть маленькие дети, и сидеть под тенью деревьев старушки, стоят три тонированных джипа, вокруг которых собралась целая армия.

23

Мужчины что стоят вокруг, сплошь головорезы. Вот видно по ним. По их тяжёлым жёстким взглядам, по позам хищников, по оскалам и ухмылочкам, когда они видят нас. А самое страшное, что Кир, задвигает меня за спину, и материться.

Значит это враги, и у нас большие неприятности.

Из центральной машины выходит ещё один. Идёт вальяжно, смотрит остро. На нем элегантный костюм, начищенные туфли.

Ну что сказать, у бандитов появился стиль, не девяностые!

Он низкий, и худой. Полностью седой. И глаза его чёрные, страшные. Их я уже рассмотрела в машине, в которую он нас пригласил. Кир так сжал мои пальцы, что мне стало больно, и я даже пискнула, и он нервно на меня оглянулся, и ослабил хватку. Помог залезть в машину, и сам сел рядом. Седой мужик, сел на переднее сидение. Водитель тут же вышел, оставив нас одних. И все эти волки, в человеческом обличии окружили нас, встали рядом с машиной. Я рассматривала их массивные фигуры, в свете фар. Они тихо переговаривались, зло посмеивались.

— Ну и чё за кипишь? — цедит Кир, впиваясь взглядом, впередисидящего мужчину. Он так напряжён, что мне кажется, я слышу треск его рубашки на плечах. Словно ещё мгновение, и он кинется на седого.

— Охолони, Ямал, — скрепит голос седого. Неприятный такой, словно пенопластом ведут по стеклу. — Я приехал поговорить с тобой!

— Да ты что, Эдик! — презрительно выплевывает Кир, его имя. — С десятком бойцов,

прекрасно зная, что я один с женой!

Эдик медленно разворачивается. Вот тогда я и рассмотрела эти страшные, безжизненные глаза. Глаза человека, нет не человека, монстра, который одним щелчком пальцев раздавит тебя, не посмотрит не на что.

— Ты очень борзый, Ямал, — Эдик тоже зло чеканит слова, — как влез в наши темы, борзо, так и слиться захотел, всё в чистые схемы перевести. Да только так не делается, я тебя предупреждал, чтобы мою землю не трогал!

— Она не твоя, — тихо роняет Кир.

— Моя, — настаивает Эдик, — и у меня на неё другие планы! И если ты размяк, и решил от дел отойти, под юбку своей девахе залезть, то вот тебе условие моё, всё что имеешь, отдаешь мне, и тогда расклад чист.

— Не треснет ли твоя харя, Эдик! — Кир немного подался вперёд, а я от страха вцепилась в его локоть. Но он этого даже не заметил.

— Я разговариваю с тобой, только потому, что есть за тобой люди, с которыми ссориться мне не резон, — Эдик даже ухом не повёл, равнодушно смотрит на Кира.

— Иди на хуй! — презрительно кидает Кир, и тянет меня за собой, на выход.

— Имей ввиду Ямал, если выйдешь отсюда без меня, словишь пулю в башку упрямую, а девку твою по кругу пушу, — скребёт голос Эдика, и я вздрагиваю.

Похоже мы в западне. И Кир тоже это понимает, потому что останавливается, всё ещё сжимает мою руку, но замирает. Прикидывает варианты, обдумывает.

— Гарантии какие, — наконец цедит он.

— Всё очень просто, — Эдик растягивает тонкие губы, в подобии улыбки, и я даже не знаю что хуже, когда он словно истукан не выдаёт никаких эмоций, или вот так улыбается. Он достаёт какую-то папку и протягивает Киру. Тот берёт и пробегается глазами. Я тоже смотрю туда, но ничего не понимаю. Какие-то печати и размашистые подписи, печатный текст.

— Подготовился, — скалиться Кир, поднимает на седого тяжёлый взгляд.

— Я тебе сразу сказал, что ты не с тем связался, — отвечает тем же Эдик, и кидает Киру ручку, — подписывай, или он мне отойдёт после твоей смерти.

Кир ловко ловит ручку, и ставит свой размашистый росчерк в конце документа, кидает Седому.

— Подавись, Эдик, и больше не смей подкарауливать меня, если есть планы на будущее, — режет тишину, низкий голос Кира, он снова берёт меня. Его руки словно огонь, обжигают мои холодные пальцы. Я просто заледенела от страха, хотя в машине было довольно тепло. Но тело моё всё покрылось ознобом, и когда Кир переплёл свои пальцы с моими, мне стало хоть немного легче.

— Когда так явно выставляешь свои слабости напоказ, будь готов, что по ним нанесут первый удар, — хмыкает Эдик, одарив меня презрительным взглядом. Проходится полностью, начиная от макушки, лица, шеи груди, и заканчивает на большом животе, который я на инстинктах, тут же прикрываю. Он задерживает на нём прожигающий взгляд, и брезгливо кривит губы, и я плотнее вжимаюсь в Кира.

— На хуй иди, со своими речами, — рычит Кир, — давай вылезай, отмашку своим давай.

— Да не вопрос, — кидает Эдик и выходит из машины, и мы следуем за ним.

Под прицелом тяжёлых и откровенно злых взглядов мы садимся в машину Кира, и

уносимся прочь из этого двора.

Я сижу в оцепенении. Мозг, только сейчас начинает осознавать, чего мы избежали. Что могло произойти.

Кир с кем-то разговаривает по телефону. Отрывисто и быстро. Матерится и отдаёт команды. В конце бросает, что это ещё не всё. И поэтому машина летит со скоростью света по вечерней дороге. Он торопится успеть что-то предпринять, сделать последующий шаг.

А меня с такой же скоростью накрывает истерика. Она всё же добралась до меня. В моём состоянии такие эмоциональные качели, неминуемо приведут к выплеску всех впечатлений. Сперва я беззвучно плачу, но потом меня прорывает настолько, что всё моё тело сотрясается в рыданиях. Я складываюсь пополам, но ремень безопасности давит мне на грудь, и я немного отклоняюсь в бок, продолжаю реветь, сползая щекой по прохладному стеклу. Слезы, просто потоком льются из моих глаза, я даже утирать их не пытаюсь. Меня настолько захватывает отчаянье, и безысходность, что я даже не понимаю, что мы уже давно стоим на обочине. И дверь с моей стороны открыта, и Кир матерясь, отстёгивает мой ремень. Вталкивает мне пластиковое горлышко бутылки, наклоняет, и я делаю судорожные глотки воды, больше проливаю. Краем сознания, понимаю, знаю, что он не любит всей этой кутерьмы. Он ненавидит, когда я плачу. Но ничего не могу поделать с этой реакцией тела на стресс. Реву, самозабвенно, шмыгаю носом, размазывая по лицу солёные слёзы. Вот сейчас он меня пошлёт, далеко и надолго. У него и так неприятности, а я тут устроила...

Но он садиться на корточки рядом со мной и обнимает, гладит мою голову, и голос его низкий ласковый, утешает меня, просит успокоиться.

— Ну чего ты разошлась, красивая? — воркует он. — Тебе нельзя нервничать, а ты ревёшь!

Я в изумлении отстранилась от него, всхлипывая, рассматривая сквозь пелену слёз.

— Ты... ты... ты не злишься на меня? — заикаясь проговорила я.

— Юль, чё за хрень ты несёшь? Почему я должен злиться на тебя? — Кир вытирает с моих щёк слёзы, встревожено рассматривая моё лицо. — Что случилось-то? Испугалась?

— Да, — шмыгаю носом и снова заливаюсь слезами, упираюсь лбом в его плечо. — Очень испугалась!

— Ну, всё тих, тих, — снова гладит, успокаивает меня Кир.

Честно не ожидала от мужа такого проявления заботы. Того что будет успокаивать и по голове гладить, слёзы мои утирать.

— Всё нормально! Слышишь, нормально! — Он поднимает моё лицо, и заглядывает в мои глаза. — А будет ещё лучше. Обещаю, больше никто тебя не напугает, никогда, всё будет хорошо! Ты мне веришь?

Киваю, и он нежно касается моих губ. Целует солёные дорожки слёз. Согревает своим дыханием, и гладит. Не знаю, что на него нашло, может и сам понял всю серьёзность той ситуации, в которую мы чуть не попали, может, прочувствовал всё моё отчаянье, или просто сделал скидку на моё положение. Но Кир терпеливо меня успокаивает, утешает. Он никогда так со мной не разговаривал. Никогда не был таким трепетным и нежным.

— Всё серьёзно? — спрашиваю я, немного успокоившись.

— Тебе не о чём беспокоиться, я всё решу, — он поднимается, разминает затёкшие ноги. В его кармане звонит телефон, и прежде чем принять вызов, он аккуратно ставит мои ноги в машину и пристёгивает ремнём, закрывает дверцу.

Разговаривает на улице. Если и слышно что-то, то только отдельные фразы. Понятно,

что не хочет посвящать меня в свои дела, но мог хоть что-то объяснить.

— Кир... — пытаюсь я начать разговор, когда он садиться в машину.

— Не лезь в это Юля, — обрывает и заводит мотор, — у тебя есть, о ком заботится, а об этом позабочусь я.

Машина набирает скорость. Я даже не пытаюсь протестовать, или выпытывать что-то. Просто нет сил. Откидываюсь на сидение и жду, когда мы доберёмся до дома.

24

Закатное солнце озарило комнату оранжевым светом, проникая сквозь тонкие занавески, преломляясь, рассеиваясь, заливая всё вокруг золотым теплом. Грубые белые каменные стены, отразили свет, усиливая впечатления огня. Вся комната запылала, заиграла. Лучи даже в кроватку к Ромке заглянули, упали на умиротворённую мордашку, но не разбудили. Ромка был невозмутим, и не восприимчив ни к чему, кроме голода. А если учесть что он только что вкусно отобедал, высосав свой долю молока, то помешать его сну не могло даже солнце.

Я выглянула с террасы вниз, во двор, где Андрей носился с соседскими мальчишками с мячом, огибая многочисленные пальмы огороженные камнями, и ловко лавируя между лавочек. Мальчишки заливисто смеялись и их смешанная речь, то русская, то английская, то и дело срывалась с губ. Они, то дразнили Андрея, то просили дать им тоже шанс поиграть. Оба мальчика наших соседей, тоже русских, были младше Андрейки на два года, но жили они здесь, уже шесть лет. Влад и Женька. Погодки. Их родители познакомились здесь. Оба были в командировке, а потом как-то решили остаться тут, где триста дней в году светит солнце, и всегда слышен прибой моря. Андрей и Вера, стали первыми с кем я здесь познакомилась и подружилась.

Мальта.

Никогда в жизни даже представить не могла, что буду жить не на Родине.

Никогда.

Но за Киrom пошла, не спрашивая не о чем.

Тогда, весной, ещё в России, всё закрутилось невозможно быстро. После всех тех событий, время словно ускорило свой ход. За неделю было принято решение о переезде. И не просто переезде. А переезде в другую страну. Можно только гадать, как можно было так быстро подготовить документы, визы, для въезда в страну Евро Союза. Хотя большие деньги всегда решали всё. Тяжелее всего было объясниться с родителями, донести, что нет никаких вариантов, чтобы остаться, и что своего второго внука они увидят только по видео связи, или может, когда соберутся на многочасовое путешествие, которое надо сказать, я на седьмом месяце беременности, перенесла нормально, не считая затёкшей спины и отёкших ног.

Мама долго плакала, отец хмурился, а я как заводная повторяла, что сама не хочу уезжать, но надо, очень надо. Кир никогда не говорил мне, но я и сама догадалась, что раз приняты такие меры, то ситуация накаляется, и жизнь поставлена на кон.

Кир в те дни был просто сгустком напряжения. Он почти не разговаривал, а только рычал. Возле дома дежурили постоянно охранники. Андрея забрали из школы, и не выпускали не под каким предлогом. На все мои вопросы Кир просил не лезть в это, и поэтому мне оставалось только додумывать, догадываться.

Дингли.

Живописный скалистый край на Мальте. Его обожают туристы. Тут на всех возвышенностях стоят скамейки, и смотровые площадки, чтобы можно было присесть и

погрузиться в нирвану, наблюдая, как бирюзовое море набегаёт на острые камни, и как в нём тонет по вечерам солнечный диск, и возрождается утром.

Невероятная красота. Чудесная, сказочная, и чужеродная.

Солёный раскаленный на солнце воздух, чужой.

Постоянные камни, и кактусы.

И бесконечное небо.

Всё чужое, не родное.

Мы жили в глубине города, можно сказать, что за ним. В деревне, если это применимо для Дингли. Он, по сути, сам город посёлок.

Когда нас, уставших, и обессиленных, после перелёта, довели до дома, я даже не взглянула на него. Кир только бросил, что теперь это всё, что у нас есть. А было, кстати, не мало.

Дом, в мальтийском стиле, двухэтажный, каменный, со ставнями на окнах. И даже кое-какая обстановка имелась. И современная кухня. И сад был вокруг. Оливковые и лимонные деревья. Многолетние, раскидистые. И внутренний двор, с пальмами, и каменным полом, с фонтаном, и бассейном. Дом стоял на возвышенности, и со второго этажа, было видно море. И это всё, что теперь у нас было. И это было не мало, потому что мы были друг у друга. Не ночами, когда мы лежали в кровати, я тихо плакала. Я не могла никак смириться, и принять. Всё для меня было чужеродным и непонятным. Я боялась выходить из дома, сидела в нём как в тюрьме, даже на море ни разу не ездила, хотя Кир, старался, как мог. Но моя депрессия только усиливалась. Мне казалось, что я одна, хоть мы и вместе. Я чувствовала чужеродность во всём и никак не могла настроиться на жизнь здесь.

А однажды ночью, видимо устав от моего нытья, Кир рассердился и сказал, что я могу хоть сейчас собирать чемодан, и возвращаться обратно, раз мне так невыносимо рядом с ним. И что все мои признания в любви к нему не стоят ни хрена, раз я при первой же трудности ною, целыми днями, и много всяких матерных слов, в стиле, и в манере Кира. А я только усилила поток слёз, не в силах объяснить, почему собственно плачу.

Это всё слишком для меня!

Я никого здесь не знаю, и ничего не понимаю. Я словно в ступоре, в дурном сне, никак не могу очнуться. А потом, предварительно перекурив пару сигарет, он сгрёб меня в охапку, и вынес из дома, усадил в машину, не слушая не протесты, не вопросы, и повёз на ближайший утес, на одну из смотровых площадок.

В темноте, под светом круглой луны, мы стояли, оперившись о каменный борт, и смотрели на шумевшее внизу море.

Надо быть поэтом, чтобы описать всю ту красоту, ночного моря, звездного неба, что встречалось с большой водой на горизонте.

Ночного пьянящего воздуха, соленного, даже на такой высоте. Ласково теплого бриза, что развивал мои распущенные волосы, и путался в складках, простой сорочки, в которой я спала. Успела только сверху кофту натянуть. Кир и вовсе стоял в сланцах, и пижамных штанах, по пояс голый, со своими причудливыми рисункам на коже. Ветерок обдувал горячие щёки словно успокаивая, и призывая попробовать полюбить это место. Зажить спокойно.

А потом заговорил Кир. Тихий низкий голос, словно в душу мне проникал. Он говорил с том, что никогда в жизни он никого так не любил как меня, и мои слёзы, терзают его словно, я ножом каждый день ковыряю его сердце. И если мне здесь так плохо, он готов

отпустить меня, лишь бы я была счастлива. Говорил и говорил, перемежая признания и маты. И не смотрел совсем на меня, словно не мог видеть. И тут я поняла, насколько я эгоистична. Насколько зациклена на себе. Ведь есть ещё он, и ему тоже пришлось переехать, принять все изменения в жизни ради меня. В той жизни у него тоже остались друзья и родители, и здесь кроме меня у него никого нет. И до этого момента, вроде как, и меня не было.

Я прижалась к нему, и закрыла рот, поцеловав. Потом шептала, просила прощения, и снова целовала, разглаживала сведенные брови, и видела, как светлею серые глаза, как расслабляется лицо. Чувствовала, как крепче сжимаются его руки. И в один голос мы признались друг ругу в любви.

А потом, словно другая жизнь началась. Оказалось наши соседи тоже русские, и оказалось что их не так уж и мало здесь. И много чего, оказалось, стоило только открыть глаза, и начать жить. И мальтийцы оказались очень гостеприимными людьми. Они были неторопливыми и расслабленными, и это немного сбивало с толку. Но как говорила Вера, это сперва так, а потом втягиваешься и понимаешь, что если назначил встречу с мальтийцем на утро, то лучше ждать его к обеду, а, то и к вечеру.

Ну а там и Ромка подоспел. Срок в срок. Правда пришлось делать кесарево, такой богатырь родился четыре сто, и пятьдесят пять сантиметров.

Всё прошло успешно. Медицина у них тоже на высшем уровне. И Ромку и меня выписали уже на пятые сутки. Кир не отходил от сына с первых дней. Особенно если учесть, что после операции я ещё была слаба, и они с Андреем, были моими феями крёстными.

Андрей помогал по хозяйству, хотя Кир и нанял местную женщину, по имени Неста. Она была темноволосой, пышной женщиной средних лет, и каждый раз улыбалась, когда мы встречались взглядами.

С горем пополам я приноровилась общаться с местными, на ломаном английском, а вот Андрейка, который в школе изучал именно его, свободно общался, иногда подвисяя, когда слышал в ответ слишком быстро сказанную фразу. Кир тоже не затруднялся в общении, имея в арсенале несколько распространенных фраз, да и все кто с ним общался уже через несколько дней сами начинали говорить по-русски.

В этом был весь Кир!

25

Я стояла на террасе, и ждала Кира домой. Он арендовал недалеко отсюда помещение, и переделал его в спортивный зал, который теперь пользовался большой популярностью, как среди мальтийцев, так и русских, и даже парочка немцев, что жили здесь, приходили в зал. Сам Кир преподавал дзюдо, для всех желающих, а у детей так вообще вёл бесплатно.

Сегодня был отменный вечер. Июль и август, с их раскалённым воздухом сменил мягкий сентябрь, и теперь даже днём можно было понежиться на солнце, без риска схлопотать тепловой удар. Мы часто с Ромкой выбирались в сад, пока Андрей был в школе, а Кир на работе. А по вечерам, так вообще была сказка, и мы все вместе ездили к скалистым берегам или спускались к берегу, купались в море. Ласковый ветерок, доносил ароматы лимонов из сада, и нагретой земли, издалека доносились крики чаек, и оранжевый, теплый свет закатного солнца, озарял уходящий день.

Я всё же полюбила этот скалистый берег. Четыре месяца прошло, как один день.

Кир подошёл сзади и обнял меня за талию, чмокнул в щёку.

— Как я тебя пропустила? — удивилась я, обнимая сверху его руки.

— Не знаю, — бормочет Кир, зарываясь носом, в мои волосы, — я тебя прекрасно видел. Стоит, мечтает. О ком думала, красивая?

— Конечно о тебе, — улыбаюсь я.

— И что думала? — мурлычет Кир, нацеловывая мою шею.

— Кир, может сперва поужинаем, а потом, я тебе всё расскажу, — я немного отстраняюсь.

Всё же мы стоим на виду, а внизу бегают дети.

— Блядь, я так соскучился, — рычит он, утаскивая меня в комнату, — и если мне не изменяет память, сегодня нашему сыну два месяца, а значит и ты вполне здорова! А ты предлагаешь мне подождать!

— Кир, — пытаюсь высвободиться из его лап, которые уже бесцеремонно задрали подол моего сарафана, оглаживаю бёдра, — всё не так просто, и я могу быть ещё не готова. И, по-моему, я старалась утолять твою жажду.

Он резко развернул меня лицом, и, прищурившись, посмотрел.

— Да твой рот вне всяких похвал, — хмыкает он. — Только не пойму, чего ты ломаешься. Трахаться разучилась за это время? Так я напомним.

Я окончательно выворачиваюсь из его рук.

— Ты дурак! — бросаю обиженно, и выскакиваю из комнаты, на ходу поправляя сарафан.

Ужинаем в молчании.

В напряженном таком, что хоть ножом режь. Андрей, поначалу пытавшийся болтать, сникает, поддавшись общему настроению. Я пытаюсь не смотреть в холодные изучающие глаза. Потому что не хватает мне духу объяснить мужу, что я не готова к близости с ним. А он прёт напролом.

Ледокол!

И его можно понять, конечно. Тем более что Кир очень темпераментный. Он мне все уши прожужжал, как он это со мной сделает, насколько это будет долго, и как откровенно. И вот сегодня ровно два месяца с моей выписки. И я...

Ну как ему донести, что стесняюсь я теперь себя. Он такой высокий стройный, со стальными мускулами. Держит себя в форме. Сейчас ещё и загорелый. Мечта!

И я.

С огромными сиськами, наполненными молоком, с животиком, и широкими бёдрами. Я столько раз смотрела на себя в зеркало, и до черноты перед глазами боялась раздеться перед ним. Натягивала длинные сорочки, и ворчала, когда он начинал меня щупать. Ему раньше нравилась моя фигура. Соотношение тонкой талии и пышных бёдер. Да грудь сейчас большая, но что с ней будет потом. Андрея я не кормила грудью, не было молока, зато с Ромкой его столько, что приходится сцеживаться. А Кир смотрит на меня, и он не отступит. Это он мне так, передышку дал.

Наверху закричал Ромка.

— Сиди, — роняет Кир, на восторженную меня. Я так хотела слинять, и такой повод подвернулся.

Кир встаёт из-за стола, и уходит наверх. Я смотрю на свою рыбу в тарелке, которую просто расковыряла вилкой, и даже не съела ни кусочка.

— Мам, вы поругались? — спрашивает Андрей, видя, какими взглядами мы обмениваемся с Киром.

— Нет, всё нормально, — вздыхаю я, — просто слегка повздорили.

— Мам, а можно на день рождения, я позову Женьку с Владом? — тут же переключается Андрей.

Ой, блин у сына же на этой неделе день рождение. Ну, мамаша!

— Конечно, сынок, так я и думала, — рассеянно улыбаюсь я.

Возвращается Кир, с Ромкой на руках. Малыш развалился на руке папаши, свесив ручки и ножки, только голова полностью в ладони Кира. Лежит, слюни пускает. Довольный, даже не требует его срочно накормить.

— Давай я подержу, а ты доешь, — предлагаю Киру.

— Сама давай ешь, — смотрит на мою тарелку Кир, укладывает Ромку на своё плечо, моськой назад, и, придерживая за шею, начинает, есть.

Андрей продолжает тему про день рождения, и мы немного отвлекаемся, напряжение слегка отступает. Но стоит нам оказаться наедине в темноте нашей спальни, когда все дети спят, я снова каменею, только представив, что мне предстоит раздеться перед ним. Я так не стеснялась, когда он, меня насильно раздел и разложил. А сейчас как представляю разочарование в его глазах, умереть охота. Тогда он был мне никто, а сейчас целый мир.

— Подойди, — Кир сидит на кровати, широко расставив ноги. По пояс голый, в пижамных штанах. И его кожа светиться в лунном свете, все рельефы мышц, и темные рисунки на виду.

— Кир... — я стою напротив. Только вышла из ванной, час плескалась, думала, уснёт. Комкаю в руках поясок от халата, и стою как вкопанная, смотрю в сторону.

— Я сказал, иди сюда, — рычит он и подается вперед, ловко цепляет мой подол и рывком притягивает к себе. — Юль, что происходит? — заглядывает снизу вверх, в глаза.

Я собираюсь с духом, только никак не могу найти в себе сил, промолвить хоть слово. Кажусь себе душой.

— Блядь, да что случилось? — ревет Кир, совсем не заботясь, что может разбудить Ромку, и я бросаю озабочено взгляд на кроватку, стоящую у стены

— Кир, мы можем отложить всё это, — начинаю я, понимаю, что его надо уговорить пока он не разошёлся совсем.

— Не вопрос, — хмыкает он, — если объяснишь, в чём дело!

Я потёрла лицо, и немного отстранилась. Его близость сбивала меня с толку. Аромат горячей кожи, жаркие ладони, что замерли на моей талии. И взгляд серых глаз, который режет, вскрывает все мои страхи. Я трепещу перед ним до сих пор. Особенно когда он так воинственно настроен. Особенно когда он по пояс голый, Особенно когда я сама сгораю от желания снова воссоединиться с ним по-настоящему.

Но я не могу!

Перешагнуть через себя, и закрыть глаза. Я так боюсь увидеть в его глазах досаду, когда он увидит меня. Так боюсь, что лучше я в очередной раз встану перед ним на колени, и сделаю, минет, только бы он не раздевал меня и не рассматривал. Но только я хочу опуститься вниз, как он перехватывает меня, и насильно усаживает на свои колени.

— Я жду, твоих объяснений, красивая, — внимательно заглядывает в лицо, а сегодня такая лунная ночь, что никакого освещения не нужно всё и так видно. И моё смущение, и мою растерянность.

— Кир, я стесняюсь себя, — выдаю, наконец, я и отворачиваюсь, жду, когда начнет, смеется, или уверяет, что все в порядке.

Но Кир молчит.

— Вот значит как, — наконец озадаченно произносит он.

— Да представь себе, я... я... у меня живот, и бёдра расползлись, и грудь словно две боеголовки, — разошлась я.

— Да красивая, я понимаю, что у вас у женщин всё тоньше устроено, но у нас у мужиков всё проще, — хмыкает он, и ловит мой подбородок, смотрит в глаза, — и я тебе по простому и скажу. Ты думаешь, я не знаю, что твоя фигура изменилась. Да я каждый твой изгиб знаю лучше, чем ты.

— Знаешь? — растерялась я.

— Знаю. И мне настолько по хуй, что там у тебя живот, не живот. Ты для меня всегда самая охуенная. Я от одного твоего запаха кончаю. От одних твоих ёрзаний на моих коленях, у меня уже стоит. Понимаю для тебя, возможно, это примитивно. Но я мужик, а ты моя женщина. Поэтому раздевайся, ложись и раздвигай ножки.

— Ты невыносимый пошляк, — я даже покраснелась, хорошо в темноте, не видно было.

— Скажи ещё, что не знала об этом, когда замуж выходила, — усмехается он, и выпускает меня из рук. Я встаю, сперва поворачиваюсь спиной, но потом передумав, снова лицом к Киру.

— Давай, красивая, я долго не выдержу, рискуешь быть жестко отраханой, — хрипит его голос.

Он так и сидит, раскинув ноги, только откинулся на локти. Между ног отчётливо виднеется возбуждённый член.

— Кир! — возмущаюсь я.

— Я не шучу, — хмыкает Кир, видит, что я медлю.

Я развязываю поясok на халате, стягиваю его с плеч, потом тяну вверх сорочку. Медленно поднимаю её, и когда дохожу до середины бёдер скидываю её через голову.

— Блядь ещё и трусы надела, — ворчит Кир, и видимо не выдержав долгого томления, встаёт и подходит, — на что надеялась-то?

— Что ты отступишь, наверное, — лепечу я, немного ссутулившись, под его пристальным взглядом, и следя за ним.

Кир медленно обходит меня. Он ещё не касается, а я уже чувствую жар исходящий от него. Невидимые импульсы передаются через легкое волнения воздуха, заставляя кожу покрываться мурашками. Заставляя сердце ускорять ритм, а дыхание сбиваться. Встаёт за спиной, и распускает мой высокий хвост, скользит пальцами, пропуская длинные пряди между ними, а потом собирает волосы в руке и натягивает, заставляя голову запрокинуться.

— Ты сама-то в это веришь? — хрипит над ухом его голос, и горячее дыхание обрамляет шею. Тело тут же отзывается, напрягается. Низ живота тянет знакомая приятная нега. — Я же ледокол. Всегда вперёд.

— Да ты ледокол, — сбивчиво шепчу я, повернув к нему голову. — Против тебя не устоять.

— Вот и не пытайся, — отвечает у самых губ, почти касаясь, и шарит по лицу моему своими глазами, впитывая ответную реакцию. Мою прикушенную губу, и прикрытые глаза, и трепещущие крылья носа, ничего не скрыто от него, — и уснуть, сегодня не надейся!

— Кир, — укоризненно шепчу я, но глаз не отважу. Всё падаю и падаю в их темень. Затягивают. Утаскивают. В порочные глубины.

Кир касается моих губ своими, нежно проводит, по самому краю. Легко языком касается, и тут я чувствую, дрожь, пробежавшую по его телу. Вибрации прижавшегося горячего тела. Его судорожный вздох, и мой стон, в раскрытые губы. И опять это лёгкое касание губ, и вздох, уже из моего рта. Аромат табака и мяты тает на моём языке, и я подаюсь ближе, в желании углубить поцелуй, впитать ещё больше возжеленного вкуса. Закидываю свои руки назад, обнимаю его за шею, притягиваю к себе.

Кир скользит горячими ладонями, по всему моему телу, от нежной шеи, и плеч, слегка касается напряженной груди, вырывая мой вдох, оглаживает талию, и такой неидеальный живот. Скользит ниже по кромке трусиков и ниже, между ног. Я откидываюсь назад, уже совсем забыв про свои страхи, отдаюсь на волю чувств.

Горячих.

Обжигающих. Плавающих моё тело и разум. Всю меня охватывает томление. Ожидание очередной ласки. Возбуждающе, и нетерпимо. И в то же время хочется остановить это мгновение. Когда эти ласки ещё легки и осторожны. Пока они только касания, призванные только распалить, волновать и будоражить.

— Бля, не могу больше, — стонет Кир, и толкает меня к кровати. Мы доходим, не разжимая объятий и не переставая целоваться. Горячее тело Кира давит на меня, и я повинуюсь, опускаюсь на упругий матрас. Он тут же разворачивает меня лицом и подтягивает за лодыжки к себе, тянет вниз мои трусы.

— Кир... я люблю тебя, — шепчу ему, когда он прижимается, скинув, наконец, свои штаны. Он выше поднимает мои ноги, заставляя обнять ими себя за талию, но ещё не входит, дразнит, замирает, хотя только что сам умирал от желания.

— Пиздец, как я люблю тебя, красивая, — склоняется ниже, и обрамляет горячим дыханием моё лицо. — Не смей никогда в себе сомневаться! Слышала меня? — цепляет пальцами мой подбородок, и, не дожидаясь ответа, толкается, входя на всю длину.

Я выгибаюсь, и моё «да», сказанное в ответ, растворяется в стоне. Дрожь бежит по телу. Оно отвыкло, хоть и жаждало только его. Я всхлипнула, и он замер.

— Тих, тих, — Кир стал шептать утешительные слова, перемежая их с пошлостями и матами, и беспрестанно осыпая моё лицо поцелуями, опять начал медленно двигаться, — потерпи, красивая, потерпи... бля... сколько я ждал этого... — дыхание его сбивается, темп увеличивается, тело всё напряжено. Он сжимает меня в объятиях, пропустив руки под плечами, и утыкается носом в шею, жарко туда дышит, и что-то шепчет совсем неразборчивое, содрогаясь всем телом. А я задыхаюсь от того, что он пытается сдержаться ради меня, быть нежным, когда не может замедлиться, понимая, что иначе причинит мне боль. Я задыхаюсь, утопаю в любви к нему. Овивая крепче ногами, и беспорядочно скольжу руками по спине.

— Всё хорошо, хорошо, — утешаю его, разрешаю отпустить себя, ведь я уже привыкла, и я тоже люблю, когда он не сдержан.

Он наращивает темп, вбивается резче, продолжая шептать слова утешения. А я выгибаюсь на каждый его толчок, чтобы быть ещё ближе.

Какой я дурой была!

Стеснялась.

Боялась, быть не соблазнительной. Опасалась, что возбуждать перестану. А он развеял все мои страхи самым доходчивым способом. Только Кир может быть таким напористым, невозможным, упрямым. И только его люблю, только он нужен всегда. Моё сердце ликовало,

получив такой отклик, от него. Дрожь тела, сбитое дыхание, шёпот, жадные поцелуи, и крепкие объятия. Я растворялась в этом мужчине снова, даря себя всю, и теперь даже мои инстинкты молчали, они тоже были подчинены только ему.

На востоке загорался рассвет. Мы лежали, в объятиях друг друга. Опустошённые, взмокшие, удовлетворённые. Так было хорошо, что шевелится, не хотелось. Я даже не представляю, как он пойдёт сегодня в свой спортзал, и как я, буду целый день нянчиться с Ромкой, который всю ночь проспал, а значит, скоро он проснётся и потребует свою порцию молока. Но мне было, не жаль.

Эта ночь, она была волшебная. Она снова нас соединила что ли. Она снова напомнила мне, как я люблю его, и что только он мне нужен. Столько признаний, только через прикосновения и ласки. Столько откровений, через несдержанность, и грубость. Столько любви, для нас двоих. Целый океан. Удивительно, как один человек может быть так необходим другому, чисто на физическом уровне. Мы как две половинки целого. Всегда было смешно, когда слышала подобное заявление, а вот теперь сама являюсь этой половинкой.

— Совсем скоро будет тот день, когда я увидел тебя, красивая, и пропал, — шепчет Кир, поглаживая мою спину, и задумчиво глядя на рассвет. Наверно он тоже в таких же раздумьях, что и я.

— Обалдеть, — я приподнимаюсь на руках, и смотрю на его профиль, — У нас уже целая жизнь на двоих.

— Я никогда не говорил тебе этого Юля, но... — он запнулся и перевёл свой взгляд на меня. Я выжидательно смотрела на него, и даже немного напряглась.

— Я часто был мудаком по отношению к тебе, — сдавленно произнёс он, — был груб, и не сдержан, особенно в самом начале... И с Катей тогда, допустил, чтобы ты нервничала...

— Кир, — перебила я его, приложив палец к губам, — всё так, да только взамен ты мне подарил целую вселенную, и я ни на что не променяю это.

Он прижал мою ладонь, к своим губам и поцеловал. В глазах было столько благодарности.

— Бля, да откуда ты такая? Видимо там наверху решили, что я не совсем конченный ублюдок, раз послали мне тебя! — усмехается он, но почему-то печально.

— А мне тебя, — прижалась к нему.

Солнце, наконец, выползло на небо. А мы бессовестно проспали, пока самый настойчивый будильник не разбудил нас.

Больше книг на сайте - Knigoed.net